

Поль Альтер

Комната безумца

Пролог

Что ожидаешь найти в гробу?

Иногда оказывается необходимо потревожить землю на кладбище, чтобы выкопать тело. Это случается довольно редко, и должно иметься серьезное основание.

Когда гроб появляется при свете дня под неподвижными взглядами присутствующих и лихорадочные руки готовятся поднять крышку, тот же самый вопрос готовится слететь со всех губ. Что мы сейчас обнаружим?

В детективных романах такие события чаще всего происходят поздно ночью или рано на рассвете. В действительности ради соблюдения тайны их обычно организуют вне времени нормальной работы кладбища. При гробовом молчании испуганные зрители пристально смотрят на гроб, который сейчас откроют. Малейший шум кажется громким, шелест листьев напоминает стон, а скрип крышки гроба кажется зловещим. Зрители начеку... одни ожидают худшего, другие тайно надеются на это, но у всех свербит мучительный вопрос: что мы найдем?

Есть, очевидно, несколько возможностей: тело (или то, что от него осталось) все еще находится там, и это то самое тело, которое похоронили. Это самый частый случай, но некоторые свидетели с большим воображением и под влиянием обстоятельств ожидают другого.

Может также случиться, что тело исчезло, — любопытное явление, особенно если можно доказать, что тело действительно было в гробу, когда его опускали в землю, и что до эксгумации земля оставалась нетронутой. Известны также случаи, когда гроб оказывался не пуст, но содержал тело другого человека!

Склепы предлагают другие интересные возможности. Например, когда отпирают двери в склеп (само собой разумеется, запечатанный) в результате недавней смерти кого-то, открывается картина разбитых гробов, лежащих в полном беспорядке. Или, еще хуже, все гробы стоят на месте, но скелеты разбросаны повсюду!

Особенно изощренный ум мог бы вообразить и другие непостижимые и отвратительные ситуации, но, конечно, не более гротескную, чем невероятное открытие, которое пришлось сделать главным героям этого повествования. Вскрытие семейной могилы Торнов продемонстрировало нечто абсолютно недопустимое и абсолютно необъяснимое, что стало всего лишь одним из эпизодов в трагическом деле, переполненном непостижимыми событиями.

В конце этого рассказа будет трудно отрицать, что судьба — действительно очень странная вещь, и не спрашивать себя, не было ли все это написано злонамеренной рукой, управляемой силами зла, каким-то заблудшим и даже демоническим духом. В этом деле имелась цепь фактов и обстоятельств, отрегулированных словно часовой механизм, причем чрезвычайно сложный, в котором каждый элемент строго обязателен. Очень важна реакция каждого из затронутых людей. Малейшая вариация, малейшее изменение нюанса могло обрушить здание, так терпеливо построенное ради трагического финала. Но то же самое верно в повседневной жизни: если бы мать X не положила соль в кофе своего мужа, и если бы последний не разбил чашку из сервиза, подаренного тещей, и если бы кошка не родила в платяном шкафу его сестры, то X никогда не вышел бы под палящее солнце в водонепроницаемой обуви, и держа в руках зонтик, и, таким образом, не повстречал бы женщину, которой суждено было разрушить его семью, и так далее...

Предопределение, удача или судьба? Как назвать этот гигантский, чудовищный театр марионеток, управляемых нависающей рукой того, кто дергает за ниточки, того, кто знает то, что произойдет, потому что именно он решил, что так должно быть?

Очевидно, что невозможно вернуться и проследить каждое действие всех героев нашего рассказа с момента, когда они родились, описать все их основные особенности, и в какую сторону, лучшую или худшую, повлияли на них происшедшие события. Но сцена, которая последует, — имевшая место в корнуоллской бухте в обжигающе жаркий летний день в 30-х годах — имеет особое значение даже при том, что она произошла за год до главных событий нашей истории.

Часть первая

1

— Когда точно был Большой лондонский пожар? — спросила Паула Лайл, бросая на своего спутника озорной взгляд.

Патрик Нолан притворился, что не слышит. Глядя вдоль пляжа, который плавно спускался к морю, он предпочитал слушать волны, а не глупые вопросы по истории, которые постоянно задавала его подруга. Казалось, она просто упивалась его невежеством. Или, скорее, она наслаждалась его смущением. Но дни, когда он краснел как школьник, уже давно миновали. Он помнил точную дату их первого спора несколько лет назад. Она сразу же спросила его дату рождения королевы Виктории. Откуда она могла знать, насколько ограничены его знания по историческим вопросам и насколько он будет смущен? Единственные факты, которые он помнил, относились к временам трагедий, таких как чума, которая razорила столицу в 1665 году, жуткие подробности истории Лондонского моста и головы казненных на пиках. Он также изучал самые знаменитые преступления. И, конечно же, знал все о пожаре, охватившем столицу.

Все еще молча, он внимательно посмотрел на нее, лежащую рядом на пляже. Примерно того же возраста как и он (чуть за двадцать), и было невозможно назвать ее некрасивой. Светло-каштановые волосы, высокие скулы, восхитительный подбородок и озорные голубые глаза с длинными темными ресницами. Среднего роста и очень пропорционально сложена. Конечно, что и говорить, он должен был бы увидеть ее без этого раздражающего купальника, закрывающего тело. Он попытался забыть об этой помехе.

— Послушай, — заговорила Паула, — если ты собираешься раздеть меня глазами, то мог бы это делать менее откровенно. Ты похож на энтомолога, рассматривающего новый вид насекомого!

— А вот так? — спросил Патрик, демонстративно закатывая глаза в восхищении.

Молодая женщина встала, поглядела на горизонт и очень серьезно сказала:

— Ты не понимаешь, дорогой: мы здесь одни на пустынном пляже, где ты свободно можешь неторопливо рассматривать мои колени... Если бы кто-нибудь увидел нас, моя честь оказалась бы под угрозой.

— Не преувеличивай, дорогая. Паддинг-лейн, час ночи, второе сентября 1666 года.

— Что?

Патрик равнодушно изучал свои ногти:

— Ты спросила меня, когда начался пожар. Есть ли что-нибудь еще, что ты хочешь знать? Направление ветра, людские и материальные потери, последствия как прямые, так и косвенные...

— Верно, я забыла: как только речь идет о смерти, ты — настоящая энциклопедия. Я никогда не понимала, почему ты не пошел в полицию... или в детективное агентство. Уверена, там ты был бы в своей стихии. Эта твоя навязчивая идея с болезненным...

Патрик Нолан воздел руки к небу:

— Вот оно! Невозможно интересоваться определенными аспектами истории или полицейскими расследованиями без того, чтобы тебя считали извращенцем или маньяком, склонным к убийству. — Он опустил руки и нахмурился. — Вообще-то я действительно обращался к нескольким детективным агентствам. Но работа чаще была связана с супружеской изменой, а не с расследованием тяжкого преступления. А мне не хочется тратить свою жизнь на помощь рогоносцам.

— Надеюсь, что нет, — парировала Паула. — Если я когда-нибудь выйду замуж, это никогда не будет...

— ...такой как я! — перебил ее Патрик, со смехом бросая горстку песка на голые ноги Паулы.

Паула тоже засмеялась:

— Нет, это было бы катастрофой для нас обоих!

Молодые люди обменялись понимающими взглядами и замолчали. Лежа на песке и закрыв глаза, они наслаждались теплом песка, нежностью солнечных лучей и ласковым спокойствием бухты, наполненной непрерывным рокотом моря.

Патрик стал молча вспоминать свою долгую дружбу с Паулой. Она была единственной девушкой его возраста, с которой он мог продолжать дружить без каких-либо мыслей о любви. Даже никакого флирта: лишь простая и чистая дружба. Она, конечно же, была привлекательна, и он этого не отрицал, но он знал ее слишком долго, чтобы могли возникнуть более глубокие чувства. Как товарищ, она никогда не унывала: всякий раз, когда они были вместе, она беспощадно поддразнивала его и приставала с тысячей вопросов. Он вспомнил (не с благодарностью) момент, когда она в присутствии нескольких его друзей изучала и комментировала его нос. Никого не удивило, когда она отрезала рукава у одной из его рубашек под тем предлогом, что посчитала их неподходящими, — он еле удержался, чтобы не перекинуть ее через колени и отшлепать. Паула, конечно, всегда создавала проблемы, и это, возможно, было в ней самым интересным. Однажды во время того, что она назвала «культурным походом» в церковь около Солсбери, она воспользовалась тем, что они оказались там одни, поднялась на кафедру проповедника и обратилась с провокационной речью, а он активно участвовал. На выходе они смеялись до слез. Было много подобных инцидентов, но по мере того, как озорная девушка-подросток росла и превращалась в очаровательную молодую женщину, их отношения изменились. Когда краткая любовная интрига Паулы кончилась неудачей, он воспользовался ситуацией, чтобы разыграть роль опытного отца и дать мудрый совет. Сначала для Патрика это было просто игрой, своего рода ответным озорством. Но, как только он понял, что она прислушивается к его рекомендациям, он начал относиться к себе более серьезно и поклялся стать гарантом ее счастья.

Он бросил взгляд на свою спутницу, которая, отвернув голову, казалось, спала. Заметив на обычно гладком лбу ее морщинки, он весело спросил:

— Какие-то заботы, милая? Сердечные дела?

Паула села и долго смотрела на него, а затем стала рисовать пальцем круги на песке.

— Этим утром я получила письмо от Фрэнсиса.

— Добрый старина Фрэнсис. Что с ним произошло с прошлого лета?

Паула прекратила рисовать круги и потупилась.

— Я виделась с ним снова в прошлом декабре в Лондоне. Он пригласил меня провести несколько дней в доме его родителей. Он был очень хорош и... сделал мне определенное предложение.

Патрик снисходительно улыбнулся.

— Но я уже знаю все это, Паула. Ты подробно рассказала мне, разве не помнишь?

— Я, конечно, не говорила тебе, что он просил моей руки!

— Тебе и не нужно было, я это и так сразу понял. Он влюбился в тебя мгновенно, лишь только увидел. Это было прямо здесь приблизительно год назад. Я вспоминаю эту сцену, как будто это было вчера. Его родители сидели на шезлонгах дальше, а он и его сестра проходили мимо нас на пляже. Как только он увидел тебя, его глаза загорелись. Только не говори мне, что не заметила.

Паула потупила глаза:

— А я полагаю, ты не помнишь, какими глазами смотрел на Сару?

Патрик слегка вздохнул.

— Она очень красива, должен признать. Но...

Он остановился не в силах найти слова. Паула ехидно смотрела на своего приятеля. Он был высоким и худым, и ей нравилось смотреть в его большие карие глаза, полные нежности, смешанной с иронией, особенно когда он чувствовал себя неловко, как сейчас.

— Но? — повторила Паула, улыбаясь.

— Как бы это сказать?... Она очень красивая, я первым это признаю, но не... желанная, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Паула шутливо приподняла бровь:

— Могу почти поклясться, что видела, как вы двое целовались там на скалах. Или скажешь, это был оптический обман?

— Простая вежливость с моей стороны, — натянуто объяснил Патрик. — Любая другая моя реакция... оскорбила бы ее. Это было самое меньшее, что я мог для нее сделать. Позволь мне напомнить, что было уже поздно, а ночь была теплой и... Ладно, о чем мы говорили?

— Фрэнсис.

— Ах, да. Фрэнсис. Хороший парень и довольно интересный — по крайней мере, когда не говорит о тебе.

— Что это значит?

— Это значит, что, опьяненный тобой (а это еще слабо сказано), он не перестает спрашивать о драгоценной тебе. И, как ты знаешь, я нарисовал очень приятный портрет: хорошая семья, хорошее воспитание, хорошее образование, приятный характер, поведение выше всяких...

Паула, которая, казалось, не слушала, хмуро перебила его:

— Я не знаю, что мне делать.

— Что делать? Я так полагаю, что в письме спрашивается, подумала ли ты над его предложением?

— Да.

— Но это же потрясающе! Уверен, он сделает тебя счастливейшей из женщин. Не понимаю, почему ты колеблешься: он довольно симпатичен, любит тебя, у него хорошая работа, он... — Патрик обнял подругу за плечи и стал говорить тише. — А теперь послушай, я не хочу влиять на тебя, а лишь дам хороший совет: выходи за него. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы сказать: он — то, что тебе надо. Поверь мне. Я сразу понял...

Паула рассеянно смотрела на море.

— Ты ничего не понял. Это означало бы, что мне придется уехать отсюда, а Лондон совсем не близко.

— Но когда выходишь замуж за кого-то, то должна жить с ним. С ним и никем больше. Семья, друзья и все остальное побоку!

— Возможно... Но не в этом проблема.

— Так, а в чем?

— Я... я не уверена, что люблю его.

Патрик широко улыбнулся:

— Паула, милая, у каждой женщины появляются те же сомнения. Твоя реакция совершенно понятна. Я бы волновался, если бы ты чувствовала себя по-другому. Ты на перекрестке, в начале новой жизни и страшишься неизвестного. Есть несколько дорог, но какую выбрать? Ты не можешь уклониться от этого выбора. И он должен быть наилучшим...

С тревогой глядя на него, она ответила:

— Я не уверена, что люблю его.

Патрик глубоко вздохнул и встал. Он поднял ракушку, бросил ее в волны и вернулся, встав рядом с ней.

— Послушай, — сказал он торжественно, — нет такой вещи, как любовь с первого взгляда, Любовь с большой буквы. Очевидно, есть исключения, случаи физической страсти без оглядки на завтра... — Он вновь вздохнул, прежде чем посмотреть ей прямо в глаза. — Нам на двоих стукнуло сорок четыре года, правильно? Ну, испытал ли кто-то из нас истинно великую страсть?

Паула покачала головой.

— Я тоже, — сказал Патрик тоном, который казался почти зловещим. Удовлетворенный своей демонстрацией, он остановился.

— Раз заговорили о Саре, — пробормотала Паула, — кажется, она собирается скоро выйти замуж.

— Здорово. Кто счастливец?

— Некий Харрис Торн. Очень богат и немного старше нее. Фрэнсис больше ничего не сказал в письме.

— Ну и хорошо. Свадебные колокола будут звонить без остановки.

— Таким образом, ты считаешь, я должна принять...

— Да, Паула, — твердо заявил Патрик. — Выходи за Фрэнсиса. Гарантирую, не пожалеешь!

Свадьбу назначили на конец сентября. Паула должна была присоединиться к своему суженому в Лондоне за три дня до срока. А накануне ее отъезда они с Патриком решили провести вместе прощальный вечер.

Они пообедали в уютном ресторане в Ньюквее, где, хорошо подогретые шампанским, выделялись искрящимся и безудержным весельем, не обращая внимания на укоризненные взгляды некоторых других посетителей.

Стоял теплый вечер, учитывая, что почти наступила осень, и звезды ярко сияли на бархатном фоне неба. И так получилось, что в такси на пути назад в Педстоу они решили в последний раз посетить свою маленькую бухту.

Они молча поднялись на вершину скалы, откуда смотрели на море, спокойное и мощное, искрящееся под звездами. Внезапно открывшееся перед ними величие этой сцены сделало их сумасбродный вечер каким-то мелким и незначительным. Паула заговорила первой.

— Какой вечер! — заметила она, когда они неторопливо спускались вниз к бухте.

— Вы немного не в себе, мадам, — объявил Патрик с ложной серьезностью.

— А кто в этом виноват? — прошептала молодая женщина. — Честно, Патрик, если бы я хорошо не знала тебя, то могла бы решить, что твои намерения далеки от благородства.

— Я заставлял тебя пить? Это ты воспользовалась моей печалью (да, признаю, мне жаль, что ты уезжаешь), чтобы наполнять мой бокал всякий раз, когда я отвернусь.

Паула ответила не сразу. Но как только они оказались на пляже, она сбросила обувь и улыбнулась:

— Значит, тебе грустно, что я уезжаю?

Патрик улыбнулся в ответ:

— Немного, да.

— Что ж, ты хорошо это скрывал. Весь вечер валять дурака — довольно странный способ выражать печаль.

— А ты была звездой вечера с бесконечным потоком шуток, очевидно переполненная радостью от перспективы отъезда.

Паула с вызовом уперла руки в боки:

— И чья в этом вина, могу я поинтересоваться?

Патрик задумался.

— Если разобраться, увидь Фрэнсис, как ты себя вела, сомневаюсь, что он бы одобрил.

— Одобрил бы даже меньше, чем видеть тебя со мной на этом пляже в столь поздний час?

— Ты права.

Они оба рассмеялись и побежали к морю. Волны омывали их ноги, а Паула подняла глаза к небу.

— Луна сегодня великолепна. Я чувствую, как она действует. Будто волшебная сила куда-то уносит меня. Волшебная, да, и даже недобрая.

— Опять понесло, — улыбнулся Патрик.

— О, Луна, Королева Ночи, прокляни этого несчастного смертного, валяющегося у моих ног от безнадежной любви...

— Просто слова, моя милая, — воскликнул Патрик, — а что касается вкуса...

— Давай пойдем купаться.

Патрик был ошеломлен.

— Купаться?

— Да. Почти полночь, и так, кажется, принято.

— Если я правильно помню, — ответил Патрик, притворяясь равнодушным, — такое дело вятворяют... без одежды.

— Точно, — кивнула Паула. Рассмеявшись, она потрепала его по волосам. — Если бы ты мог себя видеть! Похож на ежа. В любом случае будь уверен, что я не позволю тебе пялиться на мои божественные формы, — добавила она, закрывая глаза и качая головой. — Это слишком опасно.

— Твое желание для меня закон, моя прекрасная подруга. Итак, как прикажешь поступить?

— Отвернись и считай до ста. Потом ты крикнешь, и я отвернусь.

Патрик глубоко вздохнул.

— Моя милая, я всегда знал, что в тебе есть эта извращенная сторона, предназначенная исключительно для меня. С тех пор, как мы знаем друг друга, ты никогда не прекращала поддевать меня прямо или косвенно. Но я выдержу эту последнюю проверку так же стоически, как другие.

Паула подняла мизинец.

— Дружок, из того, что ты только что сказал, я понимаю, что ты всегда тайно желал меня.

— Точно, моя богиня. И именно поэтому в последнем акте извращения я отдал тебя в руки другого.

Полуночное купание сопровождалось многочисленными обвинениями и заявлениями, подозрением друг друга в обмане и хитрыми взглядами украдкой.

Наконец, они оказались рядом, и их игривое подшучивание продолжалось, пока Паула не затолкала голову Патрика под воду.

Когда они наконец вернулись на пляж, последовала процедура, отработанная при раздевании. Затем они снова лежали рядом на песке, и Паула заметила:

— Если родители поймут меня, вернувшуюся с мокрыми волосами и покрытую песком, быть беде.

— Просто скажи им, что я немного выпил лишнего и толкнул тебя в воду. — Тон его голоса внезапно изменился. — А знаешь, ты совсем не плохо смотришься.

— Тоже мне открытие! Что именно ты имеешь в виду?

— Я говорю о... Твоя анатомия.

— Негодяй! Я так и знала, что ты играешь нечестно!

— Нисколько, я сказал так, просто чтобы поддразнить тебя. Но признаю, что испытывал большое желание украдкой взглянуть.

— Твоя откровенность делает тебе честь и должна быть вознаграждена.

Патрик вздохнул:

— Что на этот раз?

— Закрой глаза и считай до десяти, — ответила Паула тоном, слишком вежливым, чтобы быть искренним.

— Хорошо, но теперь я подозрителен.

Когда он открыл глаза снова, первая реакция Патрика была удивлением, что он не стал жертвой одной из шуток его подруги. Второе удивление состояло в том, что она сидела на песке в точно таком же положении, что и прежде.

— Об этой награде...

Он не закончил предложения. Его пристальный взгляд упал сначала на красивую розовую блузку, которая лежала на песке рядом с другим дамским бельем. Он медленно поднял глаза и увидел самую восхитительную из сирен. Иллюзия была полной. Ноги Паулы, немного согнулись, облепленные мягкой тканью юбки. А локоны волос, распустившихся по изящным плечам, почти не скрывали восхитительных округлостей ниже.

— П-Паула! — прошептал он, заикаясь.

Последовало несколько секунд волнующей тишины, после которых молодая женщина подняла одежду и вновь надела.

— Это будет моим последним актом безумия на сегодняшний вечер, — улыбнулась она.

— У меня нет слов... Такой сувенир на память!

— И только подумать, что мне пришлось продемонстрировать часть своего очарования, чтобы ты наконец оценил мою красоту!

— Признаю себя виновным. Виновным в том, чтобы был полностью слеп... до самого последнего дня.

Паула звонко рассмеялась.

— Дорогой Патрик, послушать тебя, можно подумать, ты будешь жалеть, что я уеду.

Он приблизился и странно посмотрел на нее.

— Сколько времени мы знаем друг друга, Паула?

— Почти восемь лет.

— И в течение всех этих восьми лет, я могу сказать тебе это теперь, я никогда не думал о том, чтобы поцеловать тебя... кроме одного раза.

— Что ж, для меня это новость. И когда это было?

— Когда мы пошли на ту прогулку в Сент-Айвс два года назад. Мы попали под ливень и нашли убежище на крыльце. Мы долго стояли там молча, помнишь?

— Да, и могу сказать теперь, какой же ты болван, что не воспользовался ситуацией. Почему такая сдержанность?

— Не знаю. Возможно потому, что мы всегда были друзьями.

Настала очередь Паулы замолчать. Теперь они находились очень близко друг к другу, и Патрик смотрел в красивые голубые глаза молодой женщины, как будто видел их впервые. В них все еще бегали озорные искорки, но теперь там было что-то новое, чего он не видел раньше.

В его защиту нужно сказать, что он был столь дезориентирован выражением ее лица, что просто не знал, что делать. Впоследствии он понял, что в эту сладкую сентябрьскую ночь в ее выражении не было ничего нового, но просто он, наконец, увидел нечто, что было глубоко спрятано все время с того дня, как она задала вопрос, когда родилась королева Виктория.

Губы молодого человека медленно приблизились к губам подруги.

Паула не сопротивлялась.

Луна заливала тихий пляж серебряным светом. Деликатное облако закрыло ее свет на некоторое время и, казалось, улыбнулось, когда розовая блузка в третий раз за ночь упала на песок...

* * *

На следующее утро Патрик провожал Паулу на станцию. Присутствовали и родители молодой женщины. Они сядут на этот же поезд два дня спустя, чтобы встретиться с ней в Лондоне. Молодой человек не слышал их слов прощания, но видел, как Паула нежно улыбнулась ему через окно купе. Взглянув в бездну ее голубых глаз, он вновь пережил эпилог их ночной идиллии.

— Боже мой, Патрик, что мы наделали?

— Один последний акт безумия, — вздохнул он. — Жалеешь?

Паула с полуулыбкой на губах медленно покачала головой.

— И я, Паула, я...

— Называй меня любимой. Ты имеешь право на это еще несколько минут.

— Я... я никогда не забуду эту ночь.

— Которая навсегда останется нашей дорогой, сладкой тайной.

— Нашей тайной, любимая.

Они остановились на вершине скалы, чтобы обменяться долгим поцелуем, который, как они поклялись, будет их последним, и решили, что их приключение закончится тут же. Но они нарушили это обещание еще несколько раз, так что даже при том, что расстояние от бухты до их домов было коротким, было уже три часа ночи, когда они назвали друг друга любимыми в последний раз.

Раздался свисток, и поезд тронулся. С незнакомым чувством, которое он не пытался определить, Патрик смотрел, как он уезжает.

Когда он оказался вне поля зрения, миссис Лайл заговорила:

— Вы двое подождете здесь? Я пойду и куплю билеты. Нет смысла откладывать на последнюю минуту.

Артур Лайл кивнул в знак согласия и повернулся к молодому человеку:

— Теперь, когда женщины ушли, мы можем поговорить серьезно. Я знаю, что вы оказали большое влияние на брак Паулы.

Патрик открыл было рот, чтобы заговорить, но собеседник опередил его:

— Паула очень колебалась. Только Небо знает почему. Мой большой опыт говорит мне, что Фрэнсис — хороший человек во всех отношениях. Но женщины... — сказал он, поднимая глаза к небу. — Всегда приходится указывать им правильное направление.

Он обнял Патрика и продолжил:

— Знаете, мой мальчик, отцу не всегда легко говорить с дочерью, особенно если ее нужно в чем-то убедить. Паула сказала мне, что это вы ее убедили. — Он с уважением посмотрел Патрику прямо в глаза. — Я знаю, что вы всегда были истинным другом для Паулы, верным и честным другом. Поэтому, как ее отцу, позвольте мне сказать вам огромное спасибо за все, что вы сделали для нее.

Вернувшись домой, Патрик насвистывал какую-то мелодию, чтобы казаться спокойным и уверенным в себе. Но сильный пинок по невинному мусорному баку выдал его отнюдь не прекрасное настроение.

3

Бракосочетание Фрэнсиса Хилтона и Паулы Лайл состоялось в назначенный день, а Сара, сестра Фрэнсиса, вышла за Харриса Торна два месяца спустя. В этот момент наше повествование переносится сразу в следующую весну в лондонский район Сент-Джонс-Вуд, где живут мистер и миссис Говард Хилтон, родители Фрэнсиса и Сары.

Выглядев взволнованным, Говард Хилтон безучастно смотрел, как жена наливает ему чашку чая. Дороти, слабого сложения и ничем не примечательная, привлекала внимание разве что отсутствующим выражением бледных голубых глаз. Любой, кто хорошо знал эту пару, не мог не заметить, как Говард Хилтон за последние месяцы изменился. Он все еще держался просто, с достоинством и дружески, что было естественно для него, но его жесты выдавали подавляемую нервозность, совершенно ему не свойственную. Он только что потерял работу в мелкой компании по изготовлению деревянных игрушек, где проработал всю жизнь и был одним из лучших служащих. После смерти хозяина компания перешла к новому владельцу, и для Говарда не осталось места. Несмотря на то, что его уволили в пятьдесят пять лет, его не слишком волновали ни поиски новой работы, ни финансовое положение, которое было отнюдь не блестящим. Свадьба дочери не стоила ему ни пенса (зять отклонил его попытку поучаствовать в расходах), но именно там лежал источник его беспокойства.

Потягивая чай, он осматривал комнату, которую знал двадцать лет. Хоть и не роскошный, холл был удобен, два больших окна, выходящих в сад, которому он посвятил столько трудов, пропускали в помещение много света.

— Знаю, о чем ты думаешь, Говард: тебе не хочется отсюда уезжать. Но какой у нас выбор? И, сказать правду, мысль собраться всем жить в поместье не вызывает у меня ни малейшего недовольства. Ты, кажется, не понимаешь, что нам больше не придется считать каждый пенс, как всю нашу прошлую жизнь. И дети будут с нами рядом. Нам очень повезло иметь такого зятя, как Харрис.

Харрис. Харрис Торн. Говард никак не мог выбросить это имя из головы по нескольким причинам. Во-первых, этот человек женился на его дочери. Во-вторых, он был богат, очень богат... слишком богат. Его родители оставили ему большое наследство, и в тридцать восемь лет он стоял во главе успешной фирмы по производству велосипедов в Ковентри, которой руководил умело и властно. Его сильный голос, громкие раскаты смеха и великодушные привлекали к нему всех, кто его знал. Он имел обыкновение навязывать свои взгляды, но ему никогда никто не противоречил, по крайней мере, открыто.

Его брат Брайан, осторожный и тихий, совсем не походил на него. Он жил как отшельник с несколькими слугами в поместье недалеко от Челтнема. Большую часть времени он запирался в своей комнате, выходя лишь время от времени прогуляться, и тогда бесцельно блуждал с отсутствующим взглядом. Естественно, все расходы пали на Харриса, единственного, кто способен был их нести. С начала года поместье подверглось обширной реконструкции: Харрис решил сделать его основным местом жительства и пригласил Фрэнсиса с Паулой и его родителей переехать туда и жить рядом с ним и Сарой. Паула, которая была не в состоянии приспособиться к беспокойному ритму Лондона, сразу ухватилась за это предложение пожить в сельской

местности. Фрэнсис, у которого благодаря щедрому зятю была интересная работа с хорошими перспективами карьерного роста, разделял ее восторг.

Что касается Говарда Хилтона, как это ни парадоксально, именно эта перспектива и мучила его. А ведь Харрис объяснил тестю с тещей, что они будут жить без забот. И, как бальзам на их уязвленную гордость, он попросил помочь ему присматривать за слугами, — естественно, за приличное вознаграждение.

— Ты права, конечно, — сказал Говард Хилтон жене жалобным тоном. — Харрис — безукоризненный человек.

— Тогда я не понимаю тебя, Говард, действительно не понимаю. Наше положение не оставляет нам выбора. Что за колебания?

— Я мог бы сказать: это потому, что у нас больше не будет нашего мирного дома и нашей независимости, но дело не в этом. — Он поскреб подбородок. — Сара приезжала к нам на днях. Как ты ее находишь?

— Ну, она действительно казалась немного... Но ты же знаешь не хуже меня: она всегда была очень нервным ребенком.

— Знаю, но никогда не видел ее такой напряженной. Разве она тебе ничего не сказала? Я видел вас в саду, и вы, казалось, обсуждали серьезный вопрос...

Миссис Хилтон отложила кусок пирога, который ела.

— И да, и нет. Она сказала мне, что недавно плохо себя чувствовала и что Харрис... ну, ты знаешь, у нее трудный характер, а первые месяцы брака — вовсе не тихое мирное плавание. Она говорила со мной о Харрисе, о том, как он поздно приходит, о его привычках, характере... у них было несколько бурных сцен. Но ничего, о чем стоило бы волноваться всерьез: ты не забыл, наверное, как топтал мамину шляпку, потому что тебе не понравилось...

— Это другое. Мне кажется, у Сары нет абсолютно никакого желания жить изолированной жизнью среди котсуолдских овец и в подобной компании — у брата Харриса, кажется, не все дома.

— Как ты можешь такое говорить? Ты видел его только однажды на их свадьбе.

— Этого достаточно, чтобы сформировать впечатление. Эти два брата совсем не похожи. Внешне, по крайней мере. Лишь небольшое сходство. Кроме того, Харрис способен на...

— Говард! — остановила его миссис Хилтон. — Как можно так говорить? Я хотела бы, чтобы ты объяснил раз и навсегда, что ты имеешь против него. Между прочим, когда Сара впервые познакомилась с нами, я заметила, что ты явно был не в восторге.

Мистер Хилтон замаялся.

— Послушай, Дороти, я не могу ткнуть пальцем. В любом случае это не разница в возрасте. Даже при том, что пятнадцать лет — многовато. Сара не привыкла подстраиваться под других, и он, очевидно, тоже. Он предпочитает подавлять остальных. — В глазах его вспыхнули озорные искорки. — Раз уж мы об этом заговорили, дорогая, почему ты не скажешь мне, что ты имеешь против Паулы, этой милой малышки? Знаю, ты никогда ничего не говорила, но я чувствую: в ней есть что-то, чего ты абсолютно не переносишь. Разве не так?

— Что за мысль, Говард... нет, у меня нет вообще ничего против нее, даже при том, что... время от времени, она производит впечатление... как бы это сказать?... легкомысленной?... ветреной?..

— Легкомысленной или ветреной? — воскликнул Говард. — Паула? Ничего себе, Дороти, с тобой не соскучишься! Ей просто нравятся хорошие шутки, вот и всё. Я всегда подозревал, что ты считаешь любую жену нашего сына своего рода воровкой.

— Что лишь доказывает, насколько плохо ты меня знаешь! — фыркнула миссис Хилтон тоном оскорбленной королевы.

Говард Хилтон поднял газету, затем в расстройстве отбросил ее и зажег сигарету.

— Я не чувствую себя довольным ситуацией, — вздохнул он. — Семья объединяется под одной крышей в старом поместье вокруг щедрого и очень богатого человека. Если бы это был роман, он закончился бы трагедией.

За рулем собственного кабриолета Сара Торн мчалась по извилистой дороге, ведущей к поместью Торнов, Хаттон-Мэнор. Она только что проехала через Витингтон, сопровождаемая восхищенными и завистливыми взглядами. Жители деревни не привыкли видеть ни такой красивый, сверкающий хромом спортивный автомобиль, ни такого красивого водителя.

На Саре было ярко-красное платье обманчивой простоты, которое очень ей шло. Ее роскошные темные волосы развевались на ветру. Она заполнила легкие чистым воздухом, бодрящим так же, как скорость небольшого «бугатти». Счастливая от мысли, что, наконец, увидит свой новый дом, она чуть сильнее нажала было на акселератор, но передумала, услышав визг шин на очередном повороте.

Харрис хотел сам показать ей дом в этот самый день, но его задержали важные дела в Ковентри, что очень его рассердило. Больше не в силах ждать, Сара решила поехать туда одна: Харрис присоединится к ней вечером вместе с ее родителями, Фрэнсисом и Паулой.

Вовсе не расстроенная, она предвкушала встречу один на один с поместьем, которое муж описал в таких восторженных красках. Конечно, там будет Брайан, этот странный Брайан, но из того немногого, что она уже узнала о нем, она чувствовала уверенность, что он не доставит неприятностей.

При виде указателя на Хаттон ее нетерпение усилилось. Но, проехав деревню, она была вынуждена остановиться. Дорога разветвлялась, но не было никакого знака, который сказал бы ей, налево или направо лежит дорога к поместью. «Поверни налево сразу после выезда из Хаттона, ты его не пропустишь», — уверял ее Харрис.

После краткого раздумья она выбрала наугад и продолжила двигаться вдоль узкой, каменистой дороги, но остановилась во второй раз, поскольку увидела, что навстречу идет парочка. Она заглушила двигатель и подождала, пока люди не поравняются с ней. Мужчина, темноволосый, стройный и среднего роста, был со вкусом одет и по виду был ровесником Харриса. Сара нашла его правильные черты и осторожную, но располагающую улыбку довольно привлекательными. Его младшая спутница с поразительными золотыми волосами и очаровательным профилем, была бы очень красива, но во взгляде ее бледных голубых глаз сквозила пустота.

Сара спросила, как проехать к Хаттон-Мэнор, и пара удивленно посмотрела на нее.

— Вы, случайно, не невестка Брайана? — спросил мужчина.

— Ну да, — ответила Сара, приятно удивленная и немного смущенная его восхищением.

— Позвольте представиться, — сказал мужчина с легким поклоном, — Майк Мидоус, к вашим услугам, а это — моя невеста, Бесси Блант.

— Очень приятно, — улыбнулась Сара в ответ на дружескую улыбку Бесси. После неловкого молчания, не зная, что сказать, она добавила:

— Таким образом, вы знаете Брайана?

Пара обменялась удивленными взглядами. Майк Мидоус откашлялся и продолжил:

— Да, мы из деревни. Брайан — наш друг, прекрасный друг. И мы многим ему обязаны.

— О, да! — воскликнула Бесси, искренне улыбаясь. — Можно сказать, обязаны ему всем!

Сара попыталась понять их странные слова и веселье, но не смогла.

— Понимаете, миссис Торн, я как деревенский врач...

— Врач! — воскликнула Сара, несколько по-другому представляя себе представителя медицины.

Мидоус улыбнулся.

— Могу понять ваше удивление, мадам. Очевидно, я еще не приобрел того опыта, что мой коллега доктор Аллертон, которого я заменяю через пару лет. Но я просто хотел сказать, что, как человек науки, я преклоняюсь перед способностями вашего шурина.

— Его способностями? — повторила ошеломленная Сара.

Повисло молчание. Бесси Блант повернулась к жениху:

— Очевидно, миссис Торн не знает, что... Брайан не тот человек, чтобы кричать на весь мир, что он...

— То есть, вы действительно не знаете? — спросил Майк Мидоус.

— Не понимаю. О каких способностях вы говорите?

— Ваш шурин обладает особым даром и весьма редким. Даром, в который я, как человек науки, отказывался верить... пока не встретил Брайана. Пророчество, предсказание, ясновидение, называйте как хотите, но ваш шурин способен предсказывать будущее!

Сара хотела уже рассмеяться, но серьезные выражения лиц молодой пары остановили ее.

— Предсказывать будущее? Но это невозможно!

Майк Мидоус торжественно кивнул.

— Я не буду тратить время на факты, которые не касаются нас и которые мы лично не засвидетельствовали. Но знайте, Брайан сказал Бесси и мне всего лишь несколько недель назад, что в ближайшее время случится счастливое событие, очень важное для нас обоих. Он буквально сказал нам, что в ближайшие недели мы встретим большую любовь. И на следующий день мы безумно влюбились друг в друга.

* * *

Пока Сара ехала оставшиеся триста ярдов до поместья, она не могла ни о чем думать. Дорога закончилась перед широко открытыми воротами. Широкая гравийная подъездная дорожка пересекала парк из древних деревьев, в которых птицы приветствовали наступление потепления. Если потрескавшиеся, замшелые столбы на входе демонстрировали признаки упадка, за лужайкой, очевидно, тщательно следили. На полпути вдоль дорожки мощеная тропа вела налево к лесистому пригорку, на котором высилась часовня. Толстая ограда из железных поперечин окружала большую часть парка, в середине которого стоял дом. Это было очень пропорциональное каменное строение XVII века, состоящее из внушительного главного здания, в центре которого был главный вход, и маленького крыла слева.

Сара ослабила ногу на акселераторе, и звук двигателя исчез за хрустом шин по гравию. Приблизившись к дому с его окнами, сверкающими на солнце, она начала понимать мирное очарование этого места.

Едва она заглушила двигатель, как парадная дверь открылась. Она сразу узнала Брайана. Тоньше, чем его брат, он выглядел старше своего возраста. Происходило ли это из-за его утомленного вида, худого лица с преждевременными морщинами, лысеющей головы с длинными темно-рыжими волосами или разочарованного взгляда выцветших, глубоко запавших глаз?

С улыбкой на губах он приблизился к Саре. Теплый и радушный взгляд его омрачала печаль.

— Приветствую, Сара, — сказал он, по-братски протягивая руку. — Надеюсь, поездка прошла гладко?

— Великолепно! И погода прекрасная. Я не думала ни о чем, кроме удовольствия от открытия, и не разочарована! Так просторно и так спокойно... Теперь, я понимаю, почему вы настолько привязаны к этому месту, и надеюсь, что наше прибытие не нарушит мирную жизнь, которую вы вели до сих пор.

— Поверьте, Сара, мое одиночество иногда может быть обузой. Добро пожаловать в эти старые стены, которые помолодеют от пребывания здесь такого прекрасного создания, как вы, и вашей семьи. — Его лицо внезапно потемнело. — Даже при том, что я не уверен, хорошо ли это...

Брайан заметил, что глаза Сары расширяются от удивления, и опустил голову:

— Я... я говорил обо всей этой работе по переделке, которая является оскорблением прошлому. Но разве Харрис не с вами?

— Его задержали в правлении его компании в Ковентри, но он обещал быть здесь до того, как стемнеет.

— Хорошо! — задумчиво произнес он. — Но позвольте мне показать вам дом. Уверен, вам не терпится увидеть все.

При входе в главный холл Сару сразу поразила внушительная лестница из темного дерева, балюстрада которой продолжалась и вокруг балкона, где широкая площадка открывала доступ во

все комнаты на втором этаже. Затем ее восхищенный взгляд упал на великолепную декоративную готическую скамью.

— Это с тех времен? — спросила она.

Брайан снисходительно улыбнулся.

— Удачная копия, заказанная Харрисом. Плиточный пол оригинален. Мне пришлось бороться, чтобы спасти его. — Чувствовался слабый запах сырости, который смешивался с более приятным ароматом недавно навощенного дерева. — Харрис хотел заменить его мраморным.

Сара про себя подумала, жаль, что Харрис прислушался к пожеланиям брата, но держала свои мысли при себе, чтобы не расстраивать Брайана, который, казалось, с удовольствием исполнял роль гида. Он провел ее в салон справа от холла.

Широкий проем открыл просторную комнату, купающуюся в свете из больших многостворчатых окон. Перед монументальным камином, сложенным из камней, стояли глубокие кожаные кресла более современного стиля, смело смешиваясь с мебелью значительно более древней: замечательный сундук эпохи Французского ренессанса, еще один английского происхождения, покрытый черным лаком с китайскими рисунками, английские стулья в стиле барокко, несколько тонких стульев времен Людовика XVI, — всё стояло на восточном ковре. Стены были обшиты панелями до уровня головы и побелены выше.

— Харрис убрал дверь и часть дальней стены, считая, что станет светлее. Так и вышло.

Сара почувствовала сожаление в голосе шурина, но она была слишком взволнована увиденным, чтобы обращать на это внимание. Она осмотрела библиотеку и комнату для игр с бильярдным столом и поздравила себя с тем, что дала Харрису карт бланш для переделок: современные штрихи, которые он внес, не диссонировали с тем, что было прежде, что бы там ни думал Брайан.

Показав ей туалеты и гардеробные, куда можно было попасть из холла через скрытые в обшивочных панелях двери, он открыл дверь столовой. Как и в салоне, окна выходили на юг. Две голландские люстры искрились над огромным столом. Комната была связана коридором с кухней, расположенной в крыле, где находились также кабинет и прачечная. Обширная кухня со старыми глиняными и медными горшками объединяла современный комфорт с очарованием древности и очень понравилась Саре.

— А что за дверь там, Брайан?

— Она ведет к черному ходу и к старой каменной лестнице, которая ведет на этаж выше и чердак, где расположены комнаты слуг. Смотрите...

— О! — воскликнула Сара. — Винтовая лестница!

— Это самая старая часть дома, единственный остаток оригинального здания, построенного рыцарем, который воевал еще во времена Столетней войны. Он был свидетелем сожжения Жанны д'Арк и был потрясен этим ужасным зрелищем, после чего вернулся в Англию. Видения этого кошмара преследовали его, и он, как часто слышали, утверждал: «Мы сожгли святую!» Он начал терять рассудок, и однажды замок, который он построил, оказался в огне. Некоторые сказали, что это было наказание Божье. Другие настаивали, что это сам рыцарь спалил дом дотла, одновременно покончив с собой.

Замок никогда не восстанавливали, и он разрушался — осталась стоять лишь лестница. Нынешнее здание построили намного позже. Дорогая Сара, не пытайтесь подняться по этим ступеням на своих высоких каблуках. Лучше поднимемся по главной лестнице.

Как только они оказались на верхних этажах, Брайан показал ей комнаты, предназначенные для ее родителей, и помещения для Паулы и Фрэнсиса вместе с двумя роскошными ванными, оставив Харрису удовольствие продемонстрировать Саре их с мужем комнаты со смежным будуаром. Он указал на двери в собственную спальню и кабинет, расположенные в углу коридора, но не показал ей помещения под предлогом, что там не очень прибрано. Сара посмотрела вдоль коридора, ведущего в крыло дома. В стене имелось две двери, одна за другой. Ее внимание привлекла ближайшая из двух. Дверь не была вставлена в коробку, как остальные, а просто шла как продолжение стены. Кроме того, Сара заметила, что у нее не имелось ни петель, ни ручки.

- Что это? — спросила она, заинтригованная.
- Дверь в конце как раз перед лестницей? Кладовка, полная старого барахла.
- Нет, та перед ней. Но... — Она подошла поближе и изумилась. — Но это не дверь! Это лишь деревянная панель, встроенная в стену! Тоже переделка Харриса?
- Нет, это не одна из его переделок и никогда не будет. Я за этим прослежу!
- Удивленная холодом в его голосе, Сара повернулась и посмотрела на него. Ее поразил неподвижный взгляд почти прозрачных сине-серых глаз, которые, казалось, смотрели на нее не видя.
- Я... прошу прощения?
- Это старая история, — сказал он все с тем же отсутствующим видом. — Эта комната была запечатана по различным причинам.
- Различные причины? Кем-то, кто, как Харрис, хотел изменить...
- Нет. Эта комната запечатана так, чтобы никто никогда не мог в нее войти. Это больше не часть дома.
- Но почему?
- Брайан замолчал, и Сара почувствовала, как он задрожал, прежде чем ответить:
- Чтобы защитить Торнов.

Было около десяти часов, когда с трапезой было покончено, и Сара, Брайан и остальные приехавшие собралась в салоне. Если поездка и утомила мистера и миссис Хилтон, они этого не показывали. Улыбающийся Говард Хилтон очень непринужденно восседал в кресле. Что касается его жены, то даже опытный наблюдатель не мог бы понять ее истинные чувства. Паула, синее платье которой соответствовало цвету ее глаз, была, как обычно, восторженной и порывистой и искренне смеялась над шутками Харриса, что, казалось, раздражало Фрэнсиса, который, очевидно, считал, что обстоятельства требуют большей серьезности. Муж Паулы был одним из тех мужчин, которых легко не заметить из-за их правильных черт и консервативной одежды, но в глазах его блестела сталь.

Усаженный между своей сестрой и Брайаном, он заставил себя внимательно слушать комментарии зятя, который сопровождал их решительными жестами. Контраст между этими двумя мужчинами был поразителен. Фрэнсис, с темными вьющимися волосами, маленькой острой бородкой и осторожными жестами, фактически просто исчез перед подавляющей личностью Харриса Торна, рыжие волосы и борода которого контрастировали с клетчатым костюмом синих тонов — его обычной одеждой. Достаточно авторитарный, но симпатичный, он имел своеобразную привычку говорить, акцентируя сказанное громким рыком, гримасами и взрывами смеха. Иногда добродушие исчезало с его лица — чаще всего, когда Сара рассказывала о некоем ранее неизвестном эпизоде своего прошлого, как, например, сейчас.

— Что? Ты играла в театре? — резко спросил он. — Когда и с кем? Не помню, чтобы ты мне об этом говорила!

Сара изящно рассмеялась.

— Дорогой, не смотри на меня так. Можно подумать, это преступление. Это было давно, когда я была в колледже. Мы создали театральную труппу... я обычно играла мужские роли: рыцарь Круглого стола, Робин Гуд, Ричард Львиное сердце и другие. Было так весело! Я сохранила костюмы и аксессуары. Как-нибудь устрою шоу. — Она оглядела комнату. Деревянная обшивка, казалось, поглощала весь свет от внушительной люстры из оленьих рогов, которая бросала зловещие, искаженные тени на побеленные стены. — Возможно, я поставлю какую-нибудь древнюю трагедию...

— А я загримируюсь призраком! — воскликнула Паула.

Харрис, который как раз зажигал сигару, остановился.

— Призрак, древняя трагедия... — повторил он со странной улыбкой, рассматривая горящую спичку в пальцах. — Вы не понимаете, о чем говорите.

— Что? — спросила Паула, скорее взволнованная, чем испуганная. — Вы хотите сказать, что в этом доме обитает призрак?

Харрис закончил зажигать сигару и продолжил:

— Не совсем призрак, скорее злой дух, прячущийся в тених и готовый напасть при первой возможности. Хотя нельзя исключить и существование настоящего призрака.

После его слов повисло молчание, и тогда он откинул голову назад и засмеялся.

— Харрис! — воскликнул Брайан, и лицо его смертельно побледнело. — Не смейся над такими вещами. Ты не должен этого делать, Харрис, слышишь?

— Послушай, Брайан, самое время поумнеть. Наш двоюродный дед был совсем чокнутым, и его угрозы сбылись по чистой случайности. Понимаю, что в семье Торнов всегда верили в духов и тайные силы, но мы живем в двадцатом веке и наука доказала, что...

— Наука вообще ничего не доказала. Ты не можешь отрицать, что в той комнате что-то есть. И ты не можешь отрицать странные обстоятельства смерти Харви... в той же самой комнате!

Харрис тщательно загасил сигару в маленькую сферу, которую использовал в качестве пепельницы.

— Я не отрицаю фактов. Я просто говорю, что они не были сверхъестественными, и поэтому бояться нечего. И докажу это!

Брайан громко засмеялся.

— В самом деле? Как?

— Снова открою эту комнату... когда захочу.

Брайан замер, уставившись на брата непроницаемым взглядом. Затем встал, пожелал всем спокойной ночи, повернулся и вышел.

Его шаги, отраженные эхом в холле, а затем на лестнице, затихли, и тишину нарушали только высокие часы с маятником.

— Бедный Брайан, — сказал Харрис, осушая бокал одним глотком. — Боюсь, его долгая изоляция... скажем так... повлияла на него. К счастью для него, теперь здесь мы. Это вынудит его выйти из своей скорлупы и прекратить читать те проклятые книги.

— А чем именно он занимается? — спросил мистер Хилтон беззаботным тоном, пытаясь разрядить обстановку. — Он проводит какие-то исследования?

— Более или менее. Он изучает все, чему не учит традиционное образование, всё странное или необычное: предсказание, гадание, астрологию и все остальное... но хуже всего то, что он начинает считать предсказателем себя. Можно вообразить, что будет дальше!

— Харрис, — тихо сказала Сара, — ты не думаешь, что настало время объяснить нам, почему та комната запечатана, и какую роль играл в этом ваш таинственный двоюродный дед?

Хозяин дома пожал плечами.

— Если настаиваешь. Хотя, думаю, едва ли это стоит того, потому что, строго говоря, не было никаких сверхъестественных фактов. Это более или менее семейное дело, которое явно помешало процветанию Торнов, потому что мы с Брайаном — последние потомки. Фактически, мы очень мало знаем о наших предках за исключением того, что когда-то Торны были богатой и преуспевающей семьей. Богатые, сильные и уважаемые — по крайней мере, до конца прошлого столетия. Мой дед, Стивен Торн, уже был женат и жил здесь в поместье со своей сестрой Агатой и двумя братьями, Томасом и Харви, и нас интересует именно последний. Даже в нежном возрасте он был одаренным писателем, и его учителя видели в нем будущего литературного гения — представление, разделяемое его родителями, которые позволили ему занять комнату, самую благоприятную для вдохновения. Она располагалась на втором этаже крыла. Вначале он проводил там два или три вечера в неделю, но позже... Еду ему приносили туда, в его «берлогу», и люди, которые видели свет свечи, мерцающий за окнами его комнаты всю ночь, задавались вопросом, что он там делал. Маловероятно, что они верили, будто неутомимая рука исписывала лист за листом.

— Но что он писал такого захватывающего? — спросила Сара, зажигая сигарету.

Харрис, который ждал именно этого вопроса, выдержал эффектную паузу и продолжил:

— Вот именно. Что он писал? Что именно поглощало его дни и ночи?

Часы пробили половину одиннадцатого. Посмотрев на мистера и миссис Хилтон, Харрис спросил:

— Возможно, уже поздно продолжать? Полагаю, после такого напряженного дня вы хотите отдохнуть.

— Харрис! — возразила его жена, — только не надо играть со мной! Ты начал свою историю и теперь должен закончить. Мать и отец не устали.

— Даже если бы и устали, — ответил Говард Хилтон, — мы не сможем заснуть, не услышав окончания... Правда, Дороти?

Вместо ответа миссис Хилтон закрыла глаза. Только ее муж знал, что молчание у нее было знаком неодобрения.

— Именно этот вопрос задавали себе члены семьи, — продолжал Харрис, поглаживая рыжую бороду. — А затем пришел день, когда он подарил им толстую рукопись, плод более чем двухлетней работы. — Харрис выглядел опечаленным. — Не буду от вас скрывать, что рукописи, насколько я знаю, больше не существует, и мы действительно не узнаем, что в ней было. Однако мы действительно знаем, что его отец был первым, кто ее прочел и, когда закончил, в нем произошли сверхъестественные изменения. Он отказался от еды и быстро слабел. Несколько дней спустя он заболел и умер. Наш дедушка Стивен и его брат Томас также по очереди прочли рукопись и некоторое время пребывали в шоке. Спешу добавить, что они не разделили судьбы своего отца. Рукопись вернули автору со строгим наказом никогда не выносить ее из комнаты. Единственную информацию, которую мы имеем о ее содержании, передала нам наша мать, которая получила ее от мужа, а ему по секрету рассказал наш дедушка Стивен. Очевидно, это что-

то невыносимо жестокое: медленное и неуклонное падение в безумие, которое охватывает читателя и затягивает его в отвратительное тошнотворное состояние. Это проявление беспримерной силы: злой, чтобы не сказать дьявольской. Что касается темы, это размышления о жизни, ее происхождении... и будущем. Я не могу сказать вам больше, — добавил он после небольшой заминки.

— Но ты ведь знаешь больше, дорогой, — подзадорила его Сара. — Я же вижу!

Харрис глубокомысленно поглядел на жену, а затем потупил глаза.

— Да. Но не знаю, следует ли особенно верить свидетельствам, переданным через трех человек. Кажется, что основным персонажем книги был не кто иной, как отец Харви, время и характер смерти которого *были предсказаны точно*.

Дрожь пробежала по аудитории. Харрис откашлялся и продолжал:

— Отношение семьи причинило Харви глубокую боль. Он посчитал домочадцев недалекими и отсталыми: как могли они игнорировать и презирать такого гения, как он? Смерть отца? *Так было написано*, и он не мог ничего сделать. Он закрылся у себя в комнате и написал много других книг. Шли годы. Стивен и Томас сделали все возможное, чтобы скрыть существование человека, которого они считали не совсем нормальным и позорящим имя семьи. Здесь я должен упомянуть, что Томас был награжден королевой за услуги короне, и любой намек на скандал разрушил бы его карьеру. Их брат безумен, пусть так, но пока никто больше не знает об этом, нет никаких причин волноваться. Бомба взорвалась, когда лондонский издатель разыскал их, чтобы поговорить о рукописях, которые их брат Харви прислал для публикации. Само собой разумеется, он не собирался их печатать, но хотел привлечь их внимание к тому факту, что они написаны кем-то явно безумным и что их публикация может оказаться опасной, учитывая, что их послали и нескольким другим издателям. Томас и наш дедушка предприняли все необходимые меры: связались с другими издателями и усилили наблюдение за братом. Через некоторое время паника утихла и осталась лишь неприятным воспоминанием.

Еще несколько слов, прежде чем я закончу. Редко кто заходил в кабинет Харви (он спал и работал там), но если кто-то все-таки пересекал порог, он тут же ощущал какую-то любопытную и неопределенную неловкость, словно помещение действительно было нездоровым. Другой любопытный факт: Харви ежедневно потреблял много воды. Он заполнял две или три бутылки, которые забирал в комнату, и можно было бы предположить, что она должна была утолять его жажду. Если бы не следующее: каждый раз, когда кто-нибудь заходил в его комнату, был там хозяин или нет, в центре стола стоял большой бокал, до краев наполненный водой!

— Едва ли удивительно, — заметила Сара, — если он так пил.

— Не знаю, — задумчиво ответил мистер Хилтон. — Почему такой любитель попить оставлял за собой полный бокал?

— Конечно, — согласился Фрэнсис, пожимая плечами и глядя на Сару. — Но полагаю, эта деталь важна?

— Да. И это приводит нас к последнему акту. Однажды из комнаты Харви раздались крики и стоны. Его нашли на полу на пороге открытой двери, бьющегося в страшных конвульсиях. Он катался по полу вне себя от ярости и боли. Его страдания закончились лишь несколько минут спустя: он умер. Доктора, которые исследовали тело, не были уверены в причине смерти. Сердечный приступ? Из-за гнева или страха? Они постановили, что он не был отравлен и не стал жертвой никакого другого умышленного преступления, а умер от сердечного приступа. В комнате не было никаких улик, которые могли бы объяснить таинственные обстоятельства его смерти. Единственным (если память меня не подводит, одна из горничных рассказала об этом моей матери, не отцу) был мокрый участок на ковре перед камином. И это не все: непосредственно перед тем, как умереть, Харви произнес странные и бессмысленные слова: «Погибнет... согрешивший ... погибнет в огне ... погибнет от огня...»

Харрис зажег спичку и посмотрел на пламя, прежде чем закончить историю:

— И некоторое время спустя на вечеринке, устроенной какими-то друзьями, Томас, Стивен и Агата погибли при ужасном пожаре. Только наша бабушка Розмари (жена Стивена) спаслась. Она была беременна в то время. Но прежде, чем она родила нашего отца, она приказала запечатать комнату Харви. Бабушка прожила достаточно долго, чтобы увидеть нас с Брайаном, но у нас нет

никаких личных воспоминаний о ней или нашем отце, потому что они оба погибли на судне, которое затонуло... в результате пожара.

6

— Да, — вздохнула Сара, — вот так история! И ты сказал, что здесь нет ничего сверхъестественного... К тому же, ты рассказывал так, словно нет никаких сомнений в ее точности.

— Я действительно немного увлекся, — признал Харрис, — но и вы должны попытаться отнестись к ней серьезно, разве не так?

— Даже в этом случае, — глубокомысленно заметил Говард Хилтон, — у вашего двоюродного деда, должно быть, был дар ясновидения. Во-первых, смерть его отца, затем его последние слова о смерти от огня...

— Послушайте, мистер Хилтон, — перебил его Харрис. — Как я уже сказал, нужно очень осторожно относиться к любому свидетельству, если это не собственный ваш опыт. При пересказе могут возникнуть изменения: детали, нюансы, дополнения и пропуски, отражающие подсознательное желание. А кроме того, слова умирающего часто неясны. Возможно, Харви произнес только одно слово «огонь». Что касается смерти некоторых членов семьи от пожара, это могло быть чистым совпадением. У кого-нибудь другое объяснение?

Никто не сказал ни слова.

— Хорошо, — сказал Харрис, разводя руки. — Однако не буду скрывать от вас, что есть несколько моментов, которые я действительно считаю очень странными. Настолько странными, что не верю, будто их придумали.

— Странная атмосфера в комнате? — нетерпеливо спросила Паула.

Харрис снисходительно улыбнулся:

— Нет. Это как раз в точности ретроспективное впечатление, созданное соответствующей атмосферой, — в данном случае о зле. Я же думал вот о чем: во-первых, есть обстоятельства смерти Харви. Из того, что мы знаем о нем, он был спокойным человеком. Это, очевидно, не исключает сердечного приступа. Но как объяснить его конвульсии и тот факт, что его нашли на пороге комнаты? Этот последний факт беспокоит меня больше всего, потому что это не та подробность, которую можно придумать. В конце концов, это едва ли усиливает драматизм.

— Итак, если я вас правильно понял, — вступил мистер Хилтон, — чем более абсурдна подробность, тем больше вы в нее верите?

— Именно. И затем имеется и другая деталь: мокрый участок на ковре.

— Да, — согласился мистер Хилтон. — Кажется весьма маловероятным, что кто-то придумал эту подробность, чтобы история казалась более зловещей.

— Возможно, имеется простое объяснение, — предложил Фрэнсис. — Бокал на столе и бутылки, которые он принес. Он просто опрокинул их во время конвульсий.

Харрис покачал головой:

— Моя мать задала тот же самый вопрос горничной, которая была категорична: это объяснение невозможно из-за положения стола — у стены напротив камина. По крайней мере, это произошло не случайно. Конечно, нельзя исключить того, что Харви сознательно расплескал воду на ковре по какой-либо причине... развлекался? Но я в это не верю. Он был безумен, но не до такой степени!

— Вода, — мечтательно повторила Паула. — Вода, присутствие которой невозможно объяснить, причем в двух местах: на ковре и в большом бокале. Но это действительно была вода?

Харрис удивился интересу своей невестки, но не ответил на вопрос. Но Паулу это не остановило.

— Еще одно: сейчас вы говорили о злом духе, прячущемся в тени, и о возможном существовании призрака.

— О Боже! — воскликнул Харрис с широкой улыбкой. — Моя дорогая Паула, вы с Брайаном друг друга стоите. Оба верите в призраков!

— Но вы же тоже, по вашим собственным словам.

— Да, но я говорил с точки зрения брата, который, как вы видели, убежден, что в той комнате нечисто. Как я подозреваю, он считает, что наш двоюродный дедушка Харви не совсем мертв. Он часто говорил мне, что ощущает его присутствие...

— Есть легкий способ узнать, — парировала Паула.

— И какой? — спросил Харрис, прищуриваясь.

— Просто открыть его гроб. Он же, наверное, похоронен там — под часовней.

Фрэнсис с шумом втянул воздух, миссис Хилтон сидела вытянувшись в струнку, а оглушительный смех Харриса нарушил молчание остальных.

— Ну, почему нет, если вы так хотите? — хохотал он. — Но на нашей совести будет другая смерть: Брайан никогда не переживет такого. Боже, ну и вечерок!

Уголкем глаз Паула увидела разъяренный взгляд мужа и укоризненный — свекрови, но продолжила, несмотря ни на что:

— А что произошло с рукописями?

Харрис зажег сигару и глубоко затянулся перед ответом:

— По словам моей матери, их все уничтожили сразу после смерти Харви, хотя она не была абсолютно уверена. Брайан считает, что должен сохраниться по меньшей мере один экземпляр. — Он поднял глаза к потолку. — Его теория состоит в том, что никто никогда не уничтожит творение такого гения. Поскольку, согласно Брайану, наш двоюродный дед был гением, исключительной личностью, величайшим пророком столетия. Он настаивает, что каждая рукопись описывает эпизод из истории семьи Торнов... но в будущем!

— Как я понимаю, — разочарованно сказала Паула, — вы искали везде, но напрасно.

Харрис мрачно кивнул.

— Дорогой! — воскликнула Сара. — Угадай, кого я встретила, когда подъезжала сюда. Доктора Майка Мидоуса и... молодую женщину, его невесту.

— Разве ты не запомнила ее имени? — рассеянно спросил Харрис.

— Нет... хотя она действительно представилась.

— Бесси Блант, — сказал он, подчеркивая каждый слог. — Странно, что ты не можешь вспомнить ее имя, тогда как имя красивого доктора тут же легко слетело с твоих губ... Так, и что? — добавил он резко.

Глаза Сары вспыхнули гневом, когда она ответила:

— Они рассказали мне о даре Брайана. Он предсказал, что они влюбятся друг в друга как раз за день до того, как они упали друг другу в объятия.

— Если предсказывать непрерывно, то рано или поздно одно из пророчеств исполнится. Но есть и другое объяснение: этот охотник за юбками, Мидоус, воспользовался ситуацией, чтобы заполучить маленькую мисс Блант. Я легко могу вообразить его с этими мушкетерскими усами, говорящего: «Дорогая, мы должны любить друг друга. Так написано на звездах...»

* * *

Той ночью несколько пар глаз смотрело на звезды. Не для того, чтобы прочесть, что там написано, и, вероятно даже не просто, чтобы полюбоваться ими, а просто потому, что некоторые люди не могли заставить себя заснуть.

— Паула, ты когда-нибудь научишься вести себя в приличном обществе?

— Что опять я сделала не так?

— Что сделала? Ты даже не понимаешь?

— Я слушаю, Фрэнсис, слушаю. Скажи мне, что я сделала неправильно.

— Дорогая, ты выказала болезненный интерес к этой... зловещей истории. Когда ты предложила посетить склеп, чтобы... я думал, что моя мать упадет в обморок.

— Значит, никому больше нельзя шутить. Мы теперь попали во времена королевы Виктории. Я такая, как есть. И начинаю спрашивать себя, действительно ли ты любишь меня так, как говоришь...

— Я люблю тебя больше, чем кого-либо на свете, дорогая. Как ты можешь сомневаться?

— Что особенного я нахожу в докторе Мидоусе? Ничего. Если только то, что он кажется слишком молодым, чтобы быть доктором.

— Я заметил, однако, что ты четко запомнила его имя, но не смогла сделать того же с именем его невесты, бедняжки.

— Харрис, когда закончатся эти глупые сцены ревности? Ты видишь соперника в каждом мужчине, о котором я говорю. Сначала мне это льстило, но теперь стало невыносимым. Пойми: невыносимым!

— И я не собираюсь допускать, чтобы меня выставляли дураком при всех, ясно?

— Выставляли дураком при всех? Господи, и я должна это выслушивать... ты не считаешь, что сегодня вечером зашел слишком далеко?

— Прости меня, Сара, я... это все мой характер, меня заносит... Если бы не эта мелочь, что ты забыла одно имя, но помнила другое...

— Чего ты боишься? Ты относишься ко мне как к узнице в твоём замке!

— Откровенно говоря, дорогая, я начинаю задаваться вопросом, правильно ли мы сделали, приехав сюда.

— А я начинаю задаваться вопросом, правильно ли сделал Фрэнсис, женившись на этой девушке. Я больше не могу молчать. Сегодня вечером она зашла слишком далеко. Я никогда не видела такого нахальства. Она, казалось, упивалась подробностями этого трагического дела...

— Дороти, ты слишком строга к Пауле. Она — добродушная молодая женщина, которой нравится немного повеселиться...

— *Немного повеселиться?* Вот значит как! Она должна знать, когда это можно делать. Одно я знаю наверняка: Фрэнсис очень разочаровал меня, выбрав ее.

— Если бы я должен был сравнить Харриса с животным...

— Говард, не пытайся сменить тему. Мы говорим о Пауле и полном отсутствии у нее...

— ...то это был бы медведь. Да, медведь. Я не говорю, что он всегда в плохом настроении, — отнюдь нет, он всегда смеется — но, однако, он заставляет меня думать о медведе. Возможно, это его телосложение, он слишком грузен.

— Тебе он никогда не нравился. Почему бы просто так и не сказать?

— Что ты имеешь в виду? Медведи — довольно милые существа, разве ты так не считаешь?

* * *

Брайан тоже не мог спать и не смотрел на звезды через витражное окно — занятие, от которого он никогда не уставал, хотя обычно предавался ему не так поздно. И без кипящих эмоций, как сейчас. Скрипучий голос брата донесся до него, когда он зашел в библиотеку за нужной книгой и собирался вернуться наверх. То, что он услышал, едва ли удивило его: в конце концов, он знал мнение Харриса по этому вопросу уже давно.

Братьев всегда связывали любопытные отношения. Несмотря на диаметрально противоположные характеры и мнения, они всегда уважали друг друга и испытывали взаимную привязанность, и, благодаря ей, их жаркие споры никогда не приводили к ссоре и размолвке.

Но несмотря на это, услышанные слова Харриса заставили его вздрогнуть. Вернувшись в комнату, он почувствовал натянутость, которую первоначально приписал гневу на брата. Лишь позже он понял, с чем она связана. Он вспомнил слова, произнесенные Харрисом: «...там, в центре стола стоял большой бокал, до краев наполненный водой!»

Прошло три часа, а он все думал о том большом бокале с водой, таинственном бокале с водой, который преследовал его в течение очень многих лет — с тех пор, как мать рассказала ему историю про его двоюродного деда. И он никогда не находил объяснения. Но теперь он был уверен, что слышал, как об этом говорили... но кто, где? Он знал из опыта, что попытка сконцентрироваться закончится неудачей.

Лоб покрылся холодным потом. В раздражении он стал шарить в темноте на ночном столике в поисках коробка спичек. Нежное мерцание опалового шара осветило детали комнаты, и Брайан,

как всегда, зажигая масляную лампу, поздравил себя с тем, что не дал брату провести сюда электричество. И именно в тот момент он подумал о короле Франции.

— Людовик XIV! — воскликнул он. — О боже! Почему я не подумал об этом раньше?

Он просмотрел несколько книжных полок, которые закрывали стены, и остановился, глаза его горели от нетерпения. Дрожащей рукой он вытащил том «Воспоминания герцога де Сен-Симона». Книга четко открылась на странице, которую он искал и где нашел пассаж, известный ему наизусть.

— Бокал с водой, — бормотал он чуть позже в состоянии полной эйфории. — Невероятно! Я, должно быть, был слепым или глупым, чтобы не понять этого раньше! Бокал с *водой*!

7

Август шел полным ходом, и период сильной жары, которая стояла уже несколько дней, не собирался заканчиваться. Было лишь десять часов утра, а температура уже поднималась.

Миссис Дороти Хилтон искоса взглянула на зятя, который нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Его рыжие волосы пропитались потом.

«Что за блажь носить пиджак в такую погоду, — подумала она про себя. — И зачем эти бесконечные костюмы в синюю клетку? Как будто нет других цветов!»

Она собралась было сказать несколько слов об уместности пиджаков летом, но довольствовалась тем, что просто заметила:

— Уже довольно жарко...

— Да, очень жарко, — согласился Говард Хилтон. — Знаете, Харрис, вам не стоит волноваться. Сара всегда была легко возбудима, другой мы ее просто не видели. К счастью, эти небольшие шумы в сердце случаются довольно редко, но она не выносит жары. Вы должны быть с ней поосторожней, конечно, но для тревоги нет никаких причин.

Харрис Торн, казалось, не слышал тестя. Его глаза смотрели в небо. Даже при том, что не было никаких облаков на горизонте, он чувствовал, что они набегут. Прошло два месяца после прибытия в Хаттон-Мэнор его родственников со стороны супруги. Два счастливых и мирных месяца за исключением последних десяти дней. Он вынужден был признать, что приятная атмосфера в значительной степени испарилась, когда он открыл «запечатанную» комнату и сделал ее своим кабинетом, а Брайан выплеснул такие слова, которые ему не хотелось вспоминать, как и его недавние ссоры, если не сказать скандалы, с Сарой.

Даже при том, что он пытался все это забыть, то, что произошло в прошлую субботу, продолжало будоражить ум. Сара пригласила доктора Мидоуса и Бесси Блант, чтобы поиграть в бридж с Фрэнсисом и Паулой. Был ли виноват выпитый коньяк, что он обвинил Фрэнсиса в жульничестве, а Мидоуса в том, что тот паршивый партнер? Трудно сказать наверняка. Бесспорным было лишь то, что его яростная вспышка привнесла холод между ними и положила конец вечеру, который начался так хорошо. Что произошло потом, было еще хуже. Перед тем, как выключить прикроватную лампу, он не удержался и заявил Саре, что даже слепой мог видеть улыбки, которыми обменивались они с доктором. Последующие препирательства достигли такого накала, что, вероятно, не дали спать никому в доме большую часть ночи. К утру обо всем забыли, но два дня спустя вспыхнула новая ссора. Вся неделя была заполнена слезами, раздорами и примирениями, которые отнимали много сил. И, как раз тогда, когда он думал, что хуже быть уже не может, Сара разбудила его. Согнувшись вдвое и прижимая руку к груди, она не могла вымолвить ни слова. Он помчался в комнату ее родителей, и они смогли его немного успокоить.

Он попросил, чтобы дворецкий Мостин вызвал врача, но предупредил, что это должен быть доктор Аллертон, а не кто другой. Но Мостин вернулся и сообщил, что доктора Аллертона вызвали на сложный случай в удаленную деревню и он вернется не скоро. Капитулировав, Харрис вынужден был вызвать доктора Мидоуса, который теперь находился в комнате с его женой.

Состояние Сары, его собственная ревность и чувство вины (он был достаточно здравомыслящим, чтобы признать, что он по меньшей мере частично ответственен за ссоры) были причинами, которые держали его в непрерывном нервном напряжении, к чему он не привык.

Он вскочил с кресла, когда услышал, что кто-то приближается, но это был лишь Филип Мостин, принесший почту.

Дворецкий, высокий худой мужчина около сорока лет, был несомненно самой элегантной и внушительной фигурой среди штата Хаттон-Мэнор. Осторожный, с приятными чертами лица, обрамленного короткими, темными волосами, он завоевал доверие Харриса Торна, предложив некоторые изменения в организации поместья, а также эффективно выполнял роль личного секретаря. Помимо него в штате состоял Саймон Минден, который отвечал за уборку помещений, а также помогал поварихе, миссис Ариане Минден, его жене. Они были парой средних лет, скромной и дружелюбной. Кэти Рестерик, горничная, робкая молодая женщина, заботилась о стирке и помогала прислуживать. Был только один садовник, старый Мортимер, которому иногда помогали два сына.

Харрис быстро просмотрел почту, отложив письмо, адресованное миссис Хилтон, и открыл газету, которую, должно быть, прочитал со сверхъестественной скоростью, судя по тому, как он переворачивал страницы.

Говард взял письмо, помеченное «миссис Хилтон», и вручил его жене, которая выглядела заинтригованной. Именно в этот момент в комнату вошел Майк Мидоус.

* * *

Паула покинула свою комнату, выглядя прекрасно и пребывая явно в хорошем настроении. Чуть раньше, выйдя из ванной, она столкнулась с Майком Мидоусом, который успокоил ее насчет состояния невестки. Она небрежно сбежала по лестнице, задаваясь вопросом, что же она сделает в такой многообещающий день, и вошла в салон. Доктор Мидоус только что уехал, и Харрис пошел его провожать. Она поздоровалась с родителями мужа и подошла к окну, где стала с наслаждением вдыхать свежий воздух, наблюдая за пчелой, кружащей над цветущими кустами в поисках меда. Гудение насекомого заглушил намного более неприятный звук, изданный миссис Дороти Хилтон, но последующие слова заставили Паулу замереть на месте.

— *Белая камелия! Синий тростник!* Что это значит?

— Вероятно, ошиблись адресом, — предположил Говард Хилтон.

— Ошиблись адресом? Но на конверте есть имя, и это мое имя! Очень странное совпадение, ты не находишь?

— Но в доме есть и другая миссис Хилтон. Не так ли, Паула?

Паула глубоко вздохнула, обернулась и обратила к родителям мужа самый, как она надеялась, невинный взгляд:

— Простите, что?

— Дороти только что получила письмо, — объяснил Говард Хилтон. — Довольно любопытное письмо, которое, похоже, ее не касается. Как и вас, наверное, — добавил он с широкой улыбкой. — Но все равно посмотрите.

Паула взяла письмо, и кровь прилила к ее щекам, когда она его прочла.

*Белая Камелия,
встретимся этим днем в 3 часа у входа в крепость.
Вопрос жизни и смерти.*

Синий Тростник

Белая Камелия. Синий Тростник. Эти слова просто кричали в голове у Паулы. Это были имена, которыми они с Патриком пользовались, когда развлекались, посылая друг другу секретные письма. Она узнала почерк: никаких сомнений, письмо от него и адресовано ей.

Но даже при том, что ее обуревали волнение и страх, ей удалось объявить спокойным голосом:

— Нет, не понимаю...

* * *

В половине третьего на втором этаже Хаттон-Мэнор приоткрылась дверь. Появившаяся голова бросила осторожный взгляд в коридор, и «Белая Камелия» на цыпочках вышла из комнаты в крыло поместья, спустилась по винтовой лестнице, ведущей к двери черного хода, и подождала, прислушиваясь к голосам Арианы Минден и Кэти, доносящимся из кухни. Закрывая дверь за собой, Паула сказала себе, что было бы глупо привлекать к себе внимание, действуя украдкой.

Она дошла до западной границы поместья и перелезла через железную изгородь, за которой двинулась к парадным воротам. Там она спряталась за деревом и стала ждать в подлеске — превосходный наблюдательный пункт. Она не сомневалась, что это и был «вход в крепость», описанный в письме Патрика, который посчитал крепостью Хаттон-Мэнор. Было бы легче подойти по подъездной дорожке, но ее видно из салона и, что важнее, из комнаты мистера и миссис Хилтон, в которой они по всей вероятности сейчас находились. С такой подозрительной свекровью не стоило брать на себя ни малейшего риска, особенно после того, как та прочитала письмо и явно настороже.

Она успела лишь осмотреть одежду (на ней было простое хлопчатобумажное платье, которое прекрасно ей шло), когда почувствовала, как ее глаза закрыла пара рук.

— Синий Тростник? — спросила она со смехом.

Руки опустились ей на талию, и она повернулась лицом к Патрику, который просто сказал:

— Привет, Белая Камелия.

Наступило молчание, а затем...

На сей раз провокационное влияние луны нельзя было винить за страстный поцелуй, которым они обменялись. После чего, считая свою нынешнюю позицию недостаточно безопасной, они пошли дальше в лес.

— Ты сошел с ума, приехав сюда, Патрик. Мы поклялись никогда больше не видеть друг друга!

Зажигая сигарету, Патрик вспомнил день в феврале, когда он приехал в Лондон, чтобы вновь увидеть Паулу. Он ждал поблизости от ее дома, пока не уйдет Фрэнсис, а затем проскользнул внутрь, чтобы увидеть девушку, которая преследовала его в мечтах после того, как уехала из Пэдстоу. Они провели вместе день, которого ему никогда не забыть, но это сделало расставание еще более жестоким.

— Знаю, но ничего не могу поделать. Я очень старался, но не смог сопротивляться.

— По крайней мере, объявил бы о своем присутствии более осторожно. Письмо вскрыла моя свекровь!

— Что я должен был сделать? Написать на конверте твое имя?

Паула не отвечала.

— Ладно!.. Давай забудем об этом.

— А вопрос жизни и смерти?

— Я говорил о себе, — признался он с застенчивой улыбкой. — Я должен был увидеть тебя. Это было жизненно важно *для меня*.

Паула прислонилась к дереву и встряхнула волосами, которые растеклись шелковистыми волнами по ее плечам.

— Если я правильно понимаю, мой друг, ты все еще любишь меня?

— Да, хотя это довольно специфический вид любви.

— Надеюсь, потому что это — невозможная любовь, как ты прекрасно понимаешь.

— Невозможная любовь, — повторил Патрик, уставившись вдаль невидящими глазами. — Может быть, именно эта невозможность... Он наклонился, чтобы поднять пруттик, который подробно изучил перед тем, как продолжить: — Когда уже почти год назад я увидел, как твой поезд покинул станцию, у меня было странное чувство пустоты внутри. И лишь несколько дней спустя пришло понимание, что я больше никогда тебя не увижу. Ты была частью моей вселенной, моей жизни... С того дня все стало серым. Даже солнце. Я думал об этом, проводил ночи без сна, спрашивая себя, почему я так сильно скучаю по тебе... и почему я был настолько слеп все те годы, когда ты была так близко, а я все-таки не видел тебя.

Патрик взглянул и увидел слезы в прекрасных глазах, смотрящих на него.

— Но это не все, — продолжал он. — Я думал о совете, который дал тебе и в который полностью верил тогда, — о твоём будущем муже. И это было хуже всего... Как будто я сам себе подписал смертный приговор. Поскольку у меня сложилось впечатление, что без моей настойчивости ты никогда не вышла бы за него, я прав?

— Абсолютно прав, — ответила она совершенно спокойно.

Они вновь оказались в объятиях друг друга.

— Мы не должны больше видаться, — бормотала Паула, прижимаясь ближе к нему. — Это нехорошо... ни для меня, ни для тебя. Но... я рада, что ты здесь. У нас тут происходит что-то очень странное.

— Странное? Связанное с Фрэнсисом? — спросил Патрик, отодвигая подругу на расстояние вытянутой руки.

Паула покачала головой и рассказала все, что произошло с тех пор, как они приехали в Хаттон-Мэнор.

— Какая сверхъестественная история! — воскликнул Патрик. — Пророчествовать — это одно, а видеть, как предсказания сбываются, — совсем другое... Все указывает на то, что Харви был провидцем и передал свой дар этому странному Брайану.

Паула с улыбкой смотрела на Патрика.

— Вижу, твоя страсть к тайнам не уменьшилась.

— Нет, потому что теперь это — моя профессия. Я только что открыл вместе с коллегой детективное агентство около Пиккадилли. Наша дверь еще не сломалась от избытка посетителей, но мы не теряем надежды.

— Но это замечательно! — воскликнула Паула. — В любом случае, я никогда не видела тебя никем другим: детектив (официальный или частный), автор детективных романов, или... преступник!

— Это правда, — согласился Патрик. — Меня всегда очаровывали тайны, трагедии или странные ситуации.

Он остановился, когда понял, что Паула смотрит на него с любопытством. Она ответила озорной улыбкой:

— Тайны или странные ситуации, говоришь?

Патрик взял руку Белой Камелии.

— Давайте оставим это пока, и вернемся к твоей истории. Очевидно, предсказания достаточно таинственные, но...

— Но?

— Меня больше всего заинтриговала смерть Харви. Что там за мокрый участок на ковре и вода в бокале...

— Подожди, пока не услышишь, что было дальше, — вздохнула Паула. — Я сама видела этот бокал с водой...

Патрик открыл рот, чтобы что-то сказать, но Паула не дала.

— Это, должно быть, произошло около двух часов ночи. Все спали. По крайней мере, так я думала, когда вышла из комнаты. Я проснулась от кошмара, и в горле пересохло. Я пробиралась в ванную, когда увидела свет под дверью Брайана.

— И, будучи любопытной по природе, ты заглянула в замочную скважину!

— Да, и угадай, что увидела. Брайан сидит за столом, уставившись на большой бокал перед ним, до краев заполненный водой!

8

— Очевидно, — продолжала Паула, — я не могу быть уверена, что это вода, но явно что-то похожее.

— Странно, — пробормотал Синий Тростник.

— До этого времени дела шли относительно хорошо, — сказала Паула, и ее голос изменился. — Приблизительно две недели назад за обедом Харрис объявил, что хочет открыть старую комнату Харви и превратить ее в кабинет.

Патрик чуть задумался.

— И, полагаю, Брайан уж точно не благословил этот проект?

— Ты должен был его видеть: он побледнел как полотно. Затем встал и так посмотрел на Харриса, что нас всех обуял страх. В гробовом молчании он указал дрожащим перстом на брата: «Не делай этого Харрис, никогда не делай этого, или на тебя падет несчастье!» Харрис и ухом не повел. Было очевидно, однако, что он, должно быть, помнил зловещие пророчества своего двоюродного деда, потому что после оглушительного смеха сделал любопытное замечание: «И даже если я действительно умру, Брайан, это не обязательно будет означать, что я мертв».

В любом случае он переехал в свой новый кабинет несколько дней спустя, ничего в нем не изменив, кроме, конечно, двери, которой заменили глухую панель. Миндены потратили два дня, проветривая комнату, подметая ее и удаляя паутину.

Паула сделала паузу и нахмурилась.

— И с того дня все в Хаттон-Мэнор пошло наперекосяк. Ничего конкретного, но чувствовалось, что все на пределе. Сара и Харрис не могут прекратить ссориться, причем так, что Фрэнсис чуть было не вмешался однажды вечером. Нет, это не то, что ты думаешь. Харрис не тиран. У него сильный характер, который столкнулся с Сариным: импульсивный, ревнивый без всяких серьезных оснований... но он — приличный человек, чувствительный, надежный и даже забавный. Этим утром Сара заболела (у нее всегда были шумы в сердце), и Фрэнсис уехал в Ковентри один. Доктор Мидоус подтвердил, что волноваться не о чем: все, что ей нужно, это отдых, но страдает она от жары. Харрис был вне себя, считая, что ответственен за состояние жены. Но к ланчу все было хорошо, и Сара улыбалась как обычно.

Настала тишина, нарушаемая лишь щебетом птиц.

— Гм! — воскликнул Патрик. — Это не сильно помогает. Я не знаю, как начать формулировать любую гипотезу о присутствии того таинственного бокала с водой. Сколько времени ты наблюдала за Брайаном через замочную скважину?

— Наверное, двадцать или тридцать секунд.

— И что он делал? Можешь описать, как он смотрел на него?

— Он сидел совершенно неподвижно и смотрел на него... как бы это сформулировать? С большим напряжением, как будто видел там что-то жизненно важное.

Патрик чуть задумался и пожал плечами.

После чего Белая Камелия и Синий Тростник сменили тему.

Час спустя они договорились о еще одной последней встрече следующим вечером в восемь, после чего Патрик, который снял на две ночи комнату в деревенской гостинице, должен был вернуться в Лондон.

Следующий день, суббота, выдался влажным и бурным. Вечернюю трапезу закончили к половине восьмого, и Паула первой встала из-за стола. Ровно в восемь часов Мостин доложил о прибытии Бесси Блант и Майка Мидоуса, которых пригласили для игры в бридж, и провел их в салон. Двадцать минут спустя Фрэнсис стал искать жену. Он столкнулся с Брайаном на втором этаже в коридоре, в котором слышались отзвуки громких голосов.

— Они ругаются уже больше четверти часа, — тревожно объявил Брайан. — В кабинете Харриса.

Фрэнсис прекрасно понял, что означает последняя фраза. Комната Брайана соседствовала с кабинетом, он мог слышать все подробности ссоры между Сарой и Харрисом, эхо которой достигло даже первого этажа.

— Я иду вниз, — объявил Брайан усталым голосом.

— Понимаю, — ответил Фрэнсис. — О, вы случайно не видели Паулу?

— Паулу? — рассеянно переспросил Брайан. — Нет, я не видел ее с обеда.

С этими словами он продолжил свой путь. Задумавшись, Фрэнсис смотрел, как тот спускается по лестнице.

Мистер и миссис Хилтон покинули салон около половины девятого, пожелав спокойной ночи Брайану, Мидоусу и его невесте.

Эти трое не могли не заметить, какой расстроенной была мать Сары. Именно тогда наверху внезапно наступила тишина. Четверть часа спустя Майк Мидоус предложил своей невесте идти домой. Она собралась ответить, когда ее глаза случайно остановились на открытом проходе, ведущем в холл.

— Сара и Харрис, — удивленно пробормотала она.

Три оставшихся обитателя салона увидели, как пара под руку подошла к парадной двери, которая плотно закрылась за ними.

— Невероятно! — воскликнул Брайан. — Несколько минут назад они были готовы убить друг друга, а теперь выходят на прогулку, словно ничего не случилось.

— Любовь — странная штука, — спокойно произнес Майк Мидоус, зажигая сигарету. — Это сверхъестественная сила, которая...

Он не закончил фразу. Через открытое окно они услышали почти истеричный голос Сары, неразборчиво выкрикивающей слова, не слушая, очевидно, что говорит собеседник. Затем дверь внезапно открылась, в салон влетела смертельно бледная миссис Торн, бросилась в кресло, достала сигарету из первой подвернувшейся пачки и зажгла ее.

Все в ней свидетельствовало о крайне взвинченном состоянии. Едва она успела затаиться в первый раз, как дверь вновь открылась так же внезапно, как прежде. Три пары глаз (Сара, не шевелясь, смотрела под ноги) увидели знакомую фигуру Харриса Торна, быстро прошагавшего к лестнице. Как только он исчез из вида, Брайан повернулся к своей невестке, чуть помедлил и вышел из салона.

Майк Мидоус и Бесси Блант смотрели, как он тоже поднялся по лестнице. Как только звук его шагов больше нельзя было слышать, Сара хрипло спросила:

— Дорогая Бесси, не хотите прогуляться со мной?

— Конечно, — торопливо ответила Бесси. Повернувшись к жениху, она спросила:

— Подождешь здесь, Майк? Мы не долго.

Мидоус, устроившийся в кресле, согласно кивнул. Две женщины встали, Бесси взяла Сару под руку, и они вышли.

Майк Мидоус чуть подождал, а затем подошел к одному из открытых окон. Он облокотился на подоконник, вдыхая бальзамический аромат сада в исчезающих сумерках.

Лампы салона бросали свет на лужайку, освещая силуэты двух молодых женщин, удаляющихся по гравийной дорожке. Он не мог удержаться от сравнения их глазами аукциониста и немного ловеласа.

Красота Бесси заключалась преимущественно в ее длинных, светлых волосах, хотя и ее формы были вполне приятны. Но рядом с нею гибкая и изящная Сара с лебединой шеей и женским очарованием, внезапно заставила Бесси казаться блеклой.

Когда Сара и Бесси воротились, часы пробили четверть десятого. Вернувшийся в кресло Майк Мидоус улыбнулся им:

— Думаю, можно считать наш вечер бриджа законченным.

Сара остановилась и задумалась. Бесси проигнорировала слова жениха и объявила:

— Жаль, что тебя не было с нами, Майк. Мы спугнули бродягу.

— Бродягу?

— По крайней мере, кого-то, у кого совесть не чиста. Мы едва шли пять минут, как услышали, что за кустами хрустнула ветка, а затем кто-то побежал в лес. Но было слишком темно, чтобы видеть, кто это был.

— Нет, наш вечер бриджа не закончен! — внезапно объявила Сара с мрачной решимостью.

Мидоус и Бесси посмотрели на нее с удивлением и некоторой неловкостью.

— Давайте, — продолжала Сара, — начнем с того, что найдем Харриса.

Бесси и Мидоус молча последовали за ней наверх. Они со страхом смотрели, как она постучала в дверь кабинета. Тщетно.

Эта часть второго этажа была очень плохо освещена: единственный свет падал от настенных светильников в главном коридоре, который шел под прямым углом к крылу, где стояла эта

небольшая группа, то есть на тревожные лица собравшихся падал лишь отраженный свет. Еще раз безрезультатно постучав, Сара открыла дверь.

В этот момент Майк Мидоус и Бесси отступили, немного смущаясь и боясь предсказуемой реакции Харриса, странное молчание которого не сулило ничего хорошего. Они смотрели в лицо Сары, как в зеркало, отражающее настроение хозяина дома.

Едва дверь открылась, как ее глаза округлились, а черты исказились от ужаса. Несмотря на слабый свет, Мидоус и Бесси увидели, как вся кровь отлила у нее от лица, а колени стали подгибаться. Все это произошло в течение нескольких секунд, и Мидоус как раз успел подхватить ее, прежде чем она упала. Его первой реакцией, как и Бесси, было бросить беглый взгляд в комнату. Что именно испугало Сару настолько, что она потеряла сознание? Вот вопрос, который они задавали себе, стоя (Мидоус с безжизненной Сарой на руках и Бесси, дрожащая позади него) на пороге комнаты, стены которой уже были свидетелями одной таинственной трагедии.

Но там не было ничего. По крайней мере, ничего необычного. Полки, уставленные старинными книгами, покрывали все стены комнаты. Перед стеной справа от них стоял большой дубовый стол с лампой, которая бросала нежный золотистый свет через абажур. Стена слева от них представляла собой ни больше и ни меньше, чем большой книжный шкаф с камином из красного кирпича в середине. Левое из двух окон в стене напротив двери было открыто. Ночь проникала через полуотдернутые шторы, не колыаемые никаким ветерком. У стены, ближайшей к коридору, стоял диван под полками, обрамляющими картину Трафальгарского сражения. Ковер, покрывающий весь пол, был того же темно-красного цвета, что и занавески.

После нескольких секунд подавленного молчания доктор Мидоус посмотрел на женщину, которую держал на руках, вошел в комнату и осторожно уложил ее на диван. Бесси подбежала к окну. Она с трудом могла различить дорожку и деревья в парке, но более четко видела изгородь, ближайшую к главному зданию. Когда ее глаза привыкли к темноте, она смогла увидеть, что два силуэта идут через проход в изгороди к дому. Она прислушалась и узнала голоса Фрэнсиса и Паулы:

— Вышла на прогулку так поздно? Я искал тебя почти час! Разве не могла сказать мне?

— Ты начинаешь меня раздражать. Я не обязана докладывать тебе о каждом пустяке. И ты напугал меня, неожиданно выпрыгнув из темноты!

— Между прочим, ты не объяснила, почему перелезла через изгородь на обратном пути... И еще: ты забыла об игре в бридж, которую мы запланировали?

Паула собралась ответить, когда заметила в окне Бесси. Фрэнсис тоже посмотрел на нее и остановился.

— Случилось что-то странное, — объявила Бесси, — и вашей сестре стало плохо.

— Мы сейчас! — ответил Фрэнсис.

Бесси вернулась и присоединилась к Майку, который стал на колени около Сары. Ее лицо было бледным, а лоб покрыт потом.

— На мгновение я испугался худшего, — объявил Мидоус. — У нее почти не было пульса. Но сейчас лучше. Она пережила шок. Смотри, ее губы все еще открыты, как будто она хотела закричать...

— От испуга?

Доктор соорудил скептическую гримасу:

— Не могу сказать наверняка... но ты же тоже ее видела. — Он осмотрел комнату и проворчал. — Чего она испугалась? Все в комнате нормально. И в ней никого не было.

— Майк, — пробормотала Бесси дрожащим голосом, — в этой комнате было что-то, испугавшее Сару. По общему признанию она уже была возбуждена, прежде чем открыла дверь, но потом? По тому, как она выпучила глаза, можно было подумать, что она увидела самого дьявола. Она смотрела...

Майк остановил ее, сделав знак рукой.

— Она смотрела прямо перед собой, но вниз.

Он повернулся, чтобы осмотреть часть ковра перед камином, и бросил вопросительный взгляд на подругу.

— Да, — ответила она, — э-э... в том направлении.

Им сразу вспомнилась смерть Харви Торна, о которой Брайан рассказал им некоторое время назад. Мидоус встал и подошел к камину. Он наклонился и вздрогнул. Погладив рукой часть ковра непосредственно перед очагом, он замер.

— Дорогая, — сказал он бесцветным голосом, — здесь вода. Ковер мокрый.

Их охватил ужас, заставляя молча стоять, вглядываясь в пятно. И тогда в коридоре послышались поспешные шаги, и в дверях показалось осунувшееся лицо Фрэнсиса:

— Доктор Мидоус, быстро идите сюда! Харрис внизу... и я боюсь, он мертв.

9

Они бросились вниз по винтовой лестнице, рискуя сломать себе шею, и выбежали через открытую дверь черного хода. Паула, обхватив руками плечи, стояла, глядя на неподвижную массу, лежащую под одним из окон кухни. Над ней возвышалась западная сторона дома, мрачная и враждебная. Единственный свет падал из окон комнаты Брайана и соседнего кабинета. Хотя он освещал листву деревьев, на земле ничего не было видно. Приближаясь к телу, Майк Мидоус все еще не мог узнать Харриса Торна, лежащего лицом вниз под небольшим углом к стене с раскинутыми руками и ногами.

— Паула заметила его, когда мы собирались войти, — объяснил Фрэнсис.

— Пойдите и принесите лампу, — попросил Мидоус.

Фрэнсис вернулся очень быстро с фонарем в руке, сопровождаемый Брайаном Торном и дворецким Мостином.

Доктор Мидоус в гробовой тишине осмотрел жертву, а затем изрек:

— Ничего не сделать... он мертв. — Доктор посмотрел на свои наручные часы, которые показывали половину десятого, и ненадолго задумался. — Я бы сказал чуть больше четверти часа...

Он посмотрел вверх на окно кабинета, расположенное почти в двадцати футах над телом, затем приподнял безжизненную голову, чтобы ее осветил свет фонаря. На виске видна была рана, из которой медленно сочилась кровь. Дорожка, которая огибала дом, проходила по саду камней, расположенному напротив западной стены. Тело лежало как раз в саду камней.

— Причина смерти кажется довольно ясной, — продолжал Мидоус. — Он упал из окна своего кабинета. Однако мы должны немедленно известить полицию.

Мостин кивнул и быстро удалился.

Брайан, который пока не произнес ни слова, приблизился к телу брата. Колеблющийся свет от фонаря освещал его аскетические черты и странное выражение в глазах.

— Ты никогда не должен был распечатывать эту комнату, Харрис. Я предупреждал тебя...

* * *

Доктор Алан Твист как раз собирался намазать тост маслом, когда зазвонил дверной звонок.

«Есть только один человек в целом мире, который может позвонить в такое неподходящее время, — сказал он себе, безутешно глядя на незаконченный завтрак. — Только один».

— Я ждал вас, дорогой Арчибальд, — гостеприимно объявил он посетителю, тучному человеку около пятидесяти лет.

— Ждали меня? — удивился тот, делая лицо сфинкса. — Не пытайтесь изображать из себя пророка, Твист, потому что я знаю кое-кого, кто способен вас превзойти.

Доктор Твист из прошлого опыта знал, что, когда Хёрст пребывал в таком настроении, лучше всего просто позволить ему говорить, поэтому он предложил гостю кресло.

Было приятное сентябрьское утро. За открытым окном солнце мягко освещало Лондон и обливало светом двух замолчавших мужчин.

Высокий и тонкий, с доброжелательным лицом под непослушной седой шевелюрой, с пышными усами над детским ртом, красивой паутиной морщин на здоровой коже, несмотря на то, что он был неисправимым курильщиком трубки, доктор Алан Твист с улыбкой смотрел на своего друга. Его сине-серые глаза озорно блеснули за стеклами пенсне с черным шелковым шнурком. Было трудно определить его возраст и еще труднее угадать профессию, поскольку этот любезный джентльмен был замечательным детективом и известным криминологом, обладающим способностями находить улики и анализировать их, что было источником зависти для инспектора Скотланд-Ярда, сидящего напротив него. Арчибальд Херст, с редкой шевелюрой, одышкой и румяным лицом, был достаточно веселым для человека, чья профессия, увы, слишком часто заставляет нервничать. Злонамеренная судьба решила так, что именно ему неизбежно поручали самые трудные и сложные дела. К сожалению, чем успешнее он их решал, тем чаще попадал в очередные безнадёжные ситуации, пока, проглотив гордость, не обращался к своему другу Твисту.

— Итак, дружище, — начал доктор Твист, — как прошел отпуск на земле Шекспира?

— Лучше и быть не могло, — ответил сияющий Хёрст. — Погода в Стратфорде на Эйвоне была прекрасной, Уорик и Кенилворт — очаровательные города, которые оправдывают свою репутацию. Старые деревянно-кирпичные дома, замки, которые переносят вас в Средневековье... — все в высшей степени приятно. Но, как всегда, счастье длится недолго.

— Ага! — воскликнул Алан Твист, и глаза за стеклами пенсне блеснули.

— Вы знаете Редферна, Гектора Редферна? Он — мой друг детства и в настоящее время — суперинтендант в Челтнеме. Я был достаточно неосторожен и сообщил ему, что провожу несколько дней в его местах, и дал адрес моего отеля. По стечению обстоятельств с одним из самых богатых людей в регионе произошел несчастный случай. Полицию вызвали сразу же, и мой друг решил заманить меня. «Хотя дело на первый взгляд выглядит простым, есть некоторые любопытные аспекты, которые должны заинтересовать вас!»

— Как я уже говорил, ваша известность распространилась за пределы столицы, Арчибальд... Всякий раз, когда дело кажется необычным, немедленно зовут вас.

Хёрст вздохнул, изображая ложную скромность, которая так забавляла его друга, и продолжал:

— Если коротко, я поехал с ним. — На мгновение Хёрст задумался. — Необычное дело? Не совсем так, поскольку это было, очевидно, самоубийство. Мы прибыли на место в середине дня. Тело Харриса Торна было обнаружено незадолго до половины десятого предыдущим вечером... — достав из кармана блокнот, он добавил: — Полагаю, нужно начать с самого начала.

После этого инспектор изложил события фатального вечера до свидетельства Брайана Торна:

— ...А теперь мы приходим к последнему человеку, который видел Харриса Торна живым, — его брату Брайану. Я переписал его показания полностью, потому что они показались мне интересными, — сказал Хёрст с улыбкой, маскирующей его истинные мотивы. — Вот они: «Как только я увидел, что моя невестка вернулась в салон, очевидно на грани нервного срыва, я встал, чтобы поговорить с Харрисом, который тоже только что вернулся. Я последовал за ним к лестнице, прося, чтобы он выслушал меня, но он даже не оглянулся. Из угла коридора я видел, как он вошел в кабинет и хлопнул дверью. Он был в гневе. Понимая, что потерпел поражение, я собрался вернуться той же дорогой, но передумал: непрерывные ссоры с Сарой не могли продолжаться до бесконечности, он должен выслушать меня. Я постучал в дверь и, несмотря на тишину, вошел внутрь. Он высунулся из окна, глубоко вдыхая ночной воздух и явно не в себе. Я попытался заговорить с ним, но напрасно. Я знал, что, когда он в таком настроении, любой разговор лучше отложить до следующего дня. Я покинул комнату и вернулся к себе, откуда не выходил до момента, когда было обнаружено его тело...»

Было приблизительно без десяти девять, — продолжал Хёрст, — когда Брайан вышел от Харриса. А в двадцать минут десятого миссис Торн, доктор Мидоус и его невеста увидели, что кабинет пуст. Тело обнаружили лишь пять минут спустя, но, учитывая обстоятельства, мы можем прийти к заключению, что в тот момент оно уже лежало под окном. Согласно Мидоусу, он был мертв уже приблизительно полчаса — диагноз, подтвержденный судебно-медицинским экспертом. Что касается причины смерти, все, кажется, указывает на падение из окна. Несколько ушибов из-за падения и рану на виске мы вполне можем приписать одному из булыжников в саду

камней, где его нашли. Вдобавок ко всему, вскрытие установило, что именно эта рана убила его, и не было никаких других подозрительных следов.

В тишине, которая последовала и нарушалась лишь звуками дорожного движения из окна, доктор Твист закурил трубку и заговорил:

— Итак, Харрис Торн — человек, способный быстро выйти из себя и очень ревнивый. И именно эта ревность — оправданная или нет, не имеет значения — является источником их частых ссор. Во время кульминационного момента одной из таких вспышек его видят (в последний раз), когда он высовывается из одного из окон своего кабинета. Тело найдено под этим окном. Говорить больше не о чем: выбрасывание из окна, мотивы и точное время смерти которого известны. Хотя... мне трудно представить себе мужчину, который станет бросаться из окна... по крайней мере, в таких обстоятельствах. Высота меньше двадцати футов, толстые ветви скальных растений и гравийная дорожка внизу — едва ли гарантия верной смерти. Но известны и более странные самоубийства...

— Согласен, — кивнул Хёрст. — Но это не самый причудливый аспект этого дела. Должен рассказать вам о странном прошлом той комнаты и не менее странном человеке, который населял ее.

После этого Хёрст рассказал о зловещем предсказании Харви Торна, обстоятельствах его смерти и последующем запечатывании комнаты.

— Комната безумца... — мечтательно заметил доктор Твист, когда тот закончил.

— ...И теперь мы подходим к Брайану, который, по некоторым свидетельствам, также, кажется, обладает пророческим даром. Доктор Мидоус и его невеста в один голос утверждают, что он «увидел» их любовь за день до того, как она расцвела. Но есть и более серьезный факт: он также предсказал смерть своего брата после того, как тот принял решение вновь открыть известную комнату... пророчество, на сей раз сделанное перед несколькими свидетелями. Просто совпадение, скажете вы? Я бы согласился с вами, когда речь шла о предке. Но и здесь сюжет усложняется: по словам свидетелей, он умер от сердечного приступа после бешеных конвульсий в припадке безумия... или от жуткого страха! И на пороге открытой двери! Именно в этом месте миссис Торн испугалась и потеряла сознание после того, как заглянула в комнату, где не было никого, и устала на мокрый участок на ковре — точно такой же, как при дедушке Харви!

Прежде всего, мне пришлось проверить, что обморок миссис Торн был подлинным. Мидоус тут твердо стоит на своем. Она пришла в сознание приблизительно тогда, когда прибыл судебно-медицинский эксперт, и он также подтвердил, что обморок подлинный.

Что же она могла увидеть? Моей первой мыслью было, что она видела сам момент, когда муж выпал из окна, но свидетельства докторов относительно времени смерти отбрасывает эту теорию. Шутник в карнавальной маске за окном? Невозможно по нескольким причинам: Мидоус и его невеста не слышали шума, и они обнаружили, что комната пуста, уже через несколько секунд. Мисс Блант даже сразу выглянула из окна и не увидела никого, что подтверждается Фрэнсисом и Паулой Хилтонами, которые приближались к этой части дома. И наконец, парни Редферна исследовали стену под окном и не нашли следов, что кто-то там лез. С другой стороны, они действительно нашли секретный проход...

Будучи умелым рассказчиком, Хёрст сделала паузу и, к собственному удовлетворению, услышал, как Алан Твист воскликнул:

— Секретный проход! Ай да ну! Я думал, они существуют только в романах. И где он находится? В камине?

— Сбоку от него. Он умело встроен в книжный шкаф, который охватывает стену по обе стороны от выступа в кладке для дымохода. Часть секции справа поворачивается как дверь и ведет в соседнюю кладовку со старым барахлом. Кнопка скрыта позади ряда книг. Нам рассказал об этом Брайан.

— И вы думаете, что какой-то шутник вышел оттуда и напугал миссис Торн...

— Так мы и думали, но наши надежды рассеялись как дым. Внутри мы нашли пыль повсюду, включая половицы, но никаких следов. В комнату не заходили целую вечность.

Остается свидетельство самой миссис Торн, скажете вы, — продолжал он с плохо скрываемым раздражением. — Доктор Мидоус разрешил ей поговорить с нами лишь во второй половине дня. Таким образом, мы ждали... и напрасно. Она помнит, как стояла у кабинета мужа с Мидоусом и

мисс Блант и стучала в дверь. Но после этого — ничего, черная дыра. Поскольку она все еще была в состоянии шока, мы не настаивали. Редферн допрашивал ее после этого, но безрезультатно. По словам Мидоуса, вполне возможно (с учетом начального шока, сопровождаемого другим в виде смерти мужа), что она никогда не вспомнит.

Доктор Твист молча кивнул, а затем спросил:

— Вы спрашивали ее, по поводу чего они с мужем ссорились? И почему снова разбежались так скоро после примирения?

— Да, но не узнали ничего нового. Предметом их ссоры был Мидоус. Торн подозревал его в тайном заигрывании с женой, которая (вновь, по мнению Торна) не делала ничего, чтобы его остановить. В глазах большинства людей его подозрения были беспочвенными. Очевидно, у него были настоящие приступы ревности... которые было «все труднее и труднее терпеть», призналась она со слезами на глазах. После трапезы Харрис Торн пошел в свой кабинет, а она присоединилась к нему немного позже. Он тут же начал упрекать ее за то, что она пригласила Мидоуса и его невесту... и они ругались до половины девятого, когда она наконец смогла его успокоить. Она предложила ему выйти подышать свежим воздухом, на что он не возражал, и они вышли вместе. Но едва они оказались на открытом воздухе, как он начал все снова. Она вернулась, а остальное вы знаете.

Между прочим, кабинет полностью обыскали без малейших результатов. Не было никакого следа жидкости, которая смочила ковер около камина, таким образом, скорее всего, это вода.

Хёрст закончил отчет, пожал плечами и зажег сигару.

— Самое малое, что можно сказать, — глубокомысленно заметил Алан Твист, — это что ничего не ясно. Если вернуться к смерти Харви Торна, можно прийти к заключению, что в той комнате покоится нечто, которому не нравятся, когда его тревожат. Во-вторых, это нечто пугает людей, заставляя умереть на месте, потерять сознание или выпрыгнуть из окна... В-третьих, это нечто невидимо или, точнее, немедленно испаряется после своего появления... но после этого испарения остаются следы на ковре.

— Вы думаете о каком-то водном монстре? — загремел Хёрст. — Существо с телом столь прозрачным, это его даже не видно?

— Прямо из шотландского озера? Нет, мой друг, я не о нем. Я просто обозначил проблему, как она мне видится, — добавил он с веселыми искорками в глазах за стеклами пенсне.

— Можете сказать, что заставляет вас улыбаться, Твист?

Выдающийся детектив ласково поглядел на своего друга. Волосы Хёрста, всегда тщательно расчесанные на розовом черепе, имели характерную особенность: как только он волновался, на лоб немедленно падала прядь, как это произошло сейчас.

— Что заставляет меня улыбаться, так это ваш талант влезать в самые сложные дела. Обычно проблема стоит по-другому: очевидный случай убийства, где все выглядит так, словно никто не мог его совершить. Здесь же нет убийства как такового, но имеется некий «объект», который пугает людей и исчезает. Женщина падает в обморок, мужчина бросается из окна... хотя нельзя исключать и убийства.

— Эту возможность я никогда не исключал, — возразил Хёрст елейным голосом. — Наследство, которое оставил Торн, является, конечно, по меньшей мере, пищей для размышлений. С этого времени его вдове будет принадлежать все состояние.

— Все переходит к ней?

— До последнего пенни. Он, должно быть, считал, что его брат, собственное состояние которого включает половину поместья и много акций в компании, и так неплохо обеспечен. Таким образом, он все оставил ей. Он составил завещание спустя несколько дней после свадьбы, не сказав об этом ни ей, ни кому-либо еще. Брайан расстроился? Не могу сказать. В любом случае, если предполагать убийство, мы не можем исключать никого на том основании, что он не знал о завещании. Но если он действительно убил своего брата, сомневаюсь, что из-за денег. Он... как бы это сформулировать... несколько специфичный, и это его предсказание, сделанное незадолго до трагедии, кажется очень подозрительным. А вы что думаете?

Доктор Твист, глаза которого были закрыты, казалось, заснул.

— Давайте оставим это пока, — внезапно сказал он. — Предположим, что это убийство: Харриса Торна или буквально вытолкнули из окна или заставили его выпрыгнуть с помощью

какого-то трюка. Вы можете кратко перечислить для меня события того вечера с временами и перемещениями каждого человека?

— Конечно, — сказал инспектор, вновь доставая блокнот. — Я уже это сделал. Вот:

7.30. Конец трапезы. Миссис Паула Хилтон встает из-за стола и исчезает, появляясь вновь намного позже. Говорит, «пошла немного подышать воздухом и успокоиться, потому что чувствовала, что атмосфера накаляется».

7.45. Харрис заходит в кабинет. Его жена следует за ним вскоре после этого. Брайан идет в свою комнату.

8.00. Доктор Мидоус и мисс Бесси Блант звонят в дверь. Дворецкий провожает их в салон. Мистер и миссис Хилтон и их сын Фрэнсис уже там. Начинает слышаться шум ссоры наверху.

8.20. Фрэнсис Хилтон, который отправился на поиски жены, сталкивается наверху с Брайаном. Брайан, расстроенный поведением брата, спускается в салон.

8.30. Хилтоны покидают салон. Громкий шум прекратился.

8.45. Выходят Торны. Едва они отошли, ссора вспыхивает вновь. Миссис Торн возвращается и расстроенная идет в салон. Врывается ее муж и идет наверх. Брайан следует за ним. Миссис Торн и мисс Блант выходят прогуляться.

8.50 Момент, когда Харриса Торна видели живым в последний раз, высунувшимся из окна. Он отказывается разговаривать. (Отметьте, что эту информацию дал нам Брайан, который утверждает, что сразу после этого вышел из кабинета.) Смерть Харриса, по мнению экспертов, произошла в 8.50-9.00.

9.05 Сара Торн и Бесси Блант недалеко от парадных ворот вспугивают неизвестного человека, который убегает.

9.15 Доктор Мидоус, его невеста и миссис Торн поднимаются в кабинет. Миссис Торн падает в обморок на пороге двери, но комната пуста. Мисс Блант выглядывает из окна, не видит ничего подозрительного, а затем замечает или слышит, как Фрэнсис Хилтон с женой приближаются к дому. Открывая дверь черного хода, те находят тело.

— Вернемся к фатальному моменту приблизительно от 8.50 до 9.00. Самое твердое алиби несомненно у Сары Торн, которая отсутствовала, находясь в компании Бесси Блант. Трудно заподозрить сговор между ними. Мистер и миссис Хилтон обеспечивают алиби друг другу, но они — супружеская пара, поэтому... У их сына Фрэнсиса нет никакого алиби. Он вышел из дома и искал жену, которая также не может описать свои действия. Доктор Мидоус находился в салоне один: также никакого алиби. То же самое с Брайаном, который сидел в своей комнате рядом с кабинетом...

— Принимаю. Но если это было убийство, вы считаете, что виноват Брайан!

Арчибальд Херст улыбнулся.

— Мы долго допрашивали его. Мягко, могу вас уверить. Несколько вопросов о его воображаемой силе... В чем я могу вас заверить, он не шарлатан в обычном смысле, то есть, действительно верит в силу своих предсказаний. Он подтвердил пророческое предупреждение своему брату. «Это было неизбежно», — все время повторял он. Я не утверждаю, что он убийца, но он производит странное впечатление... Так или иначе, какой вывод вы делаете из всего этого? Убийство или самоубийство?

Доктор Твист ответил не сразу. Он загадочно попыхивал трубкой.

— А кроме этого, — внезапно спросил он, — вам ничего не показалось странным?

Хёрст искоса взглянул на него.

— По мне, странных вещей и так хватает.

— Конечно, но я говорю о действиях и перемещениях всех лиц тем вечером. И могу вас заверить, что-то тут неправильно!

Часть вторая

10

Год прошел почти без происшествий. Харрис Торн упокоился в мире рядом с предками под часовней. Мистер и миссис Хилтон вели мирное существование в Хаттон-Мэнор, а Брайан не изменил своих привычек ни на йоту. Сара сменила покойного мужа в качестве главы предприятия даже при том, что ее роль состояла больше в контроле над новым директором, которого она выбрала, Кertiном, бывшим до этого правой рукой покойного. Она также распорядилась о более благоприятных рабочих часах для своего брата, так что в итоге он ездил в Ковентри лишь пару дней в неделю. Однако за это время пламя, которое согревало романтические чувства Бесси Блант и Майка Мидоуса, казалось, угасло, хотя никто не знал почему.

Тем не менее, они присутствовали в Хаттон-Мэнор в тот июньский субботний вечер, когда разговор зашел о дедушке Харви и таинственном бокале, всегда стоящем на столе.

Паула, которая после многих околичностей завела беседу на эту тему, искоса наблюдала за Брайаном. На лице его появилось подобие улыбки, и он повернулся к ней.

— Дорогая Паула, я замечаю, что вы очень интересуетесь этим предметом...

Паула, которая все еще прекрасно помнила ту ночь, когда, всматриваясь в замочную скважину, видела Брайана, рассматривающего именно этот предмет, изобразила безразличие, которому противоречили глаза, горящие от любопытства.

— Да, потому что не могу найти объяснения... если таковое существует.

— И никто не рассказал вам, о чем дело? — удивленно спросил Брайан.

Вопрос был встречен удивленным молчанием.

— А вы можете нам сказать, Брайан?

Все еще улыбаясь, Брайан сказал только одно слово, но вызвавшее общую реакцию.

— Да.

Доктор Мидоус зажег сигарету, и его примеру последовал Фрэнсис. Говард Хилтон налил себе еще портвейна под неодобрительным взглядом жены.

— Понимаете, — продолжал Брайан, — везде, куда бы вы не перенеслись в пространстве или времени, люди одинаковы. Когда они слышат разговор о пророчестве, то принимают позу превосходства и пожимают плечами, но... давайте возьмем пример, самый первый, который возвращает нас в «Бытие». Адам и Ева, хотя их предупреждали, не заметили ужасной угрозы, вкусили запретный плод и были изгнаны из земного рая... и именно нам приходится расхлебывать последствия. Харрис тоже не слушал. Никто не может сказать, что я не предупреждал его. Все же он открыл эту комнату...

Перед тем, как вернуться к дедушке Харви, я хотел бы рассказать вам об определенных событиях, которые изменили историю и подлинность которых не вызывает сомнений. Фактически, было множество пророчеств, которые оказались точными. Самые известные, само собой разумеется, относятся к прославленным людям, которые, должно быть, терзали себя за то, что пропустили все это мимо ушей. Вспомните Кассандру, которую дразнили троянцы. Термин «Троянский конь» вам знаком? Помните Юлия Цезаря и знаменитое «Остерегайся Мартовских ид». Он выслушал жену, видевшую кошмар, в котором она держала на руках его труп, и на следующий день она просила его отложить собрание в Сенате. Но он не прислушался к ее словам и был заколот у подножья статуи Помпея, своего врага.

Он остановился и посмотрел куда-то вдаль. Потрясенная аудитория могла видеть в его ясных голубых глазах ту ужасную сцену.

— Я перескочу через пророчества Нострадамуса и других хорошо известных фигур, и возьму случай Марии Магдалины де Пацци, один из самых значительных и волнующих. Удивительная молодая женщина, которая в возрасте пятнадцати лет объявила, что не будет принадлежать

никому, кроме Иисуса Христа, и лучше умрет, чем выйдет замуж. Она регулярно бичевала себя, чтобы защитить свое целомудрие от дьявольских искушений, и иногда ее видели корчащуюся на земле, словно отбивающуюся от невидимого врага и испытывающую страшные конвульсии.

Одно из ее самых замечательных пророчеств произошло во время церемонии выбора нового приора, на которой должен был присутствовать некий кардинал. Мария Магдалина, которой тогда было двадцать, во время службы погрузилась в летаргический сон. Была предпринята попытка поднять ее с церковной скамьи и перенести в келью, но она была безжизненной и одеревеневшей: даже при том, что весила она лишь чуть более ста фунтов, ее не могли поднять со скамьи. Когда кардинал вошел в часовню, он сел рядом с ней. Тут же очнувшись, она встала и сказала ему в лицо: «Вы станете Папой Римским. Да, вы будете Папой Римским, но недолго, потому что умрете меньше, чем через месяц после избрания!»

Брайан понизил голос:

— Девятнадцать лет спустя Алессандро Оттовиано Медичи принял имя Льва XI.

— И он умер месяц спустя? — спросила Паула.

— Через двадцать шесть дней, если быть точным, — ответил Брайан. — Я мог бы процитировать вам много других примеров, например замечательное видение Сведенборга, который не только предсказал пожар в Стокгольме больше чем за двести миль от места, где жил, но и подробно описал распространение огня и где пожар завершится. Но давайте обратимся к смерти Людовика XIV или, точнее, к свидетельству герцога де Сен-Симона о той смерти... которое, между прочим, объясняет присутствие этого таинственного бокала с водой в комнате моего двоюродного деда.

Накануне своего отъезда, чтобы принять командование итальянской армией, Филипп Орлеанский, племянник и зять Людовика XIV, встретил Сен-Симона в Марли. Последний, как обычно, записал о странном приключении первого предыдущим вечером.

Филипп пригласил своих друзей на ужин. В конце вечера, когда оставались только его любовница и несколько самых близких друзей, Филиппу представили любопытного человека, предположительно фокусника, который утверждал, что сможет рассказать ему любую подробность его прошлого, настоящего и будущего. Для этого ему нужен «кто-то молодой и невинный» и кое-что еще... о чем я пока умолчу. У мадемуазель де Сери, любовницы Филиппа, была восьмилетняя девочка, живущая с ней, невинная и довольно замкнутая, которая никогда не выходила из дома.

Для начала, они попросили, чтобы ребенок описал сцену, происходящую где-то в другом месте в эту самую минуту, что она и сделала. Герцог Орлеанский тайно послал одного из своих камердинеров на место, описанное девочкой, — это было недалеко. Тот быстро вернулся и сказал хозяину, что он заходил в дом мадам де Нанкр, где произошли события. Вооруженный этими сведениями, Филипп попросил ребенка о дополнительной информации. Ее ответ ошеломил его: она описала всех присутствовавших, их лица и во что они одеты, что делали, положение мебели... короче говоря, она рассказала ему все, о чем сообщил камердинер.

После чего ребенка спросили, может ли она описать то, что произойдет во время смерти короля. Помните, никогда не выходя из дома, она ничего не знала ни о Версале, ни, очевидно, о свите короля. Но спальня короля была описана в мельчайших подробностях, таких как мебель, кровать, лежащий Людовик XIV и люди, собравшиеся вокруг него. Не вдаваясь в детали, позвольте только сказать, что они были людьми, которых Филипп Орлеанский мог легко узнать, но он был поражен, что маленькая девочка не видела ни монсеньора дофина, ни его сына герцога Бургундского и его молодую герцогиню, ни герцога де Берри, брата дофина. Ответ всегда был тем же самым: она не видела никого из них.

Это было в 1706 году. Эти четыре человека, не видимые девочке, все были в то время в добром здравии, но все-таки все они умерли раньше короля. И в 1715 году у его смертного ложа присутствовали только те, кого девочка так тщательно описала девятью годами раньше.

Одна последняя деталь: в соответствии с пожеланиями фокусника и чтобы помочь ребенку «видеть» все эти сцены, на стол перед ней поставили большой бокал с водой...

Мистер Хилтон понимающе кивнул:

— Таким образом, ваш двоюродный дед видел будущее, используя тот же самый способ?

— По всей вероятности. Я давно знал об этой истории, описанной в «Мемуарах Сен-Симона», но лишь в прошлом году обнаружил связь с бокалом воды у Харви. И не буду скрывать, что теперь пользуюсь тем же самым способом для... скажем, для концентрации. — Его глаза загорелись странным светом. — Это замечательно. Совершенная прозрачность воды действует как настоящее зеркало, где можно видеть много вещей — вещей, которые...

Он замолк, и на лице появилось выражение блаженства.

— Раз вам это нравится, — дружелюбно сказал Фрэнсис, — я был бы не против сеанса с вами... пока вы не объявите о новой катастрофе.

— Но скажите нам, — попросила Паула, все еще пытаюсь осознать то, что услышала, — есть ли какая-то связь между бокалом с водой вашего двоюродного деда, его смертью и водой, найденной на ковре?

Брайан пожал плечами.

— Понятия не имею. Я много думал об этом, особенно после смерти брата... Почему он выбросился из окна? И почему вода на ковре в том же самом месте? — Он глубокомысленно посмотрел на Сару. — Вы все еще не помните, почему так испугались?

Сара задрожала.

— Я пробовала очень много раз, — прошептала она, — но без успеха. Я вижу дверь, в которую стучала, и момент, когда я открыла ее... Но, после этого — ничего. — Она печально посмотрела в глаза Брайану. — Возможно, это специфическое головокружение, предупреждающее о смерти Харриса?

Брайан кивнул.

— Это единственное разумное объяснение. К тому же, такие предупреждения происходят намного чаще, чем люди думают. Я могу привести многочисленные примеры, где люди заболели или видели кошмар точно в тот момент, когда теряли любимого... на расстоянии в несколько сотен миль. Дорогая Сара, нет сомнений, что в тот самый миг, как вы начали открывать эту дверь, вы знали, что Харрис навсегда покинул нас.

11

В угнетающей жаре июльского дня Говард Хилтон любовался большими группами роз, которые украшали главный вход в Хаттон-Мэнор. С самого начала года его задачей было заботиться о них, чтобы уменьшить нагрузку на старого Мортимера, физический упадок которого стал слишком очевидным. Говард тщательно проверил прививки, которые сделал, и, удовлетворенный результатами, решил немного отдохнуть на одной из скамей. Он снял шляпу, вытер пот со лба тыльной стороной руки и облегченно вздохнул.

Пытаясь дать отдых голове, он смотрел на темно-зеленый окружающий лес, отделяющий голубое небо от светло-зеленых лужаек, от которых поднималась душающая жара. И все же его беспокоило то, что Сара сказала за ланчем. Хотя ничего экстраординарного не произошло, он не мог не думать, что случившееся положит конец мирному спокойствию, которое царило здесь в последние несколько месяцев. Очевидно, трудно было ожидать, что такая женщина, как Сара, останется вдовой навсегда, но он не ожидал, что это случится так скоро.

Заскрипел гравий, и он увидел приближающуюся Дороти. У них не было времени после обеда, чтобы поговорить, но по ее поведению он видел, что она разделяет его мысли. Она села рядом с ним, мрачная и молчаливая.

— Какой прекрасный день, дорогая, — нежно заметил он.

— Наслаждайся им, пока можешь, — ответила его жена. — Кто знает, что принесет завтра!

— Слишком верно, моя дорогая, слишком верно.

После продолжительного молчания миссис Хилтон продолжала:

— Как ты прекрасно знаешь, я не виню Сару... но она могла бы подождать подольше. Это неприлично. И только Небо знает, что случится с нами теперь... Не исключено, что через несколько

месяцев она поставит нас перед фактом, что ради личной жизни, независимости или чего там еще, лучше нам жить врозь... Конечно, она не оставит нас без финансовой помощи, хотя... даже это еще неизвестно. Не знаю, заметил ли ты, но после смерти Харриса она стала смотреть на нас свысока. Навязывает свою волю и дает понять нам, своим собственным родителям, что именно она — хозяйка дома... Боюсь, деньги ударили ей в голову.

Говард жестом показал, что согласен с ней, поскольку его мысли тоже возвратились к концу ланча: Сара выбрала это время, чтобы объявить, что она собирается обручиться с доктором Мидоусом. То, что это стало неожиданностью для всех присутствующих, это еще мягко сказано. Фрэнсис сидел с открытым ртом. Паула почувствовала, что внутри все свело, и Дороти, несмотря на ее кажущееся спокойствие, чувствовала, наверное, то же самое.

Теперь ее муж наблюдал за ней краем глаза. Как обычно, она скрывала эмоции. Однако годы опыта сказали ему, что она сильно расстроена. Дороти повернулась к мужу:

— Мидоус — вполне приличный молодой человек. Вежливый, воспитанный, всегда дружелюбный, его просто не в чем упрекнуть.

— Совершенно согласен, дорогая.

Миссис Хилтон немного помолчала и добавила:

— За исключением того, что я не могу скрыть удивления... ничего определенного, ты же понимаешь...

— Хочет ли он действительно жениться на ней только ради ее голубых глаз...

Молчание Дороти подтвердило, что у нее были те же подозрения.

— Я начал задаваться этим вопросом еще в прошлом месяце, — сказал Говард, — когда он сказал нам, что разорвал свою помолвку с Бесси Блант. Она — милая девушка, и я не мог понять, что произошло. — Он нахмурился. — Вопрос оставался без ответа... до сегодняшнего дня.

* * *

На следующий день, в среду, Фрэнсис и Паула посетили Бесси Блант. Они завели традицию заходить к ней раз в неделю и подумали, что будет некрасиво не сделать так теперь.

Дом Бесси был расположен в нескольких сотнях ярдов влево на выходе из деревни за большой лесистой областью и как раз перед извилистой, усыпанной галькой дорогой, которая плавно поднималась к поместью. Однако для жителей Хаттон-Мэнор, желающих посетить дом Блантов, имелась тропа вниз через подлесок, который вел непосредственно к воротам в заборе, окружающем участок, откуда дорожка шла через небольшой луг в скромный сарай, служащий мастерской дедушки Бесси.

Старик не ступал туда ногой после смерти сына в результате несчастного случая, за который чувствовал себя ответственным: на отца Бесси упал тяжелый шкаф в результате неправильного маневра.

За мастерской лежал огород, живая изгородь, небольшая лужайка в тени плакучей ивы и сам дом Блантов.

Обычно Фрэнсис и Паула, когда хотели посетить соседку, шли именно через подлесок. Они обнаружили ее на шезлонге под плакучей ивой. Увидев их, она села и тепло улыбнулась.

У молодой пары, явившейся, чтобы как-то подбодрить девушку после обручения Майка Мидоуса с Сарой, отлегло от сердца: девушка была в прекрасном настроении. Они сели чаевничать, но тут же вновь забеспокоились, когда Бесси объявила:

— Дедушка вчера заболел... Ничего серьезного, могу вас уверить.

— Наверное, высокая температура? — предположил Фрэнсис, помешивая чай.

— Нет, это случилось, когда он вошел в свою старую мастерскую.

Фрэнсис замер, а Паула посмотрела в сторону небольшого здания, крыша которого виднелась за деревьями.

— Как вы знаете, никто не бывал там с тех пор, как умер отец... тем более дедушка, который никогда не мог забыть этот несчастный случай. — Бесси вздохнула. — Однако вчера днем он пошел туда за инструментом, чтобы починить сломанную лопату... я все еще вижу, как он заявляет об этом за ланчем, словно между прочим, никого этим, однако, не обманув: мы с мамой знали, чего ему стоило пойти туда, и он, конечно же, легко мог починить лопату с помощью других

инструментов. Это был, очевидно, просто предлог для того, чтобы попытаться успокоить больную совесть раз и навсегда. Мы смотрели, как он отправился туда, весело насвистывая, чтобы выглядеть уверенным.

— Фрэнсис, теперь можешь положить свою ложку, — весело заметила Паула. — Ты держишь ее в воздухе уже с полминуты.

— Моя ложка? — удивился Фрэнсис. — Ах, да, — пробормотал он, пожимая плечами.

Бесси смотрела на него со слабой улыбкой на губах:

— Вы заставляете меня вспомнить о Майке. Он тоже время от времени приходил в ступор. Так о чем я?

— Ваш дедушка пошел в свою мастерскую, — напомнила Паула.

— Правильно. Ну, он вернулся десять минут спустя, еле волоча ноги, и выглядел измученным. Он сказал, что ему стало нехорошо, когда он вошел внутрь, и пришлось даже лечь на траву, чтобы прийти в себя.

— Я думаю, он вновь пережил момент трагедии, — резко заявила Паула.

— Именно, но он не хотел признаться. Так или иначе, следующий раз он отправится туда нескоро.

— Значит, ничего серьезного, — сказал Фрэнсис, делая неопределенный жест.

Бесси покачала головой, все еще слабо улыбаясь.

Паула решила, что настал момент подойти к главному.

— Дорогая Бесси, я так рада, что ваше хорошее настроение ничуть не затронуту... недавними событиями.

Ее подруга не сдержала улыбки.

— Вы говорите о Майке? И его помолвке с Сарой?

— Поверьте, — сказал Фрэнсис, глядя в пол, — нам это не доставило никакого удовольствия. Не мне судить Майку, но могу сказать, что я поражен поведением моей сестры и не только по отношению к вам, но и...

— О Боже, Фрэнсис, какой вы старомодный! — воскликнула Бесси. — Харрис мертв уже больше года. Разве вы не считаете, что это достаточно долго, чтобы соблюсти приличия? — Она взглянула на их строгие лица. — Я думаю, вы смотрите не с того конца. Мы с Майком прекратили встречаться — по крайней мере, в том смысле, который вы имеете в виду, — в начале года. После первого разлада мы пробовали еще раз, но с тем же самым результатом. Просто наши сердца не лежат друг к другу. Мы решили остаться хорошими друзьями и продолжать появляться вместе какое-то время. Это Майк предложил, чтобы люди постепенно привыкли к этой мысли, вместо того, чтобы сделать резкое объявление, которое неизбежно породило бы сплетни и плохо отразилось бы на его медицинской практике.

«Женитьба на Саре, конечно, положит конец этому беспокойству», — подумал про себя Фрэнсис.

— Понимаю, — сказал он вслух, делая все возможное, чтобы скрыть иронию в голосе.

Паула скривила лицо, демонстрируя, что она не согласна с мужем.

— Я понимаю это, — повторила она, — с одной стороны. Но, с другой стороны, мне это не кажется честным. Я имею в виду, подобные ситуации приводят к осложнениям. Но почему...

Паула прикусила свой язычок, поскольку поняла бестактность вопроса.

— Почему мы вообще расстались?

— Ну да, — запнулась Паула, поскольку Фрэнсис бросил на нее яростный взгляд.

Бесси глубоко вздохнула. Ее голубые глаза ярко заблестели, но ни Паула, ни Фрэнсис не могли понять, что это значит.

— Майк, — пробормотала она с горькой улыбкой. — Мы очень хорошо ладили вначале. А затем все стало постепенно меняться... разные мелочи. Трудно объяснить. Просто приходит день, когда вы чувствуете, что все идет не так. Вы гоните эту мысль из головы, но она возвращается еще более сильной. Наконец, вы понимаете, что совершили ошибку. В тот день, когда я объяснила это Майку, он не хотел этому верить, виня мрачные темные зимние дни, которые, как все знают, плохи для влюбленных. Затем он заявил, что без взлетов и падений жизнь скучна... и кучу других оправданий.

— Так значит это вы, — воскликнула Паула, в то время как Фрэнсис громко и демонстративно откашливался. — Это вы кто...

— Да, — ответила Бесси, улыбаясь непосредственности подруги. — Да, именно я разорвала помолвку. И именно поэтому я не в том положении, чтобы упрекать Майка в чем-либо. А кроме того...

— Да? — спросила Паула, нетерпеливо наклоняясь вперед.

Бесси откинулась на спинку шезлонга, искренне рассмеялась и сказала:

— Думаю, на сегодня я сказала достаточно. Хотите еще чаю?

Как только всем налили, Паула вернулась к нападению.

— У меня такое чувство, что вы что-то скрываете...

— Дорогая, пожалуйста! — вступил Фрэнсис, расплескивая чай.

— У меня такое чувство, — настаивала Паула, — что на горизонте появился новый прекрасный принц!

Фрэнсис собрался было возразить, но остановился, увидев, что Бесси подмигнула.

— Другой жених? — пробормотал он.

— Бесси, вы должны нам все рассказать! — настаивала Паула. — Чем он занимается? Откуда он? Как вы встретились?

Бесси покраснела, смущенная, но в то же время польщенная интересом ее друзей. Она взглядела в небо с блаженной улыбкой на губах.

— Я встретила его в Лондоне несколько месяцев назад. Вы никогда не догадаетесь как... нет, мне не следует говорить...

— О нет! — взволнованно воскликнула Паула. — Вы зашли слишком далеко, чтобы остановиться теперь.

— Ну, если настаиваете. Мы встретились довольно необычным способом... фактически, он остановил меня на улице совершенно неожиданно.

Фрэнсис подавил возмущенное «что!», сказав себе, что провинциальные девушки являются легкой добычей.

— На улице? — повторила потрясенная Паула.

— Да, — подтвердила Бесси, — но совершенно необычно. Я прогуливалась вдоль Оксфорд-стрит, когда увидела совершенно незнакомого молодого человека, который приближался ко мне, размахивая роскошным букетом роз. Он остановился передо мной и объявил, что они для меня и он не знает почему. Он очень смущен тем, что делает и очень извиняется, но в то же время ничуть не жалеет!

Пока Паула произносила обязательное «как романтично!», Фрэнсис с трудом подавил желание пожать плечами. Наивность некоторых женщин просто изумляет.

— Я была так удивлена, — продолжала Бесси, прижимая руки к груди, — что приняла его приглашение на чашку чая. Вот так. С тех пор мы видимся почти каждую неделю.

— Здесь? — спросила удивленная Паула.

— Нет, в Лондоне. Но теперь, когда Майк и Сара...

— Так мы скоро его увидим? — спросила Паула с энтузиазмом, который вызвал неодобрительный хмурый взгляд ее мужа.

— Не сразу. Сейчас он совсем загружен работой. Но обещал провести здесь несколько дней до конца года.

Паула попыталась узнать что-нибудь еще, но, в конце концов, они с мужем вернулись в Хаттон-Мэнор, не узнав ничего больше.

12

После окончания вечерней трапезы Сара, Паула и Фрэнсис решили выйти подышать воздухом. Садящееся солнце бросало длинные тени на парк.

— Жених? Что ж, она довольно быстро утешилась!

— Ты не понимаешь, Сара, — сказал Фрэнсис. — Почему она должна была утешать себя, когда именно она разорвала помолвку?

Сара звонко рассмеялась.

— И ты считаешь, это Бесси ушла от Майка? Это смешно!

— Нет-нет, — настояла Паула. — Она сама нам так сказала.

— А раз она вам сказала, вы этому верите? — Сара повернулась к брату и невестке с иронической, почти презрительной улыбкой. — В том, что касается психологии, вам обоим еще многому учиться. А что касается Майка, у вас неправильная версия событий. Когда он сказал ей, что им лучше расстаться, она цеплялась за него, рыдая и угрожая самоубийством. Майк был очень терпелив, потому что хотел любой ценой избежать скандала.

Фрэнсис глубокомысленно кивнул.

— Это странно, — сказал он. — Она не произвела на меня впечатление ревнующей.

— Как я всегда говорила, Фрэнсис, ты ничего не знаешь о женщинах, — издевалась Сара. — Всегда очень болезненно, когда тебя бросает тот, кого ты любишь, а уж видеть его в объятиях подруги — высшее оскорбление. И вы считаете, что вдобавок ко всему она будет кричать об этом направо и налево? Нет, остается лишь одно: страдать молча, надев маску беспечности. И именно этим Бесси занимается сейчас. Мы с Майком не дураки. Однако мы против нее ничего не имеем.

— Это хорошо, — заметил Фрэнсис. — Бесси — приличная девушка, которой, я уверен, не в чем себя винить, и которая не терзается ревностью, как ты ее изображаешь.

— На самом деле не имеет значения, что ты думаешь или не думаешь, — пренебрежительно отрезала Сара.

Паула, идущая впереди, выбрала путь, ведущий к часовне, которая была едва различима в сумерках, поскольку ее окружали деревья. Когда они приблизились, Сара внезапно остановилась с затравленным выражением лица.

— Нет, — пробормотала она. — Не сюда.

Бросив на жену неодобрительный взгляд, Фрэнсис взял Сару под руку и нежно повел ее по направлению к дому. Паула пожала плечами и пошла следом. Она думала о Харрисе Торне с его радушной улыбкой, рыжими волосами, неизбежным пиджаком в синюю клетку и взрывами смеха. Она помнила его настолько четко, что почти видела перед собой. Ее пробил дрожь. «В конце концов, — сказала она себе, — Харрис Торн был не так уж неправ, ревнуя к доктору Майку Мидоусу... А если его дух здесь скрывается в тени и шпионит за женой — женой, на которую нацелился Мидоус?..»

Она вздрогнула, услышав голос собственного мужа:

— Черт возьми! Я и забыл о старине Брайане!

Паула собиралась что-то сказать, но ее упредила Сара:

— Брайан? Что ты от него хочешь?

— Я обещал заглянуть к нему этим вечером, — сказал Фрэнсис, бодро потирая руки. — Для консультации... о моем будущем.

* * *

Энтузиазм Фрэнсиса, распивавший его, когда он стучал в дверь Брайана, исчез, как только он вошел в комнату. Во-первых, лицо Брайана больше походило на восковое изображение, чем на его нормальный оригинал, а мрачное выражение на нем едва ли успокаивало. Кроме того, масляная лампа, казалось, давала самый минимум света, который лишь подчеркивал тени вместо того, чтобы рассеять их. Единственное, что было видно, это стол, на котором стоял большой бокал с водой, и золотые корешки книг на полках. Внезапно лицо Брайана осветилось приветливой улыбкой.

— Дорогой Фрэнсис, я не уверен, что это лучший способ заглянуть в ваше будущее.

Фрэнсис Хилтон взгляделся в темноту.

— Лучший способ? О каком способе вы говорите?

— Я чувствую, вы не доверяете... не верите в эту науку, я прав?

— Ну, лучше сказать, не до конца верю.

Брайан кивнул, попросил, чтобы Фрэнсис сел напротив него, после чего достал из ящика колоду карт и разложил их на столе. Мягкий свет лампы осветил много красивых картинок: священник, поглощенный книгой, женщина, держащая меч и весы, нагая женщина, льющая что-то из кувшина в озеро, скелет, косящий траву, человек, подвешенный за ногу, человек, падающий из башни, две собаки, воющие на луну, и множество других. На некоторых картах были лишь символы: пересеченные жезлы, мечи, чаши, динарии и числа от одного до десяти.

— Вы знаете, что это за карты? — спросил Брайан.

— Похожи на колоду таро... но не совсем.

— Правильно. Это Марсельское таро.

— О! — воскликнул удивленный Фрэнсис. — Кажется, это особые карты, специально для гадания?

Брайан улыбнулся.

— Да, даже сегодня использование таро в Европе — предмет больших споров. Французы считают, что художник Жакмен Грингонье... но не думаю, что вас это заинтересует. О! Я вижу, вы смотрите на скелет с косой.

Фрэнсис тревожно поднял взгляд.

— Эта карта символизирует смерть, не так ли?

— Не обязательно. Это зависит от соседних карт.

Последнее замечание едва ли успокоило Фрэнсиса, который, по просьбе Брайана, перетасовал карты и разложил их на три стопки. Брайан взял по верхней карте из каждой стопки и перевернул их лицевой стороной вверх. После минутного размышления он уставился на бокал с водой. Операция повторилась трижды. Затем последовала продолжительная тишина, которая показалась Фрэнсису бесконечной.

— Итак? — спросил он наконец.

Брайан посмотрел на него непроницаемым взглядом.

— Так, — объявил он, — нет ни тени сомнения. Я говорил раньше, что из-за вашего скептицизма результат не гарантирован, но... карты говорят предельно ясно. Как вы, несомненно, заметили, мы часто открывали те же самые карты... четверка жезлов, король динариев и восьмерка мечей, за которыми идет смерть...

— Да, — сказал Фрэнсис дрожащим голосом, — я ее заметил. Только, пожалуйста, не говорите мне, что...

Прежде, чем ответить, Брайан задумчиво посмотрел на бокал с водой:

— В восьмерке мечи не подняты, таким образом нет причин бояться худшего... Но остерегайтесь чего-то вроде падения. Однако есть и хорошие новости... Фрэнсис, вы ставите на лошадей, не так ли?

— Иногда, но без больших успехов, должен сказать. Именно поэтому я делаю лишь маленькие ставки.

Брайан широко улыбнулся.

— На вашем месте, в следующий раз я был бы посмелее: король динариев рядом с восьмеркой жезлов указывает на большой выигрыш!

* * *

Без четверти двенадцать Патрик Нолан с газетой в руке открыл дверь одного из пабов на Риджент-стрит. Он направился прямо к одному из немногих свободных мест и уже собрался заказать напиток, когда услышал собственное имя:

— Патрик!

Он оглянулся и увидел, как кто-то пробирается к нему, кто-то, кого он не видел в течение долгого времени и совсем не хотел видеть сейчас. Он изобразил радость, которую не чувствовал, и ответил:

— Привет, Фрэнсис.

Они не бросились друг другу в объятия, но были близки к этому. В дни, когда Хилтоны проводили отпуск в Пэдстоу, Фрэнсис и Патрик прекрасно ладили и стали близкими друзьями.

Синий Тростник испытывал неловкость и стыд, кровь прилила к щекам. Часто в его мечтах (и наяву, если на то пошло) Фрэнсис стоял между ним и Белой Камелией. Фрэнсис со своими голубыми глазами и обворожительной улыбкой...

— Приятно видеть тебя снова, Патрик, — сказал тот, ставя на прилавок два пива.

Синий Тростник заказал по второй порции, проклиная себя за то, что стал лицемером и предателем, и предложил тост:

— Ну, за...

Имя, которое всегда было у него на уме, словно приклеилось к губам.

— За Паулу! — радостно воскликнул Фрэнсис, поднимая стакан.

Мужчины пили, каждый с широкой улыбкой на устах, хотя в искренность Патрика верилось с трудом.

Фрэнсис, который осушил стакан одним залпом, признался:

— Я обязан тебе всем. Я обязан тебе... Паулой.

— Не понимаю, за что меня благодарить, — возразил Патрик, начиная задыхаться.

— Паула сказала мне о роли, которую ты сыграл в нашем браке. Она призналась, что не решилась бы. Без твоего совета...

— Все, что я сделал, это...

— Независимо от того, что это было, я не забуду, что именно тебе обязан своим счастьем!

Словно получив удар, Патрик ничего не сказал и зажег сигарету.

— Прошло два года, как мы женаты, — продолжал Фрэнсис, — и два года, с тех пор как мы виделись с тобой в последний раз, Патрик. Ты должен был связаться с нами, Паула была бы так рада... Надеюсь, ее родители дали тебе наш новый адрес?

«Два года, с тех пор как мы виделись, это не совсем так», — горько думал Патрик, вспоминая о Белой Камелии. Кроме того, он видел Фрэнсиса две недели назад на севере Лондона, когда следил за одним из начальников отдела «Коуп Рефрежерейтинг Компани», жена которого подозревала его в супружеской измене. Он живо вспомнил полярную одежду, которую пришлось носить, чтобы провести несколько часов в холодильном блоке и сделать фотографии начальника отдела и его секретарши, страстно обнимающихся несмотря на сибирский мороз. Он чуть не заработал пневмонию. Случилось именно так, что после этого он видел, как Фрэнсис садился в свой автомобиль, но так как он был совершенно уверен, что Фрэнсис его не видел, то решил не окликать.

— Уже давно, как я уехал из Корнуолла в столицу. Я, конечно, часто вспоминал вас, но знаешь, как бывает... Работа и прочее — совсем нет времени.

Фрэнсис кивнул и спросил:

— Между прочим, чем ты занимаешься?

После того, как Патрик объяснил, Фрэнсис глубоко задумался.

— Не знаю, встречался ли ты когда-нибудь с Харрисом Торном? — спросил он наконец.

— Нет, никогда.

— Ну, тогда и не встретишься, потому что он умер в прошлом году.

Патрик собрался было изобразить удивление, но передумал. Он хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— О чем я только думаю? Конечно, я слышал о нем. Или кто-то мне сказал, или я читал в газетах. Чертовски не повезло бедной Саре... Как она это пережила?

— Очень даже неплохо. Она только что обручилась с Майком Мидоусом, деревенским доктором.

Вновь Патрик вынужден был замолчать и подумать. Положение было довольно щекотливым, поскольку он едва ли мог притворяться, что не знает Мидоуса. Он решил следовать старой поговорке: лучшая защита — нападение:

— Если я правильно помню, Харрис Торн умер при довольно странных обстоятельствах, это так?

— Именно, и я хотел поговорить с тобой об этом. Надеюсь, как детектива тебя это заинтересует.

Когда Фрэнсис закончил перечислять факты, его окликнули двое мужчин, сидящих неподалеку. Он подошел к ним вместе с Патриком. Беседа перекинулась на другие предметы, и

все четверо решили заодно перекусить в баре. Из последующего обсуждения, которое касалось исключительно скачек, Патрик понял, что Джонни и Дэвид были заядлыми профессиональными игроками и что Фрэнсис также, казалось, хорошо разбирался в предмете.

Последовала масса дружеских шуток, причем Джонни с Дэвидом упрекали Фрэнсиса за очень осторожные ставки.

— Как ты можешь выиграть хоть что-то, если ничем не рискуешь? — спросил Дэвид, а Джонни устремил на Фрэнсиса удивленный взгляд.

— Фактически, наш ученик вчера сделал большую ставку, но хитрец даже не подумал нам об этом сказать. Разве не так, Фрэнсис? Не отрицай, я видел тебя у окошка. Ну что, выиграл?

— Сказать по правде, я не решился проверить. Патрик, можно твою газету?

Он быстро пролистал ее до спортивной страницы. В тишине, которая за этим последовала, его компаньоны увидели, как он сильно побледнел. Он опустил руку во внутренний карман и достал билет, который тщательно осмотрел, прежде чем положить на стол. Джонни и Дэвид посмотрели друг на друга и наклонились над столом, но тут же отпрянули и удивленно уставились на Фрэнсиса.

— *Малыш Джо*, — пробормотал Дэвид. — Он поставил двадцать фунтов на *Малыша Джо*!

— Который шел тридцать к одному, — добавил Джонни, почти падая на стул.

Счастливый случай должным образом отпраздновали, и все четверо вышли из паба после закрытия. Распрощавшись с Джонни и Дэвидом, Патрик и Фрэнсис зашли в офис тотализатора, чтобы забрать выигрыш. Поскольку поезд Фрэнсиса уходил только в шесть, они решили прогуляться в Сент-Джеймс-парке.

— Не могу этому поверить, — сказал Патрик, садясь на скамью. — Выиграть такую огромную сумму и так быстро... хотелось бы видеть лицо Паулы, когда ты ей скажешь.

Фрэнсис молча сел рядом. Он снял пиджак, ослабил узел галстука и глубокомысленно уставился вдаль.

— Что случилось, дружище? Ты не похож на человека, только что выигравшего шестьсот фунтов.

— Если бы ты только знал, как я их выиграл...

— Сделав ставку на лошадь, и, насколько я знаю, это вполне законно. Можно подумать, у тебя совесть не чиста!

— Дело не в этом, — ответил Фрэнсис, качая головой. — Недавно я рассказывал тебе о брате Харриса. Он считает себя ясновидцем. Я в подобное не верю, но, начиная со смерти моего зятя, которую он предсказал, не могу совсем об этом не думать.

— Чистая случайность.

Фрэнсис скептически улыбнулся и неторопливо зажег сигарету.

— Чистая случайность? — повторил он. — Я в этом не уверен. Не первый раз, когда он объявляет о событии, которое затем происходит. Кроме того, у него был двоюродный дед с тем же самым даром.

Пока они шли к станции, Патрик слушал рассказ Фрэнсиса о жизни бабушки Харви, о чем он уже знал. Подробный рассказ окончился только на платформе, потому что Фрэнсис добавил к нему все странные события, которые произошли, начиная с их прибытия в Хаттон-Мэнор.

— И именно этот Брайан, — закончил он, — на прошлой неделе сказал мне, что скоро я выиграю крупную сумму на скачках.

— Это совершенно неправдоподобно, — сказал Патрик, настолько задумавшийся, что не видел пассажиров, спешащих мимо.

Фрэнсис казался обеспокоенным.

— Это не все. Он также предсказал мне инцидент, какой-то несчастный случай, но не уверен, какой именно. Именно поэтому я не скачу от радости... — Он похлопал себя по карману. — Что думает великий детектив?

— Честно говоря, ничего, разве что скажу: будь осторожным, поскольку никогда не знаешь...

Резкий свисток заставил их вздрогнуть.

Фрэнсис, вновь улыбаясь, протянул руку своему товарищу:

— Не волнуйся, Патрик. Меня хранит моя счастливая звезда, и ты ее знаешь.

— О! Паула, — ответил Патрик, резко погрузнев.

— Обещай, что приедешь нас навестить.
— Конечно.
— Надеюсь, я все еще буду там, чтобы тебя приветствовать! — воскликнул Фрэнсис со смехом, затем развернулся и вошел в вагон.

Патрик остался смотреть, как отходит поезд и Фрэнсис машет ему из окна, а затем направился к выходу. Его голова раскалывалась от вопросов. Он заказал чашку кофе в станционном буфете и сел, чтобы пересмотреть план, который разрабатывал многие недели, если не месяцы.

13

Сара нервно отодвинула отчет директора. Как всегда, не было ничего нового, дела шли прекрасно, поэтому она приписала свое плохое настроение мрачной дождливой погоде. Она посмотрела на часы: уже почти без четверти девять. Сара вздохнула, повернулась к окну и, прижав лоб к стеклу, смотрела, как чернота ночи поглощает серость дня. Слушая, как дождь барабанит в окно, она задумалась. Во-первых, она задавалась вопросом, зачем регулярно приходит с делами именно сюда, в старый кабинет Харриса. В конце концов, атмосфера здесь была какой-то давящей. Мало того, что комната зловеще напоминала о смерти мужа, было что-то еще, что-то неконкретное. Может быть, старая мебель и ковер, и старые книги, страницы которых почернели с времен, когда здесь жил дедушка Харви? Возможно, но эта комната, казалось, была средоточием тишины и уединения гораздо в большей степени, чем любое другое место в доме. А тишина и уединение были тем, в чем она больше всего нуждалась, как постоянно твердит ей Майк. Казалось, комната чем-то таинственно влекла ее. Возможно, она окончит здесь свои дни так, как дедушка Харви... и Харрис.

Почувствовав внезапную усталость, она решила прилечь. Погасив старую масляную лампу, она задалась вопросом, не пора ли провести электричество. Если Брайан отказывается от любой попытки модернизировать свою комнату, это его дело, но для нее нет причин продолжать жить в прошлом веке. Завтра она поговорит об этом с Мостином.

Она подошла к дивану и легла. Уже собираясь закрыть глаза, она вспомнила, что Майк обещал ей зайти около девяти. Ладно, она спустится вниз через несколько минут... лишь несколько коротких минут... достаточно, чтобы чуть-чуть вздремнуть...

Монотонная дробь дождя в стекло прекратилась, и сон уже овладел ею, когда внезапно она услышала, что дверь скрипнула.

Она замерла, увидев, как в комнату постепенно проникает слабый свет из коридора.

Кто это может быть?

Искаженная тень, упавшая на стену, не давала подсказки.

Бесшумно пробравшись к двери, она захлопнула ее. В комнате вновь воцарилась темнота. Она открыла было рот, чтобы попросить вошедшего назвать себя, но слова не шли из горла. Единственными деталями, которые она успела увидеть, были рыжие всполохи в волосах человека. Она ясно представила Харриса.

Сара услышала приглушенные шаги по ковру и увидела на фоне окна смутный силуэт. Тишину нарушил звук зажженной спички, и, к великому облегчению Сары, она узнала Брайана, который зажег лампу. Как она могла принять его за Харриса? У его унылых каштановых волос не было огненной яркости ее покойного мужа. Она, должно быть, просто думала о нем в ту минуту — это единственное возможное объяснение. Решительно, она не совсем нормальна в последнее время.

— О! Сара! — воскликнул Брайан. — Простите, я не знал, что вы здесь... Как вы бледны. Можно подумать, видели призрака!

Беззаботная манера, с которой он произнес эти слова, не уняла Сарину дрожь. Но, потрянув головой, она пришла в себя.

— Я собиралась вздремнуть, — ответила она, ругая себя за то, что оправдывается. — Брайан, вы можете сказать мне, что вы здесь делаете?

— Я... я... — запинаясь он, глядя в пол. Он немного задумался и пожал плечами. — Я хотел кое-что поискать.

— Поискать здесь? О, понимаю, — добавила она, оглядывая комнату, полную книг.

— Не совсем это. Думаю, что уже говорил: я считаю, что где-то здесь все еще существует рукопись двоюродного деда.

— Говорили. Но хотелось бы знать, почему вы так думаете.

Брайан посмотрел прямо на нее, а затем открыл ладонь, словно там было что-то написано.

— Никакой конкретной причины. Просто такое ощущение. Как объяснить? Вы знаете, я полагаю, что написанное нашим двоюродным дедом нужно считать шедевром. Шедевром, уникальным в своем роде. Конечно, сам я не прочел ни единого слова, но несколько различных свидетельств подтверждают гениальность автора. Я отказываюсь считать, что все им написанное исчезло. Это невозможно, понимаете? Всё...

Сара не слушала. Она смотрела на руку Брайана. Та была бледной и большой. Даже очень большой. Когда ее деверь закончил, она неопределенно согласилась:

— Понимаю, что вы имеете в виду.

Молчание.

— Таким образом, вы считаете, что рукопись может быть спрятана в этой комнате?

Брайан повернулся, чтобы взглянуть на полки, охватывающие камин.

— Это не так уж невероятно. Вспомните о двери, скрытой за этими полками. Почему там не быть секретному ящику или чему-то подобному? Я долго думал о том, чтобы полностью исследовать эту комнату.

— Ну, если в этом ваша цель, то вперед! И заодно осмотрите соседнюю кладовку. Кэти время от времени охватывает ее тряпкой, но это все. Там все остается, как было, и я не думаю, что кто-нибудь прикасался к чему-нибудь после нашего приезда.

— Хорошая мысль. Я уже однажды искал там, но, возможно, не достаточно тщательно.

Они услышали три осторожных стука, и в дверном проеме появился Мостин:

— Доктор Мидоус здесь, мадам.

* * *

Майк Мидоус удивленно смотрел на Паулу:

— Прошу прощения?

— Шестьсот фунтов, — повторила молодая женщина, тщательно выговаривая каждый слог. — Фрэнсис выиграл их недавно на скачках.

Доктор Мидоус поставил бокал с портвейном на низкий столик, помедлил, а затем вопросительно посмотрел на Фрэнсиса:

— Такое часто случается?

— К сожалению, нет. И, между прочим, я никогда не делал такой крупной ставки.

— Интуиция?

Фрэнсис и Паула обменялись удивленными взглядами. Она объяснила:

— Несколько дней назад Фрэнсис разговаривал с Брайаном, и тот предсказал крупную денежную сумму в будущем.

Фрэнсис покачал головой:

— Он сделал больше. Он почти открыто сказал, что я выиграю на скачках.

Мидоус отпил глоток портвейна и зажег сигарету:

— У этого человека удивительный дар. Но я считал, вы всегда скептически относились к нему...

— Я скептик, но не глухой. Когда он сказал мне, я решил попытаться, и поставил на явного аутсайдера.

Послышались шаги, и Мидоус повернулся:

— О, дорогая Сара. Фрэнсис с Паулой рассказали мне новости. Сверхъестественно, не правда ли?

* * *

Говард Хилтон смотрел на дождь из окна спальни.

— Льет уже сутки, и говорят, в последующие несколько дней без перемен. В саду настоящее болото. Я планировал разбить цветники, но не похоже, что это можно будет сделать до следующей недели... а возможно, и даже тогда. Подожди минутку...

Миссис Хилтон, сидя в кровати, закрыла книгу и спросила:

— Да, Говард, что такое?

— Майк Мидоус только что уехал, а сейчас только без четверти десять.

— Вполне приемлемое время для отъезда.

— Согласен, но обычно он не уезжает до одиннадцати.

Миссис Хилтон хотела было продолжить чтение, но теперь отложила книгу на ночной столик.

— Я устала, дорогой.

Говард Хилтон знал жену достаточно хорошо, чтобы понять, что сейчас она погасит свет.

— Я тоже, — сказал он, зевая, — но думаю, последний глоток не помешает.

Он откашлялся и направился к двери, стараясь не смотреть на жену. В коридоре он заметил Паулу, которая только что поднялась по лестнице. Она махнула ему рукой и исчезла в ванной. Когда он подошел к лестнице, то почти столкнулся с Сарой, которая шагала через ступеньку.

— Добрый вечер, дорогая. Все хорошо?

Сара быстро кивнула с улыбкой и продолжила свой путь.

В салоне Говард Хилтон увидел сына, развалившегося в одном из кресел и нервно курящего сигарету. Говард налил себе виски, сел напротив сына и спросил:

— Ты о чем-то задумался, Фрэнсис. Проблемы?

— Нет, я думал о деньгах, которые выиграл.

— Могу понять. Такое случается не каждый день.

— Да, но я думал не о результате, а о том, как все это произошло. Или, скорее, о Брайане. Я только что говорил об этом с Мидоусом, Сарой и Паулой. Мы обменялись мнениями обо всех его предсказаниях. Все это совершенно удивительно. Я начинаю задаваться вопросом, а не в самом ли деле...

— ...у него есть дар? — ответил Говард Хилтон, рассматривая свой бокал. — Знаешь, Фрэнсис, меня удивляет, что никто еще не обнаружил истинного характера Брайана. Но нам просто необходимо докопаться до сути всех этих тайн. Брайан может быть застенчивым интровертом, но это не означает, что он не способен внимательно изучать человеческую натуру. Люди говорят о шестом чувстве, что просто является удобным способом избегать дискуссий о том, что может существовать ум другой природы. Что бы там ни было, несомненно, верно, что некоторые индивидуумы обладают талантом видеть будущие события, даже если они не могут это объяснить. Они, похоже, могут учесть все мелочи в людях, которых встречают: их отношения, реакции, эмоции, рассуждения, — и, так или иначе, объединяя все это, могут объявить о будущем событии...

— Возможно, — с сомнением ответил Фрэнсис. — Но способность предсказать, что кто-то сможет выиграть... нет, я не могу этого объяснить.

Его отец ответил улыбкой. Он осушил бокал и налил другой.

— Есть и другая вещь. Все профессиональные игроки говорят, что «новичкам» везет. Это может быть ловушкой, чтобы заманивать новичков в игру, но, очевидно, есть довольно много доказательств в пользу этой мысли. Знаю, тебя всегда интересовали лошади, но ты никогда не делал больших ставок, так что в этом смысле ты — новичок.

— Если я правильно понял, — заметил Фрэнсис, — я был обречен на победу с самого начала!

Беседа продолжалась до половины одиннадцатого, а затем мужчины встали. Они поднялись по лестнице (Говард — не очень уверенно) и остановились на площадке, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи.

— Ты не идешь к Пауле?

— Не прямо сейчас. Я должен кое-что сделать в кабинете.

Мистер Хилтон смотрел, как сын идет по коридору, и решил выкурить последнюю сигарету. Он зажег ее и склонился над балюстрадой, наслаждаясь тишиной и покоем, когда внезапно услышал отдаленный скрип двери в кабинете. Прошло несколько секунд, и он начинал спрашивать себя, почему Фрэнсис не закрыл дверь за собой, когда услышал глухой стук.

Он обернулся. Плохо освещенный коридор был пуст.

— Фрэнсис! — с тревогой позвал он.

Единственным ответом было эхо. Без дальнейшей суматохи он направился за сыном, но остановился на повороте в западное крыло поместья.

Дверь в кабинет — желтый прямоугольник в окружающей полутьме, была открыта. На пороге лежала безжизненная масса, которую он сразу узнал.

— Фрэнсис! — закричал он, бросаясь к телу.

В ту же минуту открылась дверь в соседнюю комнату, и появился Брайан.

— Что такое, мистер Хилтон? О, Боже!

Оба склонились над Фрэнсисом, который лежал на боку головой около дверного косяка, а остальное тело в комнате. На виске была рана, из которой текла тонкая струйка крови. Брайан встал на колени, чтобы проверить пульс, а затем поднял голову:

— Похоже, ничего серьезного.

Лицо Говарда выразило облегчение, и мужчины стали всматриваться в комнату, которая тускло освещалась масляной лампой. Было очевидно, что там никого нет.

В коридоре послышались шаги, и появилась Сара, за которой следовала Паула. С побледневшими лицами они выслушали объяснения Говарда Хилтона, которые, однако, не смогли успокоить его дочь, продолжающую дрожать. Только сейчас прибыл Мостин, которого тут же послали за доктором Мидоусом. В это время Фрэнсис начал приходить в себя. Несмотря на протесты Паулы, он встал. Озадаченный, он смотрел на взволнованные и испуганные лица вокруг.

— Фрэнсис, — пробормотала Сара дрожащим голосом, — что произошло?

— Ну... — начал он и нахмурился, пытаясь сконцентрироваться.

Затем он остановился, изумленно огляделся, пока его пристальный взгляд не упал на камин. Повисло напряженное молчание, во время которого все могли видеть, что его лицо все больше бледнело и, наконец, застыло в отвратительной гримасе ужаса. Он в замешательстве покачал головой.

— Не знаю... я открыл дверь и вошел и... больше ничего не помню.

— Фрэнсис, — истерично закричала Сара, — что ты видел?

— Ничего, Сара, ничего, — ответил он неубедительным тоном. — Думаю, просто закружилась голова и всё. — Он потер ушиб на голове. — Должно быть, стукнулся о косяк.

Сара начала было отвечать, но остановилась, поскольку увидела, что Брайан направился к камину. Он остановился перед очагом, опустился на колени и исследовал пол. Затем встал, посмотрел на остальных и объявил бесцветным голосом:

— Ковер мокрый.

14

Доктор Мидоус прибыл в Хаттон-Мэнор в одиннадцать. Он осмотрел Фрэнсиса в его комнате, затем отправился сделать укол невесте, которая, казалось, находилась намного в более тяжелом состоянии, чем жертва. После этого он пошел искать Брайана и Говарда Хилтона, которых обнаружил в кабинете. Он поставил свой чемоданчик на стол и посмотрел на двух мужчин, поглаживая усы.

— Ничто серьезного в случае Фрэнсиса, — сказал он наконец. — Что касается Сары... она была на грани нервного срыва. — Он нахмурился и ударил кулаком в ладонь другой руки. — Черт возьми! Я действительно хотел бы знать, что таится в этой комнате. Вы, надеюсь, не забыли, что

произошло здесь в прошлом году. Почему Харрис Торн выбросился из окна? Почему Сара упала в обморок от испуга? А теперь Фрэнсис!

— И что не менее любопытно, — продолжил Говард Хилтон, — никто ничего не помнит!

— Я в этом не настолько уверен, — ответил Мидоус со странным выражением лица. — Если хотите знать мое мнение, я думаю, они знают, но боятся говорить об этом. По крайней мере, Сара. Я часто спрашивал ее об ужасах, которые она видела, считая, что все дело во временной потере памяти. Но недавно я передумал. Простое упоминание о той ночи заставляет ее бледнеть и менять тему разговора.

С мрачным выражением лица он зажег сигарету, подошел к камину и опустил на колени, чтобы исследовать мокрый ковер.

— Мы уже смотрели, — заметил Брайан. — Кажется, это просто вода.

Доктор встал и кивнул.

— Действительно, похоже. Но что это означает? Несколько капель воды не заставляют людей падать, как мухи.

— Конечно, — вздохнул Говард. — Там, должно быть, был кто-то. Кто-то, стоящий перед камином, с кого капала вода. Значит, кто-то, пришедший снаружи...

В раздумьях Мидоус облокотился на мраморную каминную полку и стал барабанить пальцами по одной из стоящих там оловянных кружек.

— Кто-то, самый вид которого может испугать его жертвы? Это действительно должно быть существо из кошмаров. Стоять перед камином значило, что любой входящий в комнату немедленно его увидит, и это соответствует фактам. Но, насколько я помню, Сара смотрела вниз. В тот день не шел дождь. И в комнате не было никого, жизнью клянусь.

— Мне очень не хочется этого говорить, — заметил Говард, — но сейчас в точности такая же ситуация, не так ли, Брайан?

Брайан кашлянул, очевидно, испытывая неловкость:

— В любом случае окна закрыты.

— Если подумать, лампа горела, а у Фрэнсиса, конечно, не было времени ее зажечь.

— Это я забыл ее погасить, — признался Брайан.

Мидоус откашлялся и объявил:

— Самое время объяснить мне, при каких обстоятельствах вы нашли Фрэнсиса.

Хилтон заговорил первым. Затем настала очередь Брайана, и он изо всех сил старался объяснить причину, почему он заходил в кабинет раньше. Упоминание о гипотетической рукописи (и о Харви Торне) не способствовало очищению атмосферы.

— Опять он, — не смог сдержаться Мидоус. — Но, пожалуйста, продолжайте, Брайан.

— В девять часов Мостин объявил о вашем приходе. Я стал просматривать все книжные полки приблизительно до десяти, но тщетно. Обескураженный, я перешел в соседнюю комнату и продолжил поиски, как предложила Сара. Я оставался там приблизительно час...

Мидоус остановил его жестом.

— Однажды Сара показала мне кое-что.

С этими словами он подошел к книжному шкафу справа от камина и внимательно его исследовал.

— Я, кажется, вспоминаю, что тут есть поворотная панель, ведущая в кладовку.

Брайан кивнул и подошел к нему. Он снял несколько книг и засунул руку в освободившееся пространство. Часть полки повернулась, и все трое вошли в кладовку. Брайан пересек комнату и повернул выключатель около двери, ведущей в коридор. В помещении находилось так много мебели, что стен почти не было видно. Брайан указал на открытый шкаф, половина содержимого которого лежала на полу перед ним — главным образом, книги и старые газеты.

— Я был здесь, когда услышал глухой стук, — объяснил он.

Его замечание, казалось, не заинтересовало доктора, который закрыл поворотную панель. Он попытался вновь открыть ее, но тщетно.

— Это невозможно, — объяснил Брайан. — Вы можете снять запор только со стороны кабинета.

Доктор Мидоус бросил на Брайана задумчивый взгляд и вновь стал изучать панель.

— Что произошло потом? — спросил он.

— Я, конечно, удивился и замер, прислушиваясь. Смутно услышал, что кто-то зовет, а десять секунд спустя призыв повторили намного громче, и я узнал голос мистера Хилтона. Я открыл дверь сюда, а остальное вы знаете.

Молодой доктор молча кивнул, пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор, сопровождаемый остальными.

— Таким образом, у неизвестного визитера, независимо от того, что это или кто это, — было лишь пятнадцать секунд, чтобы убежать.

— Да, — нерешительно ответил Брайан. — Но он, должно быть, сделал это на цыпочках. Кроме криков мистера Хилтона я абсолютно ничего не слышал. А у меня очень острый слух.

— В любом случае, — продолжал Мидоус, указывая на проход к винтовой лестнице, — он мог уйти только туда. Все согласны?

Остальные кивнули и последовали за ним вниз по лестнице к маленькой площадке с плиточным покрытием — абсолютно чистым. Брайан открыл дверь на кухню, включил свет и убедился, что кухня также выглядит безупречно. Он прошел к шкафу в другом конце помещения и достал фонарь, который вручил Мидоусу.

Доктор взял его, отпер дверь на улицу и открыл ее.

Луч лампы охватил область вокруг двери, которую дождь превратил в болото, и трое мужчин отметили, что никаких следов нет.

— Дождь прекратился приблизительно в десять, — объявил Мидоус. — Это означает, что наш беглец, если он вышел отсюда (а мы видели, что другого пути нет) неизбежно оставил бы следы в этой грязи. К тому же, если бы он попытался пройти здесь (даже при том, что я не понимаю, как — возможно отпер дверь с внешней стороны), он неизбежно оставил бы следы. Здесь же все чисто, и нет никакой циновки, о которую он мог бы вытереть свою грязную обувь.

— Поэтому никто живой не мог... — закончил Брайан. — Харрис никогда не должен был распечатывать эту комнату. Никогда...

Гораздо больше, чем влажность и холод, тон его голоса заставил остальных задрожать.

— Я действительно предупреждал его, — продолжал Брайан, — и вы можете видеть, что произошло с тех пор... Комната обладает ужасной силой. Она убила Харви и Харриса, почти свела с ума Сару... а теперь Фрэнсис... Ее нужно вновь запечатать и как можно быстрее.

Повисло продолжительное молчание.

— Если я правильно понимаю, — объявил Майк Мидоус, скептически глядя на Брайана, — вы предсказали и сегодняшний инцидент?

— Правильно.

— Так же, как объявили о смерти своего брата?

— Да.

Ночь была темной, но в тот момент облака разошлись, мрачная луна осветила лицо Брайана, и ее металлический свет отразился в его неподвижных глазах.

— Как... как вы это делаете? — спросил Мидоус, очевидно под впечатлением уверенного спокойствия ясновидца.

— Все происходит так, как ему надлежит. Никто не может изменить ход судьбы.

15

Сара печально глядела в зеркало. Сколько времени она сидит тут, тщательно исследуя это бледное и встревоженное лицо? Так или иначе, больше получаса. И больше получаса маскирует косметикой ужасные мешки под глазами. Пустая трата времени, как оказалось. Результат безжалостно отражался в зеркале: нервная женщина, у которой за спиной много бессонных ночей.

Она не может больше проводить ночи напролет, перебирая ужасные воспоминания. Она чувствует, что чахнет. Если бы только можно было поговорить с Майком... Майк, который так внимателен, так чувствителен и так покорно терпит ее смены настроения.

Он, очевидно, заметил, что с ней что-то не так, так же, как понял, что это не «физическая» болезнь. Он несколько раз расспрашивал ее, осторожно и умело, само собой разумеется. Она не может винить его, потому что он действует в ее интересах, но ее ответом было полное молчание на грани грубости. Но что она могла сказать? Конечно, не правду, а лгать ему она не хотела.

Она глубоко вздохнула и зажгла сигарету, чтобы дать себе иллюзию комфорта. Когда началось это падение в пропасть? Оно началось со смерти Харриса, но от этого она выздоровела. Случай с Фрэнсисом месяц назад? Нет, это было задолго до того.

С усилием она углублялась все дальше в прошлое, и вдруг перед ней вспыхнул ответ. Она задрожала от мысли, которая пронзила ее.

Майк Мидоус! С тех пор, как он стал для нее больше, чем другом и врачом... Да, с того самого момента... Нет... Это невозможно! И все же...

Как будто во сне, она вспомнила изящную фигуру со смеющимися глазами, полными уверенности, которая обволакивала ее...

Раздался стук в дверь, и отражение человека, заполняющего ее мысли, появилось позади нее в зеркале.

Она встала, обернулась и растаяла в его руках. Майк Мидоус отодвинул ее на расстоянии вытянутой руки, чтобы лучше видеть.

— Как ты прекрасна сегодня вечером, дорогая! Это красное платье просто изумительно...

Его теплый и успокаивающий голос всегда оказывал на нее волшебное воздействие. Его очарование никуда не исчезло и затмевало все остальное. Она кокетливо ответила:

— Только сегодня вечером? И что именно изумительно, красное платье или я?

Ответом был восхищенный взгляд. Затем доктор помрачнел.

— Что такое, дорогой? Больше не хочешь жениться на мне?

— Не говори глупостей. Меня беспокоит это приглашение. Я видел Бесси этим днем, и она просто излучала радость.

— Ты ей все еще нравишься. Я устала повторять.

— Дело не в этом. Я догадываюсь, что этот *soirée*¹ таит некий сюрприз. У нее что-то припрятано в рукаве. Я вижу это по ее улыбке.

— Лично я уверена, это попытка зарыть топор войны. Но я буду внимательно смотреть, можешь не сомневаться. Уже восемь, пора идти.

* * *

Сияющая Бесси вновь наполнила бокалы гостей горячим пуншем. Миссис Блант воспользовалась моментом, чтобы уйти, пожелав всем приятного вечера. Она закрыла за собой дверь, но Паула с Фрэнсисом заметили, как она успела заговорщически подмигнуть дочери.

Брайана было не узнать в изящной спортивной куртке и фланелевых брюках с шелковым фуляром вокруг шеи. Когда он помог Бесси обслужить гостей, она сказала, что он должен чаще выходить и держаться подальше от своих пыльных книг. Он откинул голову назад и рассмеялся, а затем ответил, что последует ее совету, если она будет его сопровождать, что заставило ее неловко рассмеяться и покраснеть.

Майк Мидоус почувствовал, как его невеста сжала ему руку. Он проследил за ее пристальным взглядом: она, широко раскрыв глаза, смотрела на Брайана.

— Что-то не так? — спросил он.

— Этот смех. Как он откинул голову. Это напомнило мне о...

Она не закончила предложения. Бесси попросила общего внимания, чтобы произнести тост. Все присутствующие в ожидании подняли бокалы.

¹ Званный вечер (фр.)

— Давайте выпьем, — сказала Бесси с озорной улыбкой, — за мое здоровье и здоровье моего жениха!

Слова ее были встречены удивленной тишиной. Мидоус, очевидно наиболее озадаченный из присутствующих, воскликнул:

— Жених? Но кто он?

— Это сюрприз, — ответила Бесси. — По крайней мере, для некоторых из вас. Хотите его видеть?

Среди собравшихся пробежал ропот. Все с подозрением смотрели друг на друга и, наконец, устали на ошеломленного Брайана, который жестами пытался показать, что он тут ни при чем.

Бесси, явно наслаждаясь ситуацией, повернулась и позвала:

— Можешь войти, дорогой!

Дверь комнаты открылась, и в комнату вошла какая-то фигура.

— Патрик! — воскликнула Паула, которая выглядела так, словно готова была упасть в обморок.

Фрэнсис и его сестра также выглядели удивленными, но по-другому, чем Паула. Сара поставила свой бокал и помчалась обнять вновь прибывшего:

— Ну, мы, конечно, такого не ожидали! — сказала она с сияющими глазами.

Фрэнсис, подошедший, чтобы пожать руку Патрика, сказал, подмигнув:

— Ты старый жулик. Молчал, когда мы встречались в последний раз!

— Мы с Бесси решили сохранять это в тайне, — неубедительно оправдывался Патрик.

Фрэнсис вопросительно посмотрел на Бесси:

— Сколько времени это продолжается?

— Несколько месяцев... но я, кажется, говорила вам об этом.

— Правильно, — признал он. Он повернулся к Пауле, которая все еще не сходила с места. — Дорогая, разве не хочешь поздороваться со своим старым дружкой? Не стой столбом.

— Это... это эмоции, — с трудом пробормотала она, пытаясь оправиться от шока.

В ней бушевали противоречивые чувства. Она видела, как Патрик идет к ней, довольный и улыбающийся, и чуть не ударила его, когда он сказал:

— Паула... как давно мы не виделись? Год? Два? Дай подумать... Да, должно быть два года, с тех пор как ты уехала из Пэдстоу.

Она едва не укусила его, когда он склонился к ней с ложно братским объятием. И комедия продолжалась:

— Дай мне посмотреть на тебя... ты нисколько не изменилась.

После чего Фрэнсис представил Патрика Брайану и Мидоусу (последний насупился, поскольку не оценил восторга, с которым Сара помчалась приветствовать старого знакомого) и объяснил, как они с сестрой познакомились с Патриком.

Полчаса спустя вечер был в полном разгаре в немалой степени благодаря пуншу, который заставил порозоветь щеки у каждого. Белая Камелия взяла себя в руки и демонстрировала счастливое лицо человека, встретившего друга детства. Бесси, крепко держа жениха за руку, часто улыбалась Мидоусу, который натянуто улыбался в ответ. Доктор, явно не разделяющий всеобщего воодушевления, казалось, был озадачен событиями. Патрик, несомненно, оказался в центре внимания, и Сара, которая словно ожила, ловила каждое его слово, вновь переживая добрые старые времена в бухте Пэдстоу, как будто дыхание молодости и веселья выдуло темные мысли из ее головы. Те же самые изменения, казалось, произошли с Брайаном, который нашел в Патрике внимательного слушателя.

Само собой разумеется, Паула задавала себе тысячу вопросов, в частности: был ли визит Синего Тростника в Хаттон полной случайностью. Однако она подыгрывала ему.

— Просто невероятно, Патрик, я едва верю всему этому, — лепетала она, ее ресницы трепетали, лишь частично скрывая озорные искорки в глазах. — Невероятно. Ты планируешь остаться здесь некоторое время?

Патрик откашлялся, собираясь ответить, когда заговорила Бесси:

— Мы с мамой пригласим его у себя на три недели, — объявила она с сияющей улыбкой. — Возможно четыре. Правда, дорогой?

Чувствуя на себе взгляд Белой Камелии, Синий Тростник смущенно кивнул.

Два дня спустя Бесси с женихом получили приглашение на партию в бридж, но появился только Патрик, поскольку Бесси слегла с простудой. Вечер начала октября оказался холодным и влажным, поэтому Патрик быстро переступил порог, когда Мостин открыл дверь.

Игровая комната в доме была обширна и заполнена тяжелой мебелью. Горела только люстра над большим центральным столом, оставляя бильярдный стол в полутьме. Около камина, где потрескивал веселый огонь, стояли три кресла, вероятно для игроков, ждущих своей очереди.

Первая раздача свела вместе Синий Тростник с Белой Камелией, Сару с Майком Мидоусом и Брайана с Фрэнсисом — вполне справедливый результат, учитывая, что Фрэнсис был опытным игроком, а Брайан, несмотря на то, что являлся специалистом по таро, был новичком. Обычно он участвовал, только если не хватало игроков, и то, если его сильно упрасивали, поскольку считал, что у карт более высокое предназначение. Однако, что любопытно, тем вечером он пришел добровольно и горел желанием играть.

Пока первая четверка занимала место за столом, Фрэнсис с Брайаном сели у огня и эксперт дал новичку несколько советов. Должно быть, урок пошел впрок, потому что два часа спустя у них было солидное преимущество перед другими парами. Патрик утверждал, что ему везет в карты. Мидоус согласился:

— Когда у Фрэнсиса выдается счастливая полоса, лучше быть его партнером.

Патрик улыбнулся, но думал о своем. Брайан казался счастливым, но в этом смысле он был единственным. Фрэнсис, выглядя задумчивым, тасовал карты, а Паула сидела спокойно, опустив голову. Мидоус, посмотрев на часы, перешел к камину, чтобы присоединиться к Саре. Он пробормотал ей что-то на ухо, но она сидела в кресле неподвижно, уставившись куда-то вдаль. Патрик с трудом узнавал ее: никогда она не была такой. Измученный вид, пустой взгляд и смертельно бледное лицо — она выглядела словно экспонат из музея мадам Тюссо.

Мидоус, сославшись, что у него был трудный день, ушел, предварительно пожелав удачи Патрику на остальную часть вечера. Сара вышла с ним. Полчаса спустя настала очередь Брайана, а вскоре после этого встал Фрэнсис.

— Мне нужно еще подготовить на завтра кое-какие документы, — сказал он Патрику.

Последний, удивленный и смущенный тем, что должен был остаться один на один с Паулой, замялся:

— Мне тоже пора.

— Ну-ну, — по-отечески сказал Фрэнсис, — я уверен, что у Паулы накопилась куча всего, чтобы тебе рассказать... Ты же еще не ложишься, дорогая?

— Нет, конечно, — ответила она дрогнувшим голосом и, чтобы скрыть румянец, сделала вид, что собирает карты.

После того, как дверь за Фрэнсисом закрылась, в комнате повисла напряженная тишина. Синий Тростник уселся в одно из кресел и начал насвистывать «Кто-то любит меня». Несмотря на мелодию тишина казалась еще более гнетущей. Через пять минут Паула подошла к своему компаньону. Она остановилась перед ним, хмурясь и скрестив руки на груди:

— Дорогой друг, — сказала она с тяжелой иронией, — мне хотелось бы понять значение этого фарса.

Патрик изобразил святую невинность:

— Фарс? Какой фарс?

— Пожалуйста, не пытайся убедить меня, что ты встретил Бесси случайно.

Патрик зажег сигарету и закрыл зажигалку с резким щелчком.

— Насколько я знаю, я имею право дружить с кем хочу. Я встретил Бесси в Лондоне и...

— Я знаю, как ты ее встретил. Она рассказала мне, не говоря, кто это, но по экстравагантности знакомства я должна была догадаться.

— Не понимаю.

Паула улыбнулась и опустилась в другое кресло:

— Сколько женщин возраста от двадцати до тридцати в Англии?

— Ну, раз ты спрашиваешь... возможно, три миллиона. Не знаю.

— А сколько в маленькой деревушке Хаттон?

Патрик пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Примерно.

— Двадцать или тридцать.

— Скажем, тридцать, хотя это явный перебор. Итак, имеем: три миллиона делить на тридцать, другими словами сто тысяч. Это означает, что шанс встретить девушку из Хаттона составляет один к ста тысячам.

— Просто случайность. Такое бывает.

— Возможно, — устало согласилась Паула. — И в любом случае я предпочитаю не знать, почему... давай, оставим это.

Патрик, выпуская идеальные кольца дыма, искоса поглядывал на Паулу. Она резко откинулась в кресле с отсутствующим взглядом, ее каштановые волосы переливались на свету.

— Паула, у меня создалось впечатление, что у тебя не все в порядке.

— Это еще слабо сказано. Но речь не обо мне. Как я понимаю... Бесси рассказала тебе, что произошло с Фрэнсисом месяц назад?

Патрик, который отметил колебание Паулы, кивнул.

— Да, в общих чертах. Забавно, я столкнулся с Фрэнсисом несколькими днями раньше после его великой победы на скачках. Полагаю, ты об этом знаешь? — Паула кивнула. — Он объяснил мне, как решился сделать крупную ставку на лошадь. Рассказал о предсказаниях Брайана, включая «кое-что еще», и даже шутил об этом, когда садился в поезд. Я понятия не имел, что это пророчество также осуществится. Это почти невероятно... кажется, что ковер перед камином был мокрым, — так же, как во всех предыдущих случаях?

— В этом никаких сомнений.

Повисло молчание, и Патрик попросил, чтобы Паула рассказала все подробно, поскольку Бесси многое пропустила.

— Достаточно, чтобы заставить сомневаться в собственном рассудке, — заметил он, бросая сигарету в огонь. — Фрэнсис ничего не помнит, то же самое с Сарой. Это непостижимо. В крайнем случае, можно было бы подумать, что это шутка.

Паула замотала головой.

— Это не их стиль. Не все такие, как ты. И, так или иначе, Фрэнсис попытался свести все на нет, как будто у него просто случилась слабость... но это не все.

Патрик смотрел на нее широко раскрыв глаза.

— О, ничего действительно сверхъестественного, просто куча маленьких странностей.

— Да?

— На самом деле, почти все относятся к Саре. Разве ты не заметил, как она изменилась?

— Конечно. Она кажется комком нервов и такой усталой... Возможно, она все еще думает о своем муже?

— Я бы удивилась. Майк приложил все усилия, чтобы заставить ее забыть о нем. В любом случае это не объясняет ее нервозности. А говоря о нервозности, я имею в виду истеричность. Она выходит из себя по пустякам. Только прошлым вечером она устроила шум из ничего. Это было около половины десятого, и она вошла в кабинет, где кто-то накурил.

— Накурил?

— Да, курил сигару. По ее словам, одну из тех, что курил Харрис. Она попыталась выяснить, кто именно. Опросили всех. Напрасно. И чем больше люди отрицали, тем больше она выходила из себя.

Несколькими днями раньше она напала на меня. Мы гуляли около леса. Внезапно она схватила меня за руку и начала задавать вопросы, указывая на деревья: «Паула, что это там?» Я спросила ее, о чем она говорит. «Тень. Там, позади деревьев, кто-то был...» Я сказала ей, что ничего не видела, и мы продолжили путь. Четверть часа спустя, все повторилось: она видела «кого-то», когда было ясно, что там никого нет. Я так рассердилась на ее стремление убедить

меня в чем-то несуществующем, что вышла из себя. Несколько дней она со мной не разговаривала.

В другой вечер настала очередь Брайана. Перегорел предохранитель, и она оказалась одна в коридоре. Она ужасно закричала, перебудив всех. Когда свет зажегся, мы нашли ее перед дверью спальни с Брайаном, который чуть ли не стучал зубами от ее криков. Она обвиняла его в том, что в темноте он провел рукой по ее волосам, а он энергично отрицал это. Она разглагольствовала об этом в течение получаса. Бедный Брайан, он чуть ли не на коленях молил ее прекратить.

Вот так, — со вздохом закончила она. — Великому детективу есть, что сказать?

— Ничего, и не потому, что не хочу. — Он посмотрел на часы. — О Господи! Уже позже одиннадцати. Бесси будет волноваться.

Паула, несколько удивленная, смотрела, как он встал. Она собиралась сказать что-то и уже открыла было рот, но затем передумала и просто заметила:

— Хорошо, я провожу тебя до двери.

На пороге ночной холод заставил Патрика поднять воротник пальто и натянуть шляпу поглубже. Он улыбнулся Пауле, которая стояла в открытом дверном проеме.

— Скоро увидимся, Белая Камелия, если мне все еще позволено называть тебя так.

Паула не смогла сдержаться и не кивнуть, и стояла, глядя, как он исчезает в ночи, махнув ей на прощание.

Несмотря на мелкий морозящий дождь, Патрик медленно шел вдоль гравийной дорожки, насвистывая «Чай для двоих». На полпути между помещением и входными воротами он обернулся. В силуэте внушительной конструкции, наполовину скрытой в тумане, не было ничего располагающего, но лицо его осветила улыбка. Он украдкой направился назад к западному крылу дома и остановился перед черным ходом. Оглядевшись, он нахмурился, увидев свет между отдернутыми шторами в кабинете.

— В планах этого не было, — проворчал он про себя.

Некоторое время он стоял, задумчиво смотря на дверь, которую он отпер раньше, когда кратко покидал игровую комнату.

Фаталистически пожав плечами, он повернул ручку и открыл дверь. Никакого скрипа. Пока неплохо. Он поднялся по винтовой лестнице как можно тише и остановился в коридоре наверху, прислушиваясь. За исключением узкой полосы света под второй дверью слева от него, все было в полной темноте. Но не долго, поскольку внезапно за углом в конце коридора появился свет, и он услышал шаги по главной лестнице.

«Должно быть, Паула идет к себе в комнату», — подумал он, но на всякий случай прижался к стене.

Несколько секунд спустя послышался стук закрывшейся двери, и все опять погрузилось в темноту. Ненадолго мысли Патрика вернулись к той летней ночи в бухте в Пэдстоу, и губы его растянулись в улыбке. Неохотно выбросив эти мысли из головы, он незаметно подкрался к двери кабинета и приложил глаз к замочной скважине.

Из того, что он увидел, комната выглядела именно так, как он себе ее и представлял, но его внимание привлек Фрэнсис, вышагивающий вперед и назад перед окном. Кто-то заговорил, и он узнал голос Сары.

— Правду, Фрэнсис, я хочу правду.

— Я последние полчаса твержу тебе, что...

— Простое головокружение? Мог бы придумать что-нибудь получше.

Сара говорила тихо, но отчетливо выговаривая каждый слог. Она сердито повторила:

— Скажи мне, что ты видел. Я должна знать. Должна!

— Между прочим, за стеной спит Брайан.

— Я хочу знать, что ты видел. Поскольку ты действительно что-то видел!

Плечи Фрэнсиса резко упали. Он посмотрел на пол перед камином, затем прижал руку ко лбу и закрыл глаза.

— Я... не знаю. Это было больше месяца назад.

Внезапно Сара загородила Патрику обзор. Она встала перед братом, сверкая глазами:

— Я знаю, что ты видел, Фрэнсис. Знаю! Ты это понимаешь?

Брат ответил как-то несвязно:

— Я... я... мне, должно быть, привиделось. Иначе и быть не могло.

Сара отскочила:

— Значит, это действительно был...

Фрэнсис медленно кивнул.

— Боже! — простонала Сара, закрывая лицо руками.

Фрэнсис перешел к камину и смотрел на ковер в ногах, как будто это был его злейший враг, а затем вернулся к сестре:

— Сара, послушай: это *невозможно, невозможно!* Может быть, я просто думал об этом, когда входил. Да, должно быть, так... я не говорю, что видел... вещь, о которой ты думаешь. Я думал о ней, и это было просто одно из тех мимолетных видений, которые бывают у каждого...

— И которое заставило тебя упасть в обморок! Ха, ха, ха! — она истерично захохотала.

Фрэнсис схватил сестру за плечи и яростно потряс:

— Хватит! Если будешь продолжать в том же духе, мы все сойдем с ума! Возьми себя в руки! Именно этот дом и эта комната заставляют нас нести чепуху... А теперь ты пойдешь и ляжешь спать, и я тоже.

Без суеты Патрик отошел к винтовой лестнице. Чуть позже он услышал, что дверь в кабинет открылась и закрылась, и шаги затихли в коридоре. После того, как свет погас, он подождал в темноте добрых пять минут. Стоит ли отложить осмотр кабинета до другого дня? Следующая возможность могла подвернуться не скоро. Было, конечно, и другое решение: проделать осмотр при дневном свете с полного разрешения Сары и Брайана, которые едва ли откажут. Но по нескольким причинам, главной из которых был его неистребимый авантюризм, он отбросил последний вариант.

Но были и другие неотложные вопросы, в частности, какое значение имел этот загадочный разговор между Фрэнсисом и его сестрой. Что это за любопытная «вещь», на которую они намекали? Вещь, которую Сара видела, а Фрэнсису «показалось, что видел». Если бы только они не говорили загадками... Но это же не может быть...

Ему вспомнились слова Фрэнсиса: «Сара, послушай: это *невозможно, невозможно!*» Что невозможно, Бога ради?

Патрик отбросил все мысли об отсрочке и направился в кабинет. Комната выглядела достаточно невинной, но была в ней какая-то атмосфера тревоги, которая, казалось, давила на него. Могло ли случиться так, что, вследствие некоторой причуды природы: ориентации комнаты, подземного источника чего-то там или другого явления — комната оказывала влияние на находящихся в ней, вызывая видения или головокружение? Было ли это тяжелое наследие дедушки Харви, подавляющее, почти физическое присутствие которого все еще чувствовалось... там, где согнувшись за столом, он предавал бумаге мрачные пророчества, которые генерировал его измученный, безумный мозг... послание потомству страница за страницей пожелтевшей бумаги... перо царапает лист... рассеянный свет лампы, освещает нахмуренный от усилий лоб. Какая чепуха! Он не собирается давать разыграться своему воображению!

Он начал с осмотра мебели. Затем привел в действие поворотную панель и бросил беглый взгляд на кладовку. После этого исследовал дымоход, быстро придя к выводу, что никто не мог пройти и этим путем. Встал спиной к двери и посмотрел на пол. Его пристальный взгляд автоматически упал на ковер перед камином. Патрик долго стоял неподвижно, задавая себе вопрос за вопросом. Что видела Сара? А Фрэнсис видел то же самое? Если задуматься, что видели Харви и Харрис Торны, стоящие на том же самом месте, потому что оба были найдены на одинаковом расстоянии, но в противоположных направлениях: первый, корчащийся в конвульсиях на пороге, а второй — с внешней стороны, выбросившийся из окна. «Что-то мокрое» было, вероятно, единственной деталью, которую можно было проверить. Важным было лишь определить, состоял ли этот мокрый элемент из плоти и крови. Мидоус и Бесси были уверены, что обстоятельства падения Сары устраняли возможность человеческого присутствия или вмешательства. То же самое казалось справедливым для ситуации с Фрэнсисом, но с меньшей уверенностью. Итак, «вещь», но не очень большая — или, точнее, не очень высокая, принимая во внимание направление пристального взгляда Сары...

Патрик тяжело вздохнул, поскольку понял, что его метод исключения не привел к результатам. Сколько ни бейся, прогресса нет. А ко всему были еще пророчества Брайана, от которых мозг готов был взорваться.

В последнем усилии он вновь подошел к камину и исследовал ковер. Вновь никаких следов и никаких улик. Фактически, он ничего не узнал из ночной вылазки кроме подслушанной беседы, которая лишь еще больше запутала дело.

Прикрывая позади себя дверь черного хода, он подумал, что завтра незапертую дверь обнаружат. Но это его не волновало: одного из слуг обвинят в небрежности — вот и все.

Когда он вышел на центральную дорожку, все еще моросило. Он прошел половину пути приблизительно до того места, где остановился часом ранее, чтобы вернуться. На сей раз он заметил справа тропу, пересекающую лужайку. Несмотря на туман, он смог разобрать призрачный силуэт часовни, возвышающийся над кольцом деревьев. Это была скромная и изящная конструкция, от которой, однако, веяло тревогой, даже опасностью. Там, в семейном склепе покоились поколения Торнов. Он почувствовал, что по спине пробежала дрожь, и задумчиво постоял, пока на лицо вновь не набежала улыбка. Бросив по сторонам осторожный взгляд, он направился по тропе.

Дверь часовни открылась с громким скрипом. Влажный холод казался сильнее, чем снаружи. Единственным звуком было нежное постукивание дождя. В полной темноте Патрик зажег спичку — слабый светлячок, которой быстро поглотили тени. Он осторожно двинулся вперед и заметил маленький алтарь. Он повернулся влево и зажег новую спичку. Осмотрелся и сменил направление. Когда он так сделал, то споткнулся о выступ в полу, и выругался. Вновь мерцающий свет рассеял безмолвные, ползучие тени древней часовни. Патрик, встал на колени, чтобы исследовать пол, где обнаружил контуры большой плиты. Он обрадовался: это должен быть вход в склеп. Поблизости, он нашел прочный кол, без сомнения предназначенный для той же цели, которую Патрик планировал: вставить его в кольцо, вмурованное в плиту, и сдвинуть ее в сторону. Менее, чем за десять минут, ему это удалось, хотя и не без труда. Он спустился по сужающимся ступеням и наткнулся на тяжелую коричневую дверь. К своему разочарованию, он обнаружил, что она заперта, и пришлось вернуться тем же путем. Двигая плиту на место, он весь вспотел и расстроенный направился к дому Бесси.

Весь следующий день, в пятницу, он провел в тепле вместе с Бесси, которая начала выздоравливать. Совершенно праздный день у огня, бросая вызов дождю, барабанившему в окна.

В субботу погода не изменилась, и Бесси с Патриком не выходили из дома. Около пяти часов появился Брайан и пригласил их на партию в бридж. Бесси, все еще не чувствуя себя здоровой, вежливо отказалась, но сказала жениху, что нет причин, почему он не должен идти. Патрик благородно объявил, что об этом не может быть и речи: он не оставит ее одну вторично. Совершенно разумное решение, но о котором он потом будет жалеть. Фактически, вечер оказался исключительно важным и значимым: вечер, в течение которого Брайан проявил себя особенно зловеще.

17

В эту самую субботу около одиннадцати часов Бесси с Патриком все еще бодрствовали. Дом Блантов сотрясся от порывов ветра, а в камине ревел огонь. Патрик наслаждался виски, пытаясь проявлять интерес к тому, что говорила невеста. После многих словоизлияний она перевела беседу на предмет, который, очевидно, все еще ее беспокоил: доктор Майк Мидоус. В конце концов, Патрик узнал, что за изящной внешностью и располагающей улыбкой скрывался абсолютно другой человек и что за фасадом любезности прятался невыносимо самодовольный, ужасный эгоист, полный добрых советов, которые ему ничего не стоят, человек столь же пустой, как павлин, придирающийся к мелочам и в любом видящий самое плохое.

Патрику показалось, что враждебность к бывшему жениху вызвана обидой, но, не желая спорить, он быстро потерял интерес к предмету.

— ...и не пройдет много времени, как Сара сама это поймет, если уже не поняла.

Патрик кивнул, осторожно зевнул и бросил взгляд на часы, которые показывали половину двенадцатого. Внезапно он прислушался и посмотрел на Бесси.

— Ты ничего не слышала?

— Да. Посмотрю. — Она подошла к окну и раздернула занавески. — Кто-то там есть... но кто?.. Фрэнсис и Паула! — Обменявшись вопросительным взглядом с женихом, она подошла к двери.

Быстро налив еще виски, Патрик сказал себе, что такой поздний и неожиданный визит может означать только дурные вести. И не ошибся...

На бледных лицах двух посетителей были написаны смущение и беспокойство. После того, как Бесси помогла им снять пальто и проводила к теплу домашнего очага, Фрэнсис заговорил:

— Мы опасаемся худшего!

Зажигая сигарету, он упорно смотрел на Патрика, а затем продолжил:

— Это связано с Брайаном.

После этих слов Патрик в свою очередь внимательно посмотрел на Паулу и пробормотал:

— Только не говорите мне, что он сделал новое пророчество.

Паула кивнула, а Фрэнсис продолжал:

— Пророчество о несчастье, а возможно, даже... смерти.

В течение долгих секунд единственным звуком был вой ветра.

Патрик, который не мог оторваться от глаз Паулы, полных страдания, задрожал от мысли, которая пришла ему в голову.

— Против... нее? — нерешительно спросил он, указывая дрожащим пальцем на Паулу.

— Нет, против Сары, — кратко ответил Фрэнсис. — Вот то, что он сказал дословно менее получаса назад: «В будущем вас ждет несчастье, Сара, большое несчастье... Вы в опасности». После этого он провел безвольной рукой по лбу и продолжал монотонным голосом, словно докладчик на заседании: «Несчастье, большое несчастье действительно большое несчастье».

— Патрик, — вмешалась Паула, — ты должен нам помочь. Ты должен что-то сделать!

— Именно поэтому мы пришли сюда, — объявил Фрэнсис, — не просто к другу, но, прежде всего, к детективу.

Патрик задумчиво кусал губу. Он внимательно поглядел на гостей, а затем спросил их, при каких обстоятельствах Брайан сделал свое предсказание.

— Мы начали играть в бридж незадолго до восьми, — сказала Паула. — Я говорю «мы», хотя я не играла, а просто наблюдала, потому что... ладно, это не имеет значения. Брайан играл с Сарой против Фрэнсиса и доктора Мидоуса. В начале все шло гладко, но постепенно атмосфера изменилась. Сара нервничала с самого начала — спешила и ошибалась. Несколько раз она роняла карты, когда пыталась взять их.

— С ней такое часто, — сказал Фрэнсис, пожимая плечами. — В этом ничего необычного.

— Возможно, но сегодня вечером она казалась особенно нервной. Фактически, по моему мнению, именно от Брайана пошел какой-то холод. Вначале он был веселым, намного более болтливым, чем обычно, но по мере игры мы слышали его все меньше и меньше, и он становился все более бледным.

— Это верно, — согласился Фрэнсис. — Он явно был не в себе.

— Не только он, — продолжала Паула, раздражаясь, что муж постоянно ее перебивает. — Также и Мидоус. Но в его случае это больше из-за карт, которые явно не шли ему... Вначале он очень радовался тебе как партнеру, Фрэнсис. Но затем он передумал, потому что, следует признать, ты был не на высоте.

— Какое это имеет значение, — возразил Фрэнсис. — Патрику не интересны подобные мелочи.

— Очень хорошо, — холодно ответила она. — Игра закончилась в половине одиннадцатого или около того, а выражение лица у Брайана стало очень тревожным. Вообще-то, такое не редкость, но сегодня поначалу он выглядел таким счастливым!

— Придерживайся фактов, Паула.

— Мы все вышли в холл. Сара пошла провожать Мидоуса. Брайан начал подниматься по лестнице, медленнее, чем обычно, и остановился на седьмой или восьмой ступеньке. Его поведение привлекло наше внимание. Он так же медленно обернулся и бросил на Сару странный взгляд, пронизывающий и в то же время какой-то отстраненный. Он был очень бледен и неподвижен, как статуя. Его худая фигура подсвечивалась сзади, но глаза странно светились в темноте. По крайней мере, мне так показалось... Затем он торжественно указал дрожащим пальцем в направлении Сары. И именно тогда он... тогда он...

Паула была неспособна продолжать. Но этого и не требовалось. Бесси с Патриком без труда вообразили всю сцену.

— А затем? — спросил Патрик, нарушая молчание. — Как отреагировала Сара?

Вопрос, казалось, расстроил Паулу, которая передала слово мужу. Но Фрэнсис тоже выглядел смущенным.

— Вообще-то, — начал он, — у меня сложилось впечатление, что больше всего испугались мы с Паулой. Сара, конечно, побледнела. Что касается Мидоуса, он подбежал к ней и бросил на Брайана гневный взгляд, нарочито пожимая плечами. Он ничего не сказал, но метал свирепые взгляды. После этого Брайан пошел в свою комнату. Мы с Паулой пошли в салон, а Мидоус с Сарой вышли. Некоторое время спустя мы услышали, как хлопнула дверь, и автомобиль доктора бешено помчался прочь. Сара вернулась и молча пересекла холл, даже не взглянув на нас. Как будто это мы были ответственны за слова Брайана.

— Должна сказать, — добавила Паула, — в последнее время она с нами почти не разговаривает. И вообще ни с кем, если на то пошло.

— Вот так, — сказал Фрэнсис, поворачиваясь к Патрику. — Мы немедленно пришли сюда. Теперь, когда я думаю об этом, — добавил он задумчиво, — возможно, мы слишком поторопились. Просто я начинаю опасаться предсказаний Брайана.

— Опасаться? — эхом отозвалась удивленная Бесси. — Нужно быть сумасшедшим, чтобы их игнорировать. Если он говорит о большой опасности, это потому, что...

Фрэнсис перебил ее:

— Что ты думаешь, Патрик?

Патрик ответил вопросом на вопрос:

— Что именно вы хотите, чтобы я сделал? Стал ее тенью? Следил за ней день и ночь?

— Конечно, нет, — парировал Фрэнсис. — Это не обсуждается. Такое напугает ее еще больше. Она и так на пределе, и такое наблюдение не только не успокоит ее, но может дать противоположный эффект и вызвать прискорбный инцидент.

Патрик, который начал чувствовать себя неловко, взял свой бокал и осушил его одним большим глотком. Ситуация была запутанной и начала утомлять. Фрэнсис продолжал смотреть на него. Фрэнсис, который слепо верил в него из-за их дружбы, которую он предал... с Паулой. Паула, в широко открытых голубых глазах которой он видел страх, раскаяние и другое чувство, пламя которого, казалось, все еще пылало... А рядом с ней Бесси, его невеста. Странное трио, каждый из которого ждал его слова, как будто он мог, взмахнув волшебной палочкой, рассеять угрозы и колдовские чары, наложенные на Хаттон-Мэнор. Как будто он мог снять завесу с этого абсурдного дела, над которым висела тень провидца, чьи пророчества, казалось, всегда сбывались... дела, которое мог распутать только детектив, имеющий дело с невозможным... детектив невозможного... внезапно в голове у него что-то щелкнуло.

— Я действительно не знаю, что вам сказать, — осторожно начал он. — Я расследовал уголовное дело, хотя оно касалось только угроз и клеветы, но стоящая перед нами проблема довольно необычна. И когда вы анализируете ее, то кроме предсказаний Брайана и нескольких инцидентов что там есть? Ничего. Ничего, что оправдало бы расследование, даже частное.

Бесси с Паулой собрались было возразить, но он жестом заставил их замолчать.

— Знаю, что ситуация выглядит серьезной. Что мы должны сделать? Чем больше я об этом думаю, тем меньше приходит на ум.

— К сожалению, вынужден согласиться, — проворчал Фрэнсис, сжимая кулаки. — Если с Сарой действительно должно что-то произойти, тогда она в опасности в любом месте. Но давайте не отвлекаться.

— У меня идея, — внезапно объявил Патрик. — Я знаю кое-кого в Лондоне, кто специализируется на подобных делах.

— Что ты подразумеваешь под «подобными делами»? — спросила Бесси.

— Запутанные дела, которые полиция не может решить самостоятельно, дела, где убийцы, кажется, проходят сквозь стены или по снегу, не оставляя следов. Дела, у которых, кажется, нет никакого рационального объяснения. Но человеку, которого я знаю, всегда удается их раскрыть.

— Он походит на какого-то фокусника, — скептически заметил Фрэнсис.

— В некотором смысле, да. Само собой разумеется, нет никакой возможности привезти его сюда. Но я мог бы поехать завтра в Лондон и зайти к нему, чтобы узнать его мнение.

* * *

Патрик вернулся из Лондона в понедельник вечером в четверть девятого и попросил такси высадить его в центре деревни Хаттон. Не зная точно почему, он испытывал желание немного пройтись, прежде чем вернуться в дом Блантов. Возможно, чтобы подумать, привести мысли в порядок и разложить все по полочкам. Первая часть его плана прошла вполне приемлемо, но теперь у него было неприятное чувство, что он идет по зыбучим пескам. До цели, которую он перед собой поставил, все еще было очень далеко. Слишком далеко. Он должен признать, что не продвинулся ни на дюйм. На мгновение ему захотелось все бросить. На что он надеялся? На то, что его мечты осуществляются просто потому, что он так хочет? С горечью он начал предчувствовать фиаско. Такого никогда не случалось прежде. Он почувствовал ужас неудачи. Но, когда чего-то хочешь, нужно сделать все, чтобы этого добиться!

По непонятным самому причинам он выбрал тропу из деревни, по которой никогда не ходил прежде, но которая, как он знал, шла через лес параллельно главной дороге. В конечном итоге она приведет его к задней части владений Блантов и даст еще несколько минут спокойно подумать. Он зажег сигарету и шел, размышляя о двух днях в Лондоне. Он прибыл во второй половине дня в воскресенье и вечером навестил человека, с которым предварительно договорился о встрече. Его хозяин проявил к нему пристальный интерес, хотя и не смог посоветовать ничего конкретного, разве что проявлять осторожность, потому что все события в совокупности не сулили ничего хорошего. На следующий день Патрик пообедал со своим деловым партнером и послал сообщение Бесси, предупредив о своем прибытии вечером. «Бесси, — повторил он с комком в горле, — Бесси...»

Тропу освещал лишь случайный свет из заднего окна какого-нибудь дома, и продвижение было медленным, но через десять минут он смог различить впереди довольно близко забор вокруг владений Блантов. Увидев, что ворота открыты, он спокойно приблизился и остановился.

Что, черт возьми, там такое?

Повинуясь какому-то импульсу, он спрятался за кустарником и внимательно смотрел. Было нетрудно узнать фигуру, которая только что вступила на тропу к Хаттон-Мэнор. Не было ничего необычного в присутствии этого человека в этом месте в этот час. С другой стороны, то, что он делает...

Патрик, затаив дыхание, в изумлении наблюдал зрелище, разворачивающееся перед ним. Нет, это не галлюцинация. Конечно, одну вещь он не мог видеть очень четко... но форма не оставила сомнений. Он не мог этому поверить, все было бессмысленно...

Его изумление было таким, что он не мог шевельнуться. Он стоял, пригвожденный к месту, что было серьезной ошибкой, как он понял из последующих событий.

— «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался», — фыркнул инспектор Арчибальд Хёрст. — Слушайте, Твист, вы заставляете меня смеяться над вашими принципами!²

— Эти слова принадлежат не мне, а...

— В любом случае вы ими пользуетесь. Не проходит и месяца, чтобы вы их не процитировали.

— Но почему они заставляют вас так смеяться, мой друг? — спросил доктор Твист, наливая две чашки чая.

— Почему? Потому, что это не так. Абсолютно! Вы знаете не хуже меня, что, когда мы занимаемся делом, девять раз из десяти именно «невозможная» гипотеза оказывается правильной. — Румяное лицо инспектора внезапно потемнело. — Но, если подумать, каждый раз, когда вы произносите эту фразу, вы размышляете над какой-то проблемой.

Твист кивнул, а Хёрст выглядел так, словно его ударили в лицо. Он выслушал, как часы пробили пять, и повернулся, чтобы глянуть в окно на легкий туман, который заполнил Лондон. Полицейский сказал себе, что этот вечер вторника, похоже, закончится не так весело, как он рассчитывал.

— Только не говорите мне, что это проблема запертой комнаты, — сказал он, стараясь сохранять спокойствие. — Только не это, Твист! Все кроме этого. В прошлом месяце я почти не спал во время всего расследования. Целую неделю ломал голову над решением, которое оказалось таким простым, что я не спал еще несколько ночей, задаваясь вопросом, почему мы не нашли его раньше. Откровенно говоря, я еще не готов к новому подобному делу.

— Если бы это было все... Дело, о котором я думаю, кажется намного более сложным, чем простая запертая комната. Не вытягивайте лицо, Арчибальд, и послушайте, пока пьете чай. Мне только что пришло в голову, что вы уже знаете об этом. Ведь именно вы рассказали мне о деле Торна год назад!

— Торн... Торн, — повторил полицейский, хмурясь. — А, помню: странное самоубийство, ясновидец и запертая комната.

— Именно. Но недавно произошли новые события. Пока никаких убийств, только новые пророчества, которые исполнились. Вы знаете Патрика Нолана? Молодой детектив, у которого агентство около Пиккадилли?

— Смутно, — проворчал Хёрст. — Давайте к делу.

— Ну, вчера вечером он приходил ко мне.

После чего Алан Твист повторил детали того, что ему рассказал Патрик.

Он не упомянул об идиллии с Белой Камелией по той простой причине, что Патрик в ней не признался.

В молчании, которое последовало, Хёрст с угрюмым выражением на лице зажег сигару.

— Мысли не могут убивать, — проворчал он. — Это невозможно.

— Это странное заявление, мой друг, — поддразнил его Твист. — Во-первых, молодая женщина еще не мертва. А во-вторых, это пророчество — не мысль... а просто объявление о несчастье, серьезном несчастье, я согласен, но все-таки просто несчастье.

— Независимо от того, что там происходит, я придерживаюсь своего первого впечатления: этот Брайан — себе на уме! — Хёрст ударил кулаком по столу, и Твист вздрогнул от звона фарфоровой посуды. — Черт побери, только не говорите мне, что вы относитесь к высокопарным рассказам этого шарлатана серьезно!

Все еще в настроении высмеять всех пророков и предсказателей, Хёрст схватил пустой конверт, лежащий на столе, встал, и начал шагать по комнате, сминая бумагу своей огромной лапищей. Он закончил речь, бросив скомканный шарик в огонь. Но на его лице тут же отразилась

² Любимая фраза Шерлока Холмса. Цитируется по переводу М. Литвиновой в повести «Знак четырех».

тревога, когда он увидел, что его друг Твист с изумлением смотрит, как огонь пожирает несчастный конверт.

— О, Господи, — прошептал он. — Простите меня, Твист, но эти проклятые предсказатели меня доконали. Надеюсь, там ничего серьезного? — с надеждой добавил он.

— Арчибальд, вы — гений!

— Но конверт...

— Не беспокойтесь об этом. Вы заслуживаете медали!

Инспектор привык к загадочным замечаниям своего друга, но это вывело его из себя. Твист просто дразнит его! Он вновь ударил кулаком по столу, на сей раз оканчивая дни одной из чашек, которая вылила содержимое на безупречную скатерть. Катастрофа! Он закрыл глаза от стыда, и не мог поверить ушам, когда услышал:

— Это сверхъестественно, Арчибальд, сверхъестественно!

Он открыл глаза и увидел, как криминолог с восхищенном разглядывает сцену трагедии.

— Сверхъестественно, — повторил Твист. — Невероятно! Дорогой Арчибальд, не думаю, что вы в полной мере понимаете свое открытие.

— Мое... открытие?

— Вы сняли завесу с части этого таинственного дела и не самой простой. Ну-ну, не разыгрывайте святую простоту. Вы прекрасно понимаете, о чем я. Ваш первый жест, возможно, и был просто чистой удачей, признаю, но не второй. Ваш двойной намек...

— Уверяю вас, я не...

— В самом деле? — удивился Твист. — Что ж, это тоже возможно. У вас есть дар указывать мне правильное направление, не сознавая этого. Тогда забудьте все, что я сказал. Фактически, это лишь мелочь. Но, тем не менее, важная. А теперь дайте мне подумать.

Арчибальд Хёрст поместил свое массивное тело в кресло и смотрел, как его друг попыхивает трубкой. Прошло несколько минут, прежде чем выдающийся детектив заговорил:

— Если мы рассмотрим все факты и только факты, то кажется бесспорным, что у Брайана Торна есть дар предвидения. Хотя в это трудно поверить, но факты есть факты. И пока самая важная проблема в том, что он объявил о несчастье своей невестки. Несчастье... У меня неприятное чувство...

Твиста перебил пронзительный звонок телефона. Он встал и снял трубку.

— Алло... Да, он здесь. Передаю ему трубку. — Он повернулся к Хёрсту. — Это вас... Скотланд-Ярд.

Хёрст что-то проворчал, вставая и беря трубку у своего друга.

— Алло, — сказал он. — Друг из Челтнема? Да, соедините его. Ни секунды покоя с этой проклятой профессией, — проворчал он в сторону Твиста, который вышагивал перед камином и, казалось, не слушал. — Алло? Гектор Редферн? Чем обязан удовольствию?

В течение следующих двух минут инспектор не произнес ни слова. Затем:

— Очень хорошо, Гектор. Я решу это со своим начальством так быстро, как только смогу. Вероятно, мы сможем быть там завтра.

Хёрст закончил разговор, и Твист вопросительно уставился на него. Рука инспектора все еще сжимала трубку, а лицо было мрачным. Своенравная прядь вновь упала на нахмуренный лоб.

— Это был суперинтендант из Челтнема, с которым вы встречались в прошлом году: Гектор Редферн. Плохие новости. Наш ясновидец опять оказался прав: Сара Торн мертва.

Доктор Твист уставился в пол и снял пенсне. Блеск его голубых глаз усилился.

— Это произошло вчера вечером, — продолжала Хёрст. — Где и как? Точно так же, как и раньше... Перед дверью кабинета. Есть даже свидетель, который видел ее в тот самый момент, когда она резко упала. Сердечный приступ, согласно предварительной медицинской экспертизе. О да, и ковер перед камином был влажным. Редферн в глубокой яме и счастлив передать дело Скотланд-Ярду.

— Это невероятно, — пробормотал Твист. — Брайан Торн...

— Кстати о нем, — бросил Хёрст, — никто не видел его с прошлой ночи.

На следующий день, в среду, суперинтендант, доктор Твист и Арчибальд Хёрст встретились на месте трагедии. Гектор Редферн, пухлый маленький мужчина с непостижимым взглядом из-за толстых очков в роговой оправе, не разделял любви Алана Твиста к запутанным ситуациям. Было очевидно, что он не горел желанием заняться делом о внезапной смерти при подозрительных обстоятельствах и сильно обрадовался, когда узнал, что Скотланд-Ярд готов взять ответственность на себя.

— Я только что получил отчет судебно-медицинского эксперта, — объявил он. — Он подтверждает то, что я сказал вам вчера: миссис Сара Торн умерла от сердечного приступа. Никаких подозрительных меток за исключением нескольких ушибов при падении. Все указывает на приступ в результате сильных эмоций. У нее было слабое сердце, но не в таком состоянии, что могло остановиться в любой момент без внешних факторов. На ее лице имеются признаки сильного испуга: мимика, остекленевшие глаза... но здесь в отчете выводы более осторожны.

— С учетом показаний горничной, Кэти Рестерик, это самая очевидная гипотеза. Но страх чего? Вот в чем вопрос!

Хёрст указал толстым пальцем на основание камина, но Редферн не дал ему заговорить.

— Мои парни исследовали ковер сразу, как прибыли. Он был влажным... на первой взгляд от воды. Но на всякий случай мы послали несколько нитей на анализ. Результаты еще не пришли.

— Влажный, вы говорите, — задумался доктор Твист. — Это любопытно. В предыдущих случаях он был совершенно мокрым.

— Да, но так мне сказали.

— В какое время прибыли ваши парни?

— В течение часа после инцидента. О, вижу, куда вы клоните. Но те, кто обнаружил тело, скажут вам, что он не был «совершенно мокрым», если пользоваться вашим выражением.

— И какова протяженность этой влажной области?

— Трудно сказать. Пятно больше в длину, чем в ширину, четыре или пять футов, я бы сказал. Помимо этого, сырость не равномерная.

— Скажите мне, Редферн, — спросил Хёрст, как будто осененный внезапным вдохновением, — тут по соседству есть какие-либо озера?

— Озера? Нет, а что?

— Ничего! — прорычал полицейский, явно разочарованный.

Алан Твист поправил пенсне, пряча улыбку. Его друг явно развивал мысль о водном монстре. Он спросил, были ли какие-нибудь новости о беглеце.

— Пока ничего, — ответил суперинтендант, — но это лишь вопрос времени. Никаких сообщений об угонах велосипедов или машин, поэтому он все еще должен находиться где-то в районе, вероятно в лесах, которые мы как раз прочесываем.

— Вы успели с ним поговорить?

— Нет, он уже исчез к тому времени, как мы прибыли. Но его видели за полчаса до этого.

— Значит, — сказал Хёрст, — он исчез вскоре после того, как умерла его невестка?

— Примерно... да.

— Очень хорошо. Давайте побеседуем с основным свидетелем.

Юная Кэти Рестерик явно смущалась. Ее простое личико почти все время выражало муку. Нервно потирая руки, она украдкой поглядывала на знаменитый ковер. Однако мягкий, успокаивающий голос доктора Твиста сумел заставить ее дать относительно четкое описание того, чему она оказалась свидетельницей в вечер понедельника.

— Было приблизительно десять часов, когда я поняла, что забыла свое кольцо. Я всегда снимаю его, когда мою посуду. Я знала, где его оставила, и не сомневалась, что найду его там на следующий день, но все-таки решила спуститься. Моя комната находится на мансарде около винтовой лестницы, которая ведет вниз на кухню и наружу.

— Мы поняли, — кивнул Хёрст, — что вы спустились по той лестнице, чтобы вернуть кольцо.

— Когда я добралась до второго этажа, то услышала шаги в коридоре. — Она покраснела. — Я знаю, в этом ничего необычного, но... хорошо, я пошла посмотреть, не знаю почему.

— Мы поняли, — повторил Хёрст, широко улыбаясь и поздравляя себя с любопытством внутренней прислуги, которое, как он всегда утверждал, является одним из основных источников информации для полиции.

— Я все еще была на лестнице, когда услышала, как скрипнула дверь. Через несколько секунд я заглянула в коридор. И именно тогда я увидела... место было не очень хорошо освещено, но я узнала миссис Торн. Фактически, я думаю, что в кабинете горел свет, поскольку я смогла видеть ее лицо. Она стояла на пороге, держась рукой за дверь, которую только что открыла. Внезапно она побелела, ее рот открылся, словно она собиралась крикнуть... но напрасно. Мне помнится, что она прижала руки к груди и закатила глаза, а затем упала назад. Раздался тяжелый глухой стук. Она не шевелилась. Это было ужасно... я чуть сама в обморок не упала. Я... я подумала обо всех этих вещах, которые произошли в том месте... и побежала в свою комнату. Я оставалась там некоторое время, а затем пошла и рассказала мистеру Мостину. Мы...

— Один момент, — перебил ее Хёрст со всей деликатностью слона в посудной лавке. — Можете сказать нам, куда смотрела миссис Торн?

— В... в пол, — замялась Кэти.

— Где ковер был влажным?

— Да, я думаю так.

Трое мужчин обменялись мрачными взглядами, и Хёрст продолжал:

— По вашим словам, миссис Торн была напугана, чтобы не сказать терроризирована «чем-то» в этой комнате?

Кэти кивнула, дрожа.

— А затем?

— Я вернулась вниз (на сей раз с мистером Мостином), и мы убедились, что миссис Торн мертва. Мы постучали в дверь мистера Брайана, но ответа не было. Я спустилась в салон. Там была миссис Паула, и мы пошли за ее мужем в игровую комнату. Дверь в библиотеку открылась, и мы увидели мистера Брайана... думаю, что он уже все знал до того, как мы сообщили ему трагические новости... но в любом случае это сильно на него подействовало. Мы пошли вверх. Мистер Хилтон опустился на колени рядом с дочерью. После этого не знаю... должно быть, я рассказала ему, что произошло... затем мистер Фрэнсис взял машину, чтобы привезти доктора Мидоуса. Пятнадцать минут спустя они вернулись. Доктор Мидоус сказал нам, что ничего нельзя сделать, но мы это уже поняли. Он выглядел очень расстроенным.

— Он только что потерял невесту, — заметил Хёрст.

— Да, он словно обезумел... Но еще он явно разозлился. Он сказал, что позвонит в полицию... Впоследствии мистер Мостин привлек их внимание к коврам около камина. Они посоветовались, а затем мистер Брайан пошел в свою комнату... и мы его больше не видели.

Кэти Рестерик отпустили, и настала очередь Филипа Мостина. Он подтвердил слова горничной и сказал, что кратко осмотрел кабинет после того, как она пошла вниз, чтобы сообщить другим. Горела лампа, окна закрыты, и ничего в комнате не было. Естественно, он не забыл исследовать ковер и не был удивлен, обнаружив, что тот влажный там, где касается камина.

Свидетельства Фрэнсиса и Паулы дали немного, чтобы пролить свет на обстоятельства смерти Сары. Однако даже в этом случае инспектор Скотланд-Ярда и криминолог смогли получить точное представление о перемещениях каждого человека тем трагическим вечером. После еды около восьми часов миссис Хилтон удалилась в свою комнату с тяжелой мигренью. Брайан также встал из-за стола и пошел в библиотеку (по крайней мере, так он заявил) и, очевидно, оставался там, пока около десяти горничная не спустилась, чтобы объявить о трагических новостях. Фрэнсис прошел в кабинет, а мистер Хилтон, его дочь и Паула перешли в салон. Какова была Сара в тот момент? Немного нервная, конечно, но не больше, чем обычно. Между четвертью девятого и без четверти девять мистер Хилтон вышел прогуляться, как делал каждый вечер, когда позволяла погода. Четверть часа спустя, в девять, Паула принесла мужу чашку чая. Еще одна привычка, когда Фрэнсис работал в кабинете, обычно задерживаясь там до десяти часов. Но тем вечером он выпил чай и почти сразу ушел из кабинета.

Они с Паулой вышли из комнаты приблизительно в пять минут десятого. Они погасили лампу, и, когда уходили, в комнате не было никого. Ковер был уже влажным? Нет. Но они не готовы в этом поклясться. Когда они спустились в салон, Сара сидела там одна. Мистер Хилтон лег спать. Сара, Фрэнсис и Паула поговорили несколько минут, а затем Паула пошла на кухню приготовить немного кофе, а Фрэнсис направился в игровую комнату, оставив Сару вновь одну в салоне между двадцатью минутами десятого и половиной десятого. Затем Фрэнсис вернулся, и в течение последующего получаса все трое были вместе, пили кофе и курили сигареты. В десять часов Сара встала. Она не говорила им, что идет в кабинет, но они подозревали это, потому что она завела привычку ходить туда в это время, если не было никаких гостей. Фрэнсис вернулся в игровую комнату, а Паула оставалась в салоне до прибытия Кэти Рестерик десять минут спустя.

Хёрст составил подробный график их перемещений, затем поблагодарил молодую пару и попросил позвать мистера и миссис Хилтон.

Пришел только Говард:

— Жена плохо себя чувствует. Она была бы очень обязана, если бы вы поговорили с ней в другой день.

— Конечно, — ответил Хёрст, полный сострадания к бедняге, который только что потерял дочь, но пытается при этом не показывать чувств.

— Спасибо, инспектор. Это — большое несчастье для нас... и подумать только, что она собиралась выйти замуж...

— Дата была назначена? — спросил Хёрст, поглядывая на Твиста уголком глаза.

— Нет, она только недавно объявила об этом или, скорее, поговорила об этом с моей женой не далее, чем на прошлой неделе. Они с доктором Мидоусом не назначили дату, но, так или иначе, это должно было произойти перед Рождеством, потому что они решили провести медовый месяц в Венеции, а затем продлить его поездками в Индию, Южную Америку... — Он проглотил комок в горле, но сдержался. — Удача покинула ее.

После некоторого молчания Хёрст спросил:

— Не знаете, планировала ли молодая пара остаться в Хаттон-Мэнор после этого?

Говард Хилтон зажег сигарету, и доктор Твист заметил, что рука его дрожит.

— Я... я так не думаю. Они хотели бы продать поместье, что можно сделать только с согласия Брайана... и не думаю, что она его спрашивала. Сказать по правде, нам с женой такая идея не нравилась. Это очень приятное место и очень тихое... но сейчас это неважно.

Хёрст кивнул, а затем наклонился поближе к собеседнику:

— Кажется, нервы вашей дочери в последнее время были на пределе. Вы знаете какую-нибудь конкретную причину?

Хилтон пристально поглядел в окно, не торопясь отвечать:

— Сара всегда была очень легковозбудимым ребенком. Ее очень расстроила смерть мужа, намного больше, чем она демонстрировала. В начале года был период спокойствия, так сказать... а затем она влюбилась в Мидоуса. Счастливая идиллия на поверхности, но едва ли благоприятная для ее нервов. Не хочу обвинять Майка, но это факт: после того, как они начали встречаться, все пошло ускоренным темпом, насколько это касалось ее здоровья. Но отвечая на ваш вопрос: в течение последней пары недель она была на пределе. Выходила из себя по пустякам, пугалась, стоило кому-нибудь пристально посмотреть на нее... но почему, не могу сказать.

— Последний вопрос, мистер Хилтон. Есть ли у вас хоть какое-то представление, где найти Брайана Торна?

— Никакого.

— А что вы думаете о его исчезновении?

— Странно, хотя смерть Сары действительно глубоко его тронула. Он ведь, так или иначе, предсказал ее.

— Мы знаем.

— Ну, если хотите знать мое мнение, думаю, что он почувствовал себя ответственным в некотором смысле, и это заставило его потерять голову... словно он понял свою силу и опасность, которую она представляет.

— Вы говорите «силу» и, таким образом, верите в его дар ясновидца?

— Не думаю, что в этом могут быть сомнения.

Для инспектора Скотланд-Ярда доктор Алан Твист во многом оставался загадкой. Возможно, самой большой его тайной была способность поглощать гигантское количество еды при такой худобе: он съедал вдвое больше Хёрста — далеко не самого плохого едока в отделе. Куда все это девалось?

Он не был единственным, кто задавался этим вопросом. Гектор Редферн удивленно смотрел, как криминолог заказывает пятую баранью котлету. Было семь часов, и трое мужчин обедали в «Черной лошади», где остановились Хёрст с Твистом. Часом ранее они разговаривали с доктором Мидоусом, дом которого стоял на краю деревни.

Они узнали от молодого доктора очень немного, но за маской обычной сдержанности обнаружили едва скрываемую ярость. Большая добыча, которую представляла собой Сара, теперь была в прошлом, и он не скрывал, что считает исчезновение Брайана подозрительным. Кроме того, он полностью изменил свое мнение об этом человеке: ясновидец громадной силы был лишь предвестником трагедии, и врач не сомневался, что пророчество о Саре, приведшее ее в состояние истеричного страха, было непосредственной причиной трагедии. Есть ли у него предположения, где можно найти Брайана? Нет, и лучше ему, Мидоусу, этого не знать. Прежде, чем идти в гостиницу, наши трое мужчин зашли в дом Блантов, и Бесси пригласила их прийти на кофе вечером после восьми.

— Дорогие друзья, — торжественно сказал Хёрст, закуривая сигару. — Не знаю, понимаете вы это или нет, но нет ничего, абсолютно ничего, чтобы оправдать использование термина «убийство». Нервная женщина в сложный период жизни и со слабым сердцем умирает от сердечного приступа. За исключением нескольких капель воды, найденных на ковре (и разве их можно считать настоящей уликой?) нет ничего, абсолютно ничего, что поддерживает версию убийства. И я знаю вас достаточно хорошо, Гектор, чтобы не сомневаться: эта проклятая комната была прочесана частым гребнем. — Редферн кивнул. — Все, что остается, это пророчества Брайана.

— Вы меня удивляете, дорогой Арчибальд, — ответил Твист, поднимая голову от тарелки. — Вы говорите так, словно больше ничего не произошло.

— Я ничего не забыл! — загремел инспектор, убирая непослушную прядь с розового лба. — Я просто пытаюсь изложить проблему спокойно и без отвлекающих моментов!

Гвалт в баре на мгновение прекратился, и местные посетители уставились на незнакомца, который посмел кричать громче, чем они, затем все вернулось на круги своя.

— Вы правы, — сказал Редферн, отодвигая тарелку. — И я начинаю задаваться вопросом, не преувеличил ли я проблему и был ли я прав, приглашая вас.

— Есть серьезные основания в этом сомневаться, — пробурчал Хёрст. — Ярд не привык иметь дело с ясновидением, предсказаниями и прочим в этом роде. И, чтобы быть честным с вами, Гектор, я сомневаюсь, что мне разрешат продолжить расследование намного дольше. Однако у меня все еще есть несколько вопросов.

— Давайте будем благодарны и за это, — вздохнул Твист. — Я был бы разочарован, если...

— Дорогой друг, — сказал инспектор сквозь стиснутые зубы, — я собираюсь выбить землю у вас из-под ног, изложив это дело, поскольку вам этого до смерти хочется. Только я собираюсь сделать это беспристрастно, не утрируя определенные аспекты с единственной целью дезориентировать аудиторию и заставить ее сомневаться в собственном здравомыслии, как вы обычно любите делать.

— Мы внимательно слушаем, — ответил криминолог, и глаза его за стеклами пенсне озорно блеснули.

— Значит, так. В прошлом столетии некий Харви Торн умер при странных обстоятельствах. Нужно сказать, что он был человеком не совсем в здравом уме, который проводил время, заточив себя в комнате и сочиняя ужасные истории, вероятно, с предвидениями, потому что в одной из них он точно предсказал смерть собственного отца. Его нашли умирающим у дверного порога во

власти ужасающих конвульсий. Прежде, чем умереть, он сделал несколько страшных предсказаний типа «все погибнут в огне» или чего-то в этом роде. Одна специфическая деталь — ковер был мокрым в том месте, где подходил к камину. И достаточно любопытно, что некоторые члены семьи действительно погибли в огне, после чего его комнату запечатали.

Все, кажется, свидетельствует, что его внучатый племянник унаследовал его дар и что он также способен делать пророчества, которые сбываются. Давайте просто перечислим те, для которых у нас имеются подтверждения. В начале прошлого года он предсказывает мисс Бесси Блант и доктору Майку Мидоусу, что они вскоре влюбятся друг в друга, и это происходит буквально на следующий день. Тем же летом его брат Харрис, который только что переехал в Хаттон-Мэнор с родственниками со стороны жены, решает вновь открыть запечатанную комнату и использовать ее как кабинет. Брайан делает новое пророчество, намного более зловещее, чем первое. Стоит отметить, что распечатывание проклятой комнаты само по себе, похоже, создает нервную атмосферу, в особенности между новобрачными Торнами. И, конечно же, несколько дней спустя Харрис Торн погибает вследствие падения из окна. За полчаса до этого Сара Торн падает в обморок, открыв дверь в проклятую комнату, очевидно испуганная тем, что видит, когда взглянула на тот участок ковра, который соседствует с камином и который вновь оказывается мокрым. Мы можем быть почти уверены, что в тот момент в комнате никого не было. Когда ее спросили, что она видела, Сара объявляет, что ничего не может вспомнить.

Через год, то есть в этом году, наш ясновидец, предсказав любовь и смерть, обращает свой талант на деньги. Повезло брату Сары, который, следуя его совету, делает крупную ставку на лошадь и выигрывает. Это происходит в начале сентября. Но наш пророк предсказал еще и некий инцидент, возможно падение, и так же верно, как ночь сменяет день, брат Сары действительно падает в обморок, причем как раз у известного кабинета точно так же, как его сестра годом раньше. Ковер вновь мокрый в том же самом месте, и, само собой разумеется, парень ничего не помнит. И, очевидно, в комнате никого не было. Сара, которая тем временем оказалась помолвленной с доктором Мидоусом, получает новое предупреждение от Брайана: «несчастье, действительно большое несчастье». И то, что неизбежно должно случиться, происходит: она падает в обморок в дверном проеме, *в том же самом месте, с тем же самым испуганным взглядом в направлении ковра, как в предыдущем году.* И на сей раз умирает. От сердечного приступа. Ковер, само собой разумеется, влажный. Стоит отметить, однако, что между временем, когда горничная видит ее падение, и временем, когда она возвращается с Мостином, проходит добрых пять минут. Поэтому, если бы в комнате кто-то был, у него хватило бы времени убежать. Это — просто на заметку, поскольку трудно предположить, что простой вид кого-то мог убить человека на месте.

Проблему нельзя сформулировать яснее: с одной стороны, жертвы, которым становится плохо всегда на одном и том же месте, и следы воды около камина; с другой стороны, ясновидец, который предсказывает будущее и, в частности, эти несчастья.

Инспектор Хёрст удовлетворенно кивнул, довольный своим резюме. Его радость абсолютно контрастировала с выражением лица суперинтенданта, который мрачно вытирал пот со лба.

— Замечательно! — воскликнул доктор Твист. — Просто замечательно! Какая краткость, какая беспристрастность! Вы отнеслись ко всем фактам с редкой объективностью, Арчибальд. — Хёрст, сияющий от удовольствия, небрежно отмахнулся. — Но даже в этом случае, друг мой, — ласково продолжал криминолог, — не могу сдержать удивления: разве то, что вы перечислили, не заставило бы лучших следователей потерять голову?

Выражение лица инспектора изменилось, когда он начал понимать, насколько невероятным должен был звучать его отчет, напоминая скорее жуткую фантастическую сказку, чем дело, с которым обычно приходилось сталкиваться. Он мрачно посмотрел на друга, которого подозревал в специальном подчеркивании противоречий в рассказе, но не увидел ничего подозрительного за стеклами пенсне. Хёрст глубоко вздохнул:

— В какой-то степени я рад, что наш ясновидец пропал. Кто знает, о какой новой катастрофе он мог бы объявить? У нас уже и так всего полно.

(К счастью для себя, Арчибальд Хёрст не обладал даром предвидения, поскольку все, что произошло до этого, бледнеет по сравнению с тем, что должно было произойти дальше.) Он повернулся к суперинтенданту:

— Мы говорили о многом, Редферн, но вы еще не сообщили нам главного.

Его коллега выглядел ошеломленным.

— Да-да, — продолжал Хёрст с хитрой улыбкой. — Кто наследник? Полагаю, вы это уже выяснили?

Редферн откашлялся:

— Э-э, да. Вчера вечером я виделся с Питером Хиггинсом, поверенным Торнов. И должен признать, что сказанное им довольно любопытно, но не слишком нас продвигает... Позвольте объяснить. Первая странность состоит в том, что Сара приходила к нему несколько дней назад, чтобы составить завещание... словно у нее было предчувствие. Хиггинсу, удивленному неожиданным визитом, показалось, что она выглядит измученной и нервной. Он еще больше удивился, когда она попросила, чтобы он сохранил ее визит в тайне, на что он ответил, что профессиональный этикет не позволил бы ему поступить иначе. Согласно пунктам завещания, половина ее состояния отходит ее ближайшим родственникам — в данном случае, ее родителям и брату, а вторая половина — ее деверю, Брайану Торну.

— И ничего жениху? — удивился Хёрст.

— Ничего. Само собой разумеется, это заинтриговало Хиггинса, который знал о ее планах сочетаться браком с молодым доктором. После хождений вокруг да около ему удалось выяснить у нее причину ее великодушия к Брайану. Звучит это примерно так: «Вполне естественно, чтобы в случае, если со мной чего-нибудь произойдет, значительная часть состояния моего покойного мужа отошла его семье. Брайан — единственный живой потомок Торнов. При этом он сможет сохранить и поддерживать поместье». Она настояла на этом, и завещание было подготовлено и подписано.

— Занятно, — проворчал Хёрст, почесывая подбородок. — Другими словами, все, замешенные в деле, что-то получают, кроме жениха.

— Как я уже говорил, это не сильно нас продвигает, — резонно заметил Редферн, — особенно поскольку мы не уверены, что кто-нибудь из них знал о завещании.

— Вы думаете о Брайане, как я понимаю? — задумчиво спросил Хёрст.

Редферн кивнул.

— Да. Давайте просто предположим, что «кто-то» был подстрекателем «чего-то». Единственное, в чем мы можем быть уверены, Майк Мидоус явно проиграл и поэтому не мог иметь никакого отношения к этому «чему-то».

Хёрст задумался, неистово барабанил пальцами по столу, и уставился на Твиста, который вновь взял в руки меню.

— Твист! — взорвался инспектор.

— М-м-м-м?..

— Мы кое-что забыли. Есть некто, кто должен догадываться, почему Сара пребывала в таком состоянии.

В ту же минуту у стола появился полицейский в форме.

— Что такое, Джонсон? — спросил Редферн.

— Ничего существенного, сэр, — ответил тот. — Но я подумал, вы должны знать, что мы пока не нашли следов беглеца. По моему мнению, он скрывается где-нибудь в деревне, даже при том, что он, кажется, не слишком близко знаком с деревенскими, чтобы просить убежища. Мы расспросили всех, но без успеха. Проводить обыск?

Редферн скривил губы и ответил:

— Да, но пока осторожно. Уведомьте меня, если кто-то станет отказываться. Есть что-нибудь еще?

— Да, сэр. Фактически, именно поэтому я взял на себя смелость прийти сюда. Только что звонили о результатах экспертизы ковра. На образцах ничего нет. Таким образом, это, конечно, была вода и ничего иного.

Полицейский отдал честь и вышел, сопровождаемый взглядами троих мужчин.

— Что вы говорили, старина? — мягко спросил Твист.

— Помните разговор, который подслушал ваш друг Нолан? Таинственный разговор между миссис Сарой Торн и ее братом?

— Понимаю, о чем вы.

— Черт побери! Фрэнсис Хилтон что-то знает. У него должна быть, по крайней мере, какая-то догадка о том, что так испугало его сестру. Он сам признался, что видел «что-то».

Доктор Твист покачал головой:

— Он говорил о мимолетном видении, расплывчатом изображении, воспоминании, о чем-то, что «невозможно» и больше походит на плод воображения.

— Если я вас правильно понимаю, он говорил так, только чтобы успокоить Сару? Возможно. Но я все еще верю, что он, так или иначе, знает, что мучило его сестру.

— Согласен. И уверяю вас, что я про это не забыл. А теперь, пожалуйста, позвольте мне спокойно заказать десерт!

21

Довольно скоро Редферн уехал, а еще позже Хёрст с доктором Твистом слушали дедушку Бесси Блант, делящегося с ними мнением об одном из редких уголовных дел, которые Скотланд-Ярд не смог раскрыть. Это был крепкий, несмотря на возраст, мужчина, не лезущий за словом в карман. Тут же были Фрэнсис с Паулой и Патрик: они внимательно слушали монолог старика, в то время как Бесси смотрела в потолок, периодически тяжело вздыхая.

Дед рассказывал, что собственными глазами видел Джека Потрошителя, был свидетелем резни на Митр-Сквер, и что полиция игнорировала его описание убийцы, потому что ему тогда было лишь пятнадцать лет.

— Дедушка, — взмолилась Бесси, — мы уже слышали эту историю сто раз, и гостям скучно.

— Гостям скучно? Но это самая великая из тайн! — Он устало посмотрел на детективов. — Джентльмены, моя внучка и ее мать смотрят на меня, как на старого дурня, который съехал с катушек и сочиняет сказки. Только вчера я сказал им, что кто-то переставил тачку в саду.

— Только не начинай снова о тачке! — раздраженно попросила Бесси.

— Ну, должно быть, к ней прикасался кто-то неизвестный, потому что вы с матерью отрицали, что трогали ее. Накануне вечером я оставил ее под виноградной лозой, а на следующий день нашел около изгороди.

— Дедушка, сейчас не время...

— Понимаю, понимаю. Иду спать.

После того, как он и миссис Блант ушли, беседа приняла другой оборот и вновь обратилась к покойной. Обсуждение вел Хёрст, и четверть часа спустя он обратился к Фрэнсису:

— Мистер Хилтон, есть все основания полагать, что вы догадываетесь, что именно мучило вашу сестру в последние дни. Да, и у стен есть уши...

Патрик чуть не выронил сигарету, которую курил, но Фрэнсис был слишком расстроен, чтобы это заметить. Как кошка, играющая с мышью, Хёрст дал несколько намеков об известном разговоре, подслушанном Патриком неделей раньше, и закончил мастерски: «Пожалуйста, не спрашивайте, как мы узнали. Итак, мы слушаем, мистер Хилтон».

Выстрел явно попал в цель. Фрэнсис побелел как мел. В комнате повисла тяжелая тишина. Фрэнсис встал со стула и начал шагать взад и вперед перед камином, держа руки за спиной. Отблески огня освещали его напряженные черты, и своей аккуратной бородкой он напоминал Мефистофеля из «Фауста».

— Вы мне не поверите, — сказал он наконец, не стараясь скрыть раздражение.

— Просто скажите нам и все, — промурлыкал Хёрст. — Скажите, что вы видели в кабинете.

Фрэнсис повернулся и почти бросил в лицо инспектору:

— Но я ничего не видел! Это все Сара со своими историями...

— Успокойтесь, мистер Хилтон, успокойтесь. О каких историях вы говорите?

Фрэнсис пожал плечами.

— Это настолько абсурдно... но, раз вы настаиваете. В последние дни Сара начала сходить с ума. Она думала, что видела... своего мужа.

— Своего мужа! Харриса Торна? — опешил инспектор.

— Да. Очевидно, у нее были галлюцинации.

— Так вот что это было! — воскликнула Паула. — Однажды вечером, помню, мы шли около леса, и она сказала мне два раза, что видит кого-то... когда никого там не было.

Фрэнсис бросил на нее красноречивый взгляд и продолжил:

— Это стало почти навязчивой идеей. Она хотела убедить меня, что я тоже видел его в кабинете, когда упал в обморок. — Он посмотрел Хёрсту прямо в глаза. — Я вновь повторяю вам, инспектор, и я совершенно в этом убежден: я просто почувствовал слабость, а в комнате не было ничего, абсолютно ничего!

— А вода на ковре. Как вы ее объясняете?

— Понятия не имею. Я рассказал, что знаю. Но действительно в этой комнате какая-то странная атмосфера, и я не единственный, кто это заметил. С одной стороны, спокойствие, умиротворение, но одновременно тревога.

— Как на кладбище, — заметил Хёрст.

Фрэнсис вздрогнул.

— Да, похоже на то. Но я считаю, что это просто наше воображение и наши мысли возвращаются в прошлое столетие, когда Харви Торн писал свои романы в той самой комнате... Да, о чем я? Ага! Сара приставала ко мне, чтобы я согласился с тем, чего на самом деле не было. Это походило на крик о помощи; она пыталась убедить себя, что это не ее галлюцинации. Она настаивала, настаивала... и в какой-то момент я решился. Вспоминая моего зятя в этой комнате с ее специфической атмосферой и слушая Сару, кричащую мне в ухо, я словно увидел перед собой его тень. Мимолетная картина, мысль, ставшая явью, — вот и все. Но повторяю, она хотела вытянуть из меня слова, которые я не хотел произносить. Она была в таком состоянии...

— Короче говоря, — перебил доктор Твист, — вы просто хотели ее успокоить.

Фрэнсис кивнул. Хёрст чертыхнулся, потому что это объяснение, как ни убедительно оно звучало, не помогало расследованию. Он загасил одну сигару и тут же закурил другую:

— Мы ходим кругами. Теперь, когда я задумался об этом, что же она видела в первый раз, когда упала в обморок?

Фрэнсис погладил подбородок.

— Она притворилась, что не может вспомнить. Что вполне возможно. На самом деле, я просто не знаю.

— Что бесспорно в любом случае, — заметил Арчибальд Хёрст, — это не Харрис Торн. По двум причинам: во-первых, свидетельства доказывают, что в комнате никого не было, а во-вторых, Торн был уже мертв, как утверждает судебно-медицинский эксперт. В любом случае трудно считать, что одного вида мужа достаточно, чтобы заставить ее потерять сознание. Так что же она видела, если действительно видела что-нибудь вообще? — Он остановился и высокопарно добавил: «Видеть иль не видеть — вот в чем вопрос!»

На самодовольную улыбку Хёрста никто не ответил. Но доктор Твист, казалось, глубоко задумался и еле слышно повторял последние слова инспектора. Внезапно его лицо озарилось:

— «Видеть иль не видеть — вот в чем вопрос!» Да, — продолжал он, удивив аудиторию. — Поскольку предполагается, что Сара видела своего умершего мужа, вопрос формулируется так: «он или нет»? Чего она боялась? Кого она боялась? Теперь мы знаем ответ: *его*. Сегодня мы слушали доктора Мидоуса. Он также заметил страх своей невесты... *но она никогда не говорила ему, чего боится*. А это означает, что речь, должно быть, идет о Харрисе Торне.

— Я не успеваю за вами, — проворчал Хёрст, сердито глядя на криминолога.

— Пока он был жив, Харрис Торн был очень ревнивым, особенно по отношению к Майку Мидоусу. Затем он умирает. И спустя не очень большой срок его вдова обручается с этим самым Майком Мидоусом. Не понимаете? Очевидно, что если бы она действительно увидела своего покойного мужа, то тот едва ли был бы в настроении поздравить ее. Напротив, он закатил бы ей ужасные сцены ревности! И даже угрожал! Конечно, она чувствовала себя виноватой... и не доверилась бы своему жениху.

У всех глаза расширились от удивления, а Фрэнсис Торн рассмеялся. Но он немедленно взял себя в руки.

— Ваше рассуждение безупречно. Но что вы предлагаете, доктор Твист? Харрис Торн мертв и... А! Начинаю понимать: именно это вообразила моя сестра!

Детектив кивнул.

Внезапно Паула напряглась и схватила мужа за руку:

— Я только что подумала... Помнишь, когда Харрис заявлял, что хочет вновь открыть запечатанную комнату, а Брайан просил его отказаться от этого намерения или с ним произойдет несчастье?

— Как такое забудешь, — ответил Фрэнсис.

— Я говорю не об этом. Я говорю об ответе Харриса: «И даже если я действительно умру, это не обязательно будет означать, что я мертв».

Настала очередь смеяться Хёрсту. Короткий, искренний смех, но совершенно лишенный радости. Непослушная прядь вновь сползла на лоб. Почти не скрывая раздражения, он заявил:

— Смерти и исчезновения, необъяснимое появление воды, пророки... а теперь призраки. Наш паноптикум заполняется. Есть ли что-нибудь еще? Нет? Хорошо. У моего терпения действительно есть пределы, и я начинаю думать, что все, услышанное нами до сих пор, является лишь ложью, коллективной истерией, парадом свидетельств одно абсурднее другого и... — Его разъяренный взгляд остановился на Пауле. — Вы все еще настаиваете, что сказанное вами правда?

Фрэнсис откашлялся.

— То, что сказала моя жена, правда, но думаю, я должен объяснить, что имел в виду Харрис. Брайан часто намекал на призрака дедушки Харви, преследующего, по его словам, это место после смерти. Между прочим, Торны имеют шотландские корни. Я не знаю, шутил ли Брайан или говорил серьезно. Возможно и то, и другое. Но ответ Харриса был явно шуткой, намеком на того призрака, утверждающего, что Торны бессмертны. Харрис любил розыгрыши, ему нравилось делать шокирующие заявления с совершенно серьезным видом, поэтому к его словам всегда следует относиться с сомнением. Я прекрасно помню тон, с которым он произнес эти слова... Он дразнил Брайана, это было очевидно!

— Так-то лучше, — ответил Хёрст, успокаиваясь. — Вот видите, при небольшом количестве доброй воли мы можем добраться до правильного ответа.

В одиннадцать часов доктор Твист с инспектором ушли. Главная улица деревни была пустынна, и освещенные окна можно было пересчитать на пальцах одной руки.

— Если наш ясновидец спит под звездами, — заметил Хёрст, к которому вернулось хорошее настроение, — ему не на что жаловаться. Согласен, уже не так тепло, но для октябрьской ночи вполне приемлемо. По крайней мере, небо сейчас на его стороне. Должен сказать, Твист, что ваше рассуждение о Саре Торн, боящейся мужа, совсем не плохо. Очень даже. Особенно потому, что прекрасно соответствует ее визиту к поверенному. Я хотел сказать вам об этом раньше, но предпочел промолчать из-за завещания. Тот факт, что она оставила половину состояния Брайану и ничего жениху... Понимаете, что я имею в виду? Она действовала, как будто находилась во власти ужаса, словно муж все еще наблюдал за ней.

— Это и легло в основу моего рассуждения.

— Бедная девушка, должно быть, немного свихнулась. Меня это не удивляет в этом мрачном поместье и с деверем, считающим себя мессией. Да, это единственное объяснение...

— Скажите, старина, вы не заметили сегодня вечером некоторых странных вещей? В поведении присутствующих?

— Ну, вообще-то да... как вел себя Фрэнсис Хилтон. Казалось, он очень расстроился, когда я сказал ему, что кто-то подслушал его разговор с сестрой.

— Я как раз думаю, что он был единственным, кто вел себя более или менее обычно. Смотрите, Арчибальд, я знаю, вы считаете меня убежденным холостяком, живущим жизнью монаха (что не совсем верно), но я не вчера родился. Сегодня вечером присутствовали две пары. Одна поженилась меньше года назад, другая — только что помолвлена. И я утверждаю, что три четверти из них не вели себя так, как должны были!

— Твист, — воскликнул Хёрст, пытаясь оставаться спокойным, — о чем вы говорите?

— Хорошо, давайте начнем с молодой миссис Хилтон, Паулы. Ее поведение с мужем было «нормальным», если можно так выразиться, но ее скрытые взгляды на Патрика Нолана всякий

раз, когда он оказывался слишком близко к своей невесте, — это ненормально. Ничего особенного, только вспышка в ее голубых глазах, но она казалась расстроенной. И вы могли видеть тот же самый взгляд Нолана, когда Паула оказывалась рядом с мужем, но намного заметнее. И у меня перед вами преимущество, потому что я знаю этого молодого человека. Когда он пришел ко мне в воскресенье, чтобы рассказать о деле, я заметил, что он говорил о Пауле с некоторым умалчиванием, словно ему было что скрывать.

— То есть, грубо говоря, вы думаете, что между ними что-то есть?

— Ну, клясться не стану. Но это не самое плохое. Когда Нолан приезжал в воскресенье, он был увлечен делом, как любой обладающий чувством собственного достоинства детектив (каковым он, между прочим, является): глаза горят от волнения и желания добиться результата. А вы видели его сегодня вечером? Он сидел в своем кресле, едва выдавливая из себя слово, словно спящая кошка. Как вы объясняете такое полное изменение отношения к делу, которое становится сложнее и сложнее? Должно быть, между воскресеньем и сегодняшним днем он что-то узнал. Не спрашивайте меня, что, я не знаю. Что-то, о чем не хочет говорить. Это беспокоит меня, Хёрст, и гораздо сильнее, чем вы могли бы подумать.

А теперь давайте поговорим о мисс Блант, которую я, между прочим, нахожу очаровательной. Увы! У меня такое чувство, что она также что-то скрывает. Вы заметили, как быстро она избавилась от матери и дедушки? И та история о тачке, которую передвинули с места на место, меня тоже не убедила. Это настолько бессмысленно, что должно иметь объяснение...

— Твист, я начинаю беспокоиться именно о вас.

Выдающийся детектив проигнорировал эти слова. Идя большими шагами по сонной улице, он продолжал:

— Да, наша очаровательная хозяйка что-то скрывает. Вы заметили, как она подпрыгивала от малейшего шума и все время посматривала на дверь?

— Она тоже боится?

— Нет, это не то. По крайней мере, не совсем. Она беспокоилась и постоянно была начеку, словно чего-то ждала. Это не одно и то же.

Хёрст громко откашлялся, пытаясь держать под контролем подымающееся раздражение.

— Год назад, — продолжал Твист, — вы пришли ко мне поговорить о смерти Торна. Мы подробно обсудили ночь трагедии. Помню, я привлек ваше внимание к специфическим перемещениям некоторых участников.

— Правильно, но, конечно же, не говоря мне, кто или что. Как обычно, вы видите все, а я не вижу ничего. Именно поэтому я продолжаю повторять: «Видеть или не видеть — вот в чем вопрос!»

— Что вы говорите, старина, что, черт возьми, вы говорите?!

— Не глядите на меня как на идиота. Надеюсь, вы понимаете, я прекрасно знаю, что специально неверно процитировал Шекспира... Что с вами?

Твист остановился и уставился в небо с восторженной улыбкой. Тщательно выговаривая каждый слог, он повторял:

— Видеть или не видеть — вот в чем вопрос! Видеть или не видеть — вот в чем вопрос... — Повернувшись к Хёрсту, он сказал: — Арчибальд, это факт, что без вас я был бы незначительнейшим из детективов. Видеть или не видеть, разве вы не понимаете? Когда Сара Торн открыла дверь...

— Что она увидела?

— *Она не увидела вообще ничего.* И именно поэтому она упала в обморок: *потому что она не увидела вообще ничего!*

Хёрст не заснул до трех ночи, и даже во сне его все еще преследовали слова Твиста. На следующий день, в четверг, они оба поехали в Лондон, но вернулись в Хаттон в пятницу на похороны Сары.

В четыре часа дня служители опустили гроб с покойной по каменным ступеням часовни в семейный склеп Торнов. День простоял, хотя небо было пасмурным и постоянно грозило дождем, но в самой часовне было холодно и сыро. Мрачный Фрэнсис обнимал плачущую Паулу. Патрик и Бесси в почтительном молчании шли позади них, и молодой детектив скрытно бросал взгляды вокруг. Майк Мидоус в безупречном темном костюме выглядел измученным. Когда могильщики ушли, миссис Дороти Хилтон разразилась бесконтрольными рыданиями, а муж пытался ее утешить. Доктор Твист и инспектор Хёрст стояли на некотором расстоянии около двери часовни. Когда плита вернулась на место, полицейский прошептал в ухо другу:

— Так как убийца всегда посещает похороны жертвы, я начинаю сомневаться, что это было убийством. По-моему, или виновен Брайан, или никто.

Твист не отвечал. Глаза за стеклами пенсне неотрывно следили за Патриком Ноланом.

Вскоре после этого все присутствующие собрались в салоне Хаттон-Мэнор кроме Патрика, который порвал брюки о кустарник и вернулся к Блантам, чтобы переодеться.

Мостин подавал чай в гнетущей тишине. Миссис Хилтон отпила глоток и удалилась, извинившись. Ее муж смотрел, как она выходит, и, казалось, собирался последовать за ней, но остался и достал сигарету. Преодолевая собственное горе, он старался утешить других. Майк Мидоус также закурил сигарету и обратился к полицейскому:

— Все еще никаких новостей о Брайане?

Пренебрежительный тон больше, чем сам вопрос, намекал на некомпетентность полиции, от которой он явно не ожидал положительного ответа.

— Все еще ничего, — ответил Хёрст с рассчитанным спокойствием. — Но, как я уже говорил, это лишь вопрос времени, потому что мы почти уверены: он не покинул район.

Ранее обитателям Хаттон-Мэнор сообщили о визите покойной к поверенному и о содержании завещания. Твист с Хёрстом при этом не присутствовали, но Патрик Нолан рассказал, что никто не казался довольным и меньше всех молодой доктор. Хотя он ничего не сказал, присутствующие легко могли представить вопросы, готовые сорваться с его языка: «Почему она не сказала мне? И почему не упомянула меня в завещании?» Сами они, должно быть, спрашивали, почему такая значительная часть состояния отошла к Брайану.

Бесси, которая с тревогой смотрела на часы, облегченно вздохнула, когда услышала дверной звонок.

— Это дедушка продержал тебя все это время? — спросила она Патрика, когда он вошел в салон.

— Нет, я тут побеседовал кое с кем у парадных ворот.

— С кем это? — спросил Мидоус, хмурясь.

— Не знаю. — Патрик задумчиво поднес палец к губам. — И это странно, потому что, когда я спросил его, он откинул голову назад и расхохотался.

— Возможно, журналист в погоне за сенсацией? — спросил Мидоус.

— Не думаю.

— Тогда любопытствующий прохожий? — Не ожидая ответа, доктор продолжал с выражением ненависти на лице. — Должен существовать закон против подобных людей. Что он хотел знать? Детали похорон, без сомнения, — добавил он с нервным смехом.

— Да, но не в том смысле, какой вы подразумеваете. Это, должно быть, кто-то из деревни, кто хорошо знал вашу невесту, или, возможно, ее друг. Он спросил меня, все ли прошло хорошо.

— Друг? Который даже не выразил соболезнования? Дорогой Нолан, мне кажется, вас обманул журналист. Не очень здорово для профессионального детектива!

Ясно, что Мидоус был не в себе, но никто и не подумал успокаивать его. Патрик задумчиво посмотрел ему прямо в глаза:

— Нет, повторяю, это не репортер, стремящийся написать статью. Фактически, вы должны его знать, потому что он спрашивал меня о вас и вашей реакции... не были ли вы слишком расстроены.

Мидоус смертельно побледнел, а его челюсть отвисла, но он быстро взял себя в руки.

— Кто-то, кого я знаю, — повторил он, поглаживая усы. — Кто-то, кто переживает за меня... я действительно, не могу понять, кто... Что еще вы можете сказать о нем? Где в точности он был и что делал?

Патрик выглядел удивленным, но пожал плечами и продолжал:

— Он стоял позади ворот, ведущих к поместью. Как я уже сказал, он не был похож на простого прохожего. Он курил сигару, и думаю, что, возможно, даже улыбался. Он задавал мне вопросы о похоронах точно так же, как переживающий друг. Затем он сменил тему и спросил меня, кто я, нравится ли мне здесь и другие банальности. Я был заинтригован, конечно, но подумал, что это один из ваших друзей. Он действительно казался довольно веселым, что я посчитал странным в сложившейся ситуации. У него был специфический способ смеяться: очень громко и откидывая голову назад. И он согласно кивал всему, что я говорил, как будто это ему нравилось. И все время повторял: «Всему свое время, мой юный друг, всему свое время».

Это последнее замечание произвело эффект разорвавшейся бомбы, и Патрик обескураженно повернулся к Бесси за помощью. Но его невеста, похоже, тоже словно онемела.

— Как он выглядел? — выдавил из себя Мидоус.

— Среднего роста, с бородой, крепкий, но не толстый. Около сорока. На нем был пиджак в синюю клетку и кепка, надвинутая на глаза.

— Рыжий? — спросил Фрэнсис, бледнея.

— Да, рыжий, — без колебаний ответил Патрик.

Удивление сменилось ужасом. Хёрст хотел вмешаться, но доктор Твист осторожно сделал знак молчать. Первой заговорила Бесси:

— Патрик, ты никогда не встречал Харриса Торна?

— Нет, никогда.

— И никогда не видел его фотографию?

Патрик покачал головой.

Фрэнсис исчез и минуту спустя вернулся с фотоальбомом. Он открыл его, и Патрик увидел несколько снимков Сары и ее супруга на их свадьбе. После нескольких секунд напряженной тишины он поднял голову и, широко открыв глаза, посмотрел на Фрэнсиса:

— Я... я не могу ручаться, но человек был очень похож на него.

Возникло всеобщее смятение, и инспектору Хёрсту пришлось вмешаться, чтобы навести порядок. Он подверг молодого детектива такому строгому допросу, что однажды тот покраснел как рак и пригрозил покинуть помещение, говоря, что не привык, когда его обвиняют во лжи. Мужчина, которого он видел за воротами поместья, очень походил на покойного, и в нормальных обстоятельствах он не сомневался бы, но теперь он не готов поклясться под присягой. Когда Мидоус произнес имя Брайана, вновь наступила тишина.

— Вы довольно хорошо знаете Брайана, мистер Нолан, — прошипел доктор. — Он тоньше брата, но того же роста. Они, очевидно, не абсолютно похожи, но некое сходство имеется. Вспомните вечер, когда вы прибыли в Хаттон. Тем вечером Брайан улыбался и не имел того несчастного вида, с которым он обычно взирает на мир. Попробуйте вообразить Брайана с фальшивой бородой и в парике, одетым в один из тех синих клетчатых пиджаков, которые всегда носил его брат, с соответствующими накладками, чтобы завершить иллюзию... Мидоус взял альбом и указал на фотографию двух братьев вместе. — Что вы думаете теперь, мистер Нолан?

Патрик засомневался:

— Ну, это вполне возможно... И кепка была немного сдвинута на один бок.

— Случайно, не на правый глаз? — спросил Мидоус елейным тоном.

— Да.

— Ох, этот старина Брайан, — сказал доктор со свирепой улыбкой. — Он не только подмечает каждую мелочь, но и очень хитер. Разве вы не понимаете? Он скрывал не только глаза, но и свой неповрежденный висок, где у Харриса Торна имелся шрам.

Я долго был очарован его пророчествами, должен признаться, но если вы ищете кого-то, кто совершил этот обман, это Брайан. Это — первое. Во-вторых, моя невеста жила в ужасе в течение последних нескольких недель ее жизни, и есть серьезные основания считать, что кто-то специально забавлялся, пугая ее. Между прочим, она изменила завещание именно в пользу шурина.

Мистер полисмен, не спрашивайте меня, ни как он убил ее, ни почему он притворился призраком своего брата, но бесспорно, что это он замыслил гадкий заговор, чтобы получить состояние брата.

Я не закончил. Если есть что-то, в чем невозможно сомневаться, это смерть Харриса. Мы можем также исключить версию, что по чистой случайности некто, настолько сильно напоминающий покойного, столкнулся у ворот с мистером Ноланом. То есть, имеется самозванец. У кого был хоть малейший мотив для такого маскарада? Вне нашего круга, ни у кого. А пока мистер Нолан разговаривал с самозванцем, единственный из нашего круга, кто здесь отсутствовал, это Брайан. Нужно ли продолжать?

Хёрст, который кивал практически на все, что говорил доктор, собрался что-то сказать, но его опередила Паула.

— Черт возьми! Я только что кое-что вспомнила. Приблизительно месяц назад я просматривала некоторые театральные реквизиты Сары. Она засунула их в сундук на чердаке и гордо демонстрировала мне их прошлым летом, когда рассказывала обо всех ролях, сыгранных в юности. Там были три парика, я уверена, с различными бородами: черной, белой и рыжей. Помню, как она надела рыжую и стала передразнивать мужа, и мы обе заливались смехом... И вот теперь ее с нами нет...

Майк Мидоус, с улыбкой, в которой читалась смесь триумфа и ярости, повернулся к Хёрсту. Инспектор ударил кулаком в ладонь другой руки:

— Мы схватим его на рассвете, гарантирую!

И он был прав. Но захват беглеца не прояснил этого сверхъестественного дела. Совсем наоборот...

23

Около четырех утра Патрик оказался во власти ужасного кошмара, который перенес его на три столетия назад во времена Великого лондонского пожара. Зрелище было ужасающим, но великолепным. Город представлял собой огромную жаровню, а мосты превратились в огненные арки над Темзой. Он, Патрик, стоял на холме, откуда открывался вид на происходящее, рядом с Харви Торном, который кричал: «Они погибли в огне!» Лицо дедушки Харви появлялось и вновь исчезало в завесе огня, приближающейся к Патрику, который закричал... и проснулся, обливаясь потом.

Он долго пролежал, успокаиваясь и убеждая себя, что это всего лишь сон. Пошарил рукой по ночному столику, посмотрел на наручные часы, надел халат и подошел к окну, которое широко распахнул. Вдыхая свежесть ночи, он оглядывал владения Блантов. Несмотря на темноту, он увидел глицинию, широкую живую изгородь, огород, мастерскую дедушки Бесси и даже лес за ней.

Его мысли вернулись в Пэдстоу и небольшую бухту в дни, предшествующие отъезду Паулы. Он очень ясно вспомнил день, когда Паула спросила его, где и когда начался Большой пожар. На губах появилась нежная улыбка и исчезла. «Как все это закончится?» — думал он, вспоминая экстраординарную ситуацию, в которой оказался. Перед глазами проплывали лица: Бесси, Паула, Фрэнсис, мистер и миссис Хилтоны, доктор Мидоус, Брайан, Сара... Харрис Торн с его яркой бородой и звучным смехом... Он должен прекратить думать об этом человеке или закончит тем, что... Он отбросил возникшую картину, но теперь перед ним возникла неясная фигура дедушки

Харви, который улыбался. Он сел за стол, взял перо, макнул его в чернила и начал писать: «*Они погибли в огне...*»

Слова вспыхнули перед Патриком, а затем превратились в небольшое мерцание. Окно мастерской было освещено. Теперь уже ярко освещено. Поднимался черный дым, и Патрик мог слышать характерный рев пламени. И как только он понял, что старая мастерская дедушки Бланта в огне, ночь пронзил страшный крик.

Парализованный, Патрик в ужасе смотрел, как распахнулась дверь мастерской, и на пороге появился человек-факел.

Мгновенно придя в себя, Патрик сорвал покрывало с кровати, сел на подоконник, ухватился за глицинию и приземлился на землю снаружи. Вскочив, он помчался к кричащей фигуре, борющейся с пылающей одеждой. Инстинктивно он нанес удар, быстро обмотал обмякшего человека покрывалом, бросил на землю и стал катать. Несколько секунд спустя огонь погас, Патрик наклонился, чтобы взглянуть на покрытое пузырями лицо. В мерцающем свете пламени, ревающего в нескольких футах, он смог безошибочно узнать жертву: Брайан.

* * *

В половине девятого утра Арчибальд Хёрст и доктор Твист постучали в дверь дома Блантов. Инспектор выглядел мрачным. Он бодрствовал допоздна, обсуждая каждую деталь дела со своим другом, и только заснул, как хозяин гостиницы разбудил его, чтобы сказать, что его срочно должна видеть мисс Блант. Сопровождаемый Твистом, он последовал за машиной скорой помощи, везущей пострадавшего в Челтнем. Гектор Редферн присоединился к ним в больнице, но только в семь они смогли поговорить с врачом.

Бесси поспешила открыть дверь.

— Как? — спросила она умоляющим шепотом.

— Он все еще жив, — кратко ответил Хёрст, — но в плохом состоянии. Ожоги третьей степени. Они не уверены, что он выживет.

Она привела гостей на кухню, где Патрик сидел с дымящейся чашкой кофе. Они не отказались, когда она предложила им позавтракать.

Хёрст повторил Патрику все, что сказал его невесте.

— ...но доктор не позволил нам поговорить с ним сейчас. — Он повернулся к Бесси. — Разве ваша мать не здесь?

— Она пошла на работу.

— А дедушка?

Молодая женщина указала на потолок.

— Только что снова лег.

— Это хорошо, — сказал инспектор с улыбкой, которая была совсем не дружелюбной, — тогда мы можем раскрыть карты. Мистер Нолан, можете повторить нам, что вы видели этим утром?

Патрик так и сделал, не опуская ни малейшей детали.

— Если Брайан сумеет выкарабкаться, — заметил Хёрст, — то будет очень обязан вам. Как, по-вашему, начался пожар? Вы видели, как кто-нибудь вошел или вышел из мастерской? Кроме Брайана, конечно.

— Нет, но этого нельзя исключать. Было очень темно, и так легко бросить горящую спичку через окно с северной стороны, около леса, чтобы я не видел. Если я правильно помню, два оконных стекла там выбиты, так, Бесси? — Его невеста кивнула. — Кроме того, я стоял у окна очень недолго.

— Очень хорошо. Поэтому есть две возможности. Или пожар возник случайно, или за ним стоит преступная рука. Согласны?

Патрик и Бесси кивнули.

— И в любом случае, — продолжал полицейский другим тоном, — это должно означать, что Брайан там спал. Всё еще согласны?

Бесси сидела с каменным лицом.

— Мистер Нолан, полагаю, вы понятия не имели, что он был там?

— Правильно.

— И думаю, мисс Блант, ни ваша мать, ни дедушка тоже не знали?

В кухне повисло гнетущее молчание, которое нарушил доктор Твист.

— Мисс Блант, думаю, вам пора объясниться.

Молодая женщина стиснула зубы, и из глаз ее хлынули слезы, затем она бурно зарыдала. Когда она призналась, что скрывала Брайана с понедельника, доктор Твист отметил, что на ее лице было гораздо больше волнения и печали, чем на лицах тех, кто присутствовал на похоронах Сары Торн.

— Он постучался в окно моей спальни в полночь... Сказал, что Сара только что умерла, и все считают виноватым его. Он не мог оставаться с ними и попросил, чтобы я помогла ему. Я... меня он действительно тронул. Я никогда не видела его таким: как потерявшийся маленький мальчик. Я сказала ему, что никто не входил в мастерскую уже много лет, принесла ему одеяла... носила еду.

— Каждый день?

— Да.

— И что он вам сказал после этого?

— У нас так никогда и не было времени поговорить. Я не хотела пробуждать подозрения. Но он всегда говорил одно и то же: что не хочет видеть сейчас никого, кроме меня... и очень благодарен мне за помощь. Думаю, он чувствовал себя ответственным за смерть невестки.

— Вы говорили ему, что полиция ищет его?

Бесси склонила голову.

— Да, я держала его в курсе.

Хёрст громко откашлялся и продолжал:

— Мисс Блант, вы понимаете, что это может вам дорого стоить?

— Я знаю, — решительно сказала она, — и мне все равно! Но надеюсь, вы, по крайней мере, понимаете, что Брайану не в чем упрекнуть себя и что он не был тем, кто выдавал себя вчера за его брата после похорон.

— А почему это, мисс Блант? Вы можете доказать, что он находился тогда в мастерской? Вы были в поместье, если я помню, когда мистер Нолан встретил самозванца?

— Это не он... я уверена. На вашем месте, я расспросила бы *определенных людей, где были они* в четыре часа этим утром.

— Естественно, мы это сделаем, — ответил инспектор, удивленный и почти восхищенный мужеством молодой женщины. — Но была ночь, и я очень удивлюсь, если кто-нибудь сможет представить алиби. Значит, по-вашему, пожар в прошлую ночь — это преступление?

— Чем еще он может быть? Если бы Брайан случайно вызвал огонь, то пожар не застал бы его врасплох, не так ли?

Трое мужчин молча смотрели, как она пытается сдержать слезы. Хёрст собрался было выдвинуть версию о самоубийстве Брайана вследствие потери рассудка, но замолчал после знака Твиста.

— И вы ничего не говорили об этом вашему жениху? — недоверчиво спросил он.

— Нет, она никогда не говорила мне об этом, — ответил Патрик, подчеркивая каждый слог. — Она уже сказала вам это и я тоже.

Хёрст, хотя и не сильно разбирающийся в психологии, знал, однако, достаточно, чтобы понять: поведение пары было весьма странным. Молодая женщина, не говоря жениху, прячет другого мужчину, состояние которого глубоко ее волнует; и этот самый жених, казалось, ничуть не переживает и даже защищает ее, словно она ему сестра или просто друг. Он собирался что-то сказать, когда этот дьявол, доктор Твист, в который раз словно прочитал его мысли и чуть заметно покачал головой.

После того, как они закончили завтрак (во время которого Твист несколько раз просил добавки и похваливал Бесси), любезный криминолог объявил успокоительным тоном:

— Брайан скрывался в мастерской, а поскольку ею очень редко пользовались, неудивительно, что его не нашли, так, Хёрст?

Инспектор пробормотал что-то нечленораздельное, и Бесси бросила на Твиста благодарный взгляд.

— Вы думаете, мы сможем увидеть Брайана? — спросила она.

— Увидеть его? — повторил инспектор, поднимая бровь. — Возможно, но не очень долго.

После чего эти два детектива уехали, сказав, что проверят состояние жертвы и непременно сообщат.

* * *

Выйдя из Челтнемской больницы, Хёрст с доктором Твистом увидели Бесси и Патрика в третий раз за тот день, когда те выходили из автомобиля. Заметив их, молодая женщина тут же подбежала.

— Он вне опасности, — объявил инспектор отеческим тоном. — Мы только что говорили с ним. Недолго, конечно.

— И что он сказал вам? — спросила Бесси.

— Та же самое, что и вы, и что он крепко спал и был разбужен треском огня.

— Значит, по его словам, пожар не начался случайно от плохо погашенной сигареты или чего-то в этом роде?

— Он уверен в этом. Сказал нам, что у него не было зажигалки или спичек, не было масляной лампы или какого-либо другого освещения. Это так, мисс Блант?

— Да. Раньше было электричество, но его отключили после смерти отца.

— Значит, кто-то совершил поджог, — глубокомысленно сказал Патрик. — Между прочим, он ничего не говорил о... о своем брате Харрисе?

Взгляд Хёрста ожесточился.

— Нет. Но почему этот вопрос, молодой человек?

— Так. Просто спросил.

* * *

Имя Харриса Торна постоянно возникало в мыслях инспектора, когда он в компании доктора Твиста возвращался в Хаттон, сжимая рулевое колесо. Последний, усталый и задумчивый, молчал с самого Челтнема, и его молчание начало действовать Хёрсту на нервы. Напрасно полицейской спрашивал, что он думает о странном пожаре и не менее странном вопросе молодого Нолана. Он привык к длительным периодам молчания у друга, но от этого легче не становилось. Они прибыли в Хаттон-Мэнор как раз перед четырьмя часами. Дворецкий Мостин провел их в салон, где собралось семейство Хилтонов вместе с доктором Мидоусом и двумя полицейскими. Хёрст немедленно почувствовал мрачные взгляды измученных людей — что-то явно было не так. Он отнес это к ночным событиям и последующему допросу, который еще в больнице попросил провести Гектора Редферна. В комнате присутствовало двое полицейских, но, как ни странно, не сам суперинтендант.

Хёрст оглядел комнату, и его пристальный взгляд остановился на одном из полицейских.

— Что за дьявольщина здесь происходит?

— Автокатастрофа или, скорее, столкновение, — неловко ответил тот. — Пожаловались два туриста. Транспортное средство отсюда ответственно за инцидент, но, очевидно, никто его в это время не вел. Суперинтендант объяснит. Он скоро вернется. Он поехал за этими двумя свидетелями.

— Транспортное средство, на котором никто не ехал? О чем вы говорите?

— Никто из присутствующих здесь, — объяснил полицейский. — Хотя...

Послышался звук двигателя. Полицейский подошел к окну.

— Они здесь.

Вошел Гектор Редферн, сопровождаемый полицейским и молодой парой. Лицо суперинтенданта, как и у присутствующих в комнате, выглядело бледным и измученным. Но увидев двух детективов, он явно приободрился:

— А, вот и вы! Хорошо, потому что мы перепрыгиваем от одной тайны к другой. Но позвольте представлять вас мистера и миссис Терлоу.

В какой-то степени Льюис Терлоу напоминал доктора Твиста, но был намного моложе — на вид ему было около двадцати пяти — и намного короче. Но у него были такие же усы, а за очками

с серебряной оправой блестели такие же глаза. Но сейчас он казался очень расстроенным, как и его жена, Селия, уверенная молодая рыжая женщина, напоминающая студентку колледжа.

После представлений Редферн продолжал:

— Прежде, чем я предоставлю слово мистеру и миссис Терлоу, позвольте мне кратко изложить суть их заявления. Поправьте меня, если я ошибусь.

Около полудня маленький красный спортивный автомобиль, который свидетели идентифицировали по номерному знаку, стоял на его обычном месте позади дома. Машина принадлежала Саре Торн — подарок ее покойного мужа, — но иногда использовалась другими домочадцами. В течение дня ключи лежат на приборной панели, поэтому воспользоваться машиной может любой.

Мистер и миссис Хилтон обедали с сыном, его женой и их гостем, доктором Мидоусом. Немного обсуждали последние новости, поскольку все только что узнали о пожаре и состоянии Брайана. В четверть второго доктор Мидоус и Фрэнсис встали из-за стола и перешли в салон. Четверть часа спустя они увидели, как автомобиль выехал из поместья. Верх был опущен, и они не могли видеть водителя. Фрэнсис предполагал, что это его жена. Она, все еще находящаяся с родителями мужа, думала, что это ее муж. Без десяти четыре, то есть двадцать минут спустя, автомобиль вернулся и был замечен доктором Мидоусом, который не обратил на него особого внимания и не видел водителя. Автомобиль нашли на его обычном месте, но с вмятиной в левом переднем крыле со следами краски от автомобиля Терлоу.

Мистер и миссис Терлоу, вы живете в Лондоне на Керзон-стрит, 18. Вы навещали друзей в Уинчкоуме и были на пути назад в столицу. Приблизительно в час тридцать пять вы должны были проезжать Хаттон. Можете описать нам, что произошло затем?

Заговорил Льюис:

— Да. Я снизил скорость, подъезжая к деревне, когда справа от нас появился автомобиль. Я нажал на тормоза, но напрасно, и он ударил нас. Ничего серьезного, но кузов оказался поврежден. Мы с женой вышли из автомобиля, и тот водитель сделал то же самое. Он приблизился к нам с улыбкой, что выглядело странно. «Так-так, туристы засмотрелись на красоты сельской местности?» — насмешливо спросил он. Это было уже слишком! Мало того, что он выехал с проселочной дороги на главную на высокой скорости, но еще и обвинял нас в столкновении! Я указал ему на это, а он рассмеялся, словно это было самым забавным на свете. Моя жена вмешалась и сказала ему, что поедет в ближайшее отделение полиции. Он откинул голову назад и стал смеяться еще громче, после чего спросил нас, знаем ли мы, с кем разговариваем, словно он — король Англии. Все еще смеясь, он уселся в свой автомобиль и помчался назад по дороге, по которой приехал. Мы записали номер машины, и дежурный в отделении полиции Витингтона узнал ее, поскольку здесь одна такая.

— Мистер Терлоу, — спокойно вмешался Гектор Редферн, — вы можете идентифицировать место, которое я только что показал вам, а именно, начало дороги, ведущей к поместью, как место, где произошел инцидент?

— Конечно, — сказал молодой человек, пожимая плечами.

— Можете описать водителя?

— Среднего роста, крепкого сложения, с рыжими волосами и бородой, в синем клетчатом пиджаке.

Лицо Хёрста пошло красными пятнами.

— Есть ли еще какие-то детали, которые вы можете добавить?

На сей раз ответила миссис Терлоу:

— Да, у него был маленький шрам на правом виске.

По спинам присутствующих пробежала холодная дрожь. Мидоус был похож на зомби, и остальные выглядели не намного лучше.

— У нас есть серьезные основания считать, мистер и миссис Терлоу, что мужчина, ведущий автомобиль, носил косметику и фальшивый парик и бороду, а под пиджаком были накладки. Каково ваше впечатление?

Молодая пара посмотрела друг на друга. Льюис Терлоу объявил:

— Я счел бы это весьма удивительным. А ты, дорогая?

— Нет, не думаю. Но никогда не знаешь!

— Очень хорошо — раздраженно сказал Редферн. — А теперь, мистер и миссис Терлоу, я хочу попросить вас посмотреть на каждого из присутствующих в этой комнате и сказать мне, мог ли он играть роль водителя. — Он бросил взгляд в сторону Говарда Хилтона и доктора: — Знаю, что ваши взаимные свидетельства доказывают, что во время несчастного случая вы были или здесь, или в столовой, но чтобы исключить возможность сговора... Понимаете, это полностью сняло бы с вас все подозрения...

В нормальных обстоятельствах сцена, которая последовала, могла бы показаться любопытной, если не комичной. Но никто не улыбался. «Опознание» продлилось чуть больше минуты. На виске Мидоуса пульсировала вена. Фрэнсиса было трудно узнать, Паула сидела бледная, как смерть, а мистер, и миссис Хилтон были настолько подавлены, что вообще никак не отреагировали.

— Невозможно, чтобы это был кто-то из этих людей, — объявил Луи Терлоу в конце осмотра.

— Абсолютно невозможно, — согласилась его жена.

— Очень хорошо — сказал Редферн, явно разочарованный. — Есть ли какие-нибудь фотографии покойного мистера Торна?

Вновь появился свадебный альбом, на сей раз для Терлоу. В напряженной тишине они пролистали все страницы. Затем Луи Терлоу повернулся к Гектору Редферну:

— Если у него нет брата-близнеца, я готов поклясться, что вот этот муж был человеком, ведущим спортивный автомобиль.

— Я тоже готова поклясться! — добавила миссис Терлоу.

24

— Это невозможно! Невозможно! — кричал Арчибальд Хёрст, ударяя кулаком по столу.

Была половина восьмого вечера, и они с доктором Твистом обедали в «Черной лошади» вместе с Редферном, Бесси и Патриком. Молодая пара вернулась из Челтнема часом ранее. Состояние Брайана улучшилось настолько, что он даже смог улыбнуться Бесси и своему спасителю. Но эти последние новости, казалось, не сделали Хёрста счастливее, поскольку он продолжал бушевать:

— ...и я не верю в невозможное!

— То есть? — спросил Патрик.

Инспектор чуть снизил тон:

— Ни один из людей, связанных с этим делом, не мог играть эту роль. Однозначно, никто. Инцидент произошел после половины второго, а машина, по словам свидетелей, вернулась на место без десяти два. Те, кто был в поместье в это время, исключаются из-за взаимных алиби и показаний семейства Терлоу. Кто остается? — Хёрст начал загибать пальцы и остановился на трех, с улыбкой глядя на парочку. — Простите меня, но я должен учесть все возможности.

— Понимаю, — ответила Бесси, которая, казалось, не оценила намек инспектора. — Но у вас, кажется, короткая память, потому что мы встретились у больницы в два. Как вы думаете, могли мы прибыть отсюда в Челтнем за десять минут?

— Это невыполнимо, согласен. Остается Брайан... который лежал перед нами в кровати без десяти два. Твист, позвольте мне использовать ваш любимый принцип: «отбросьте все невозможное...»

— Еще раз, друг мой, это не мой принцип. Он принадлежит знаменитому...

— Пожалуйста, — загремел Арчибальд Хёрст, — сейчас не время спорить по пустякам. Итак: «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался».

В глазах Редферна замерцал свет надежды. Патрик выглядел скептическим:

— И какой может быть эта последняя, невозможная гипотеза?

Хёрст сделал эффектную паузу и объявил:

— Харрис Торн не мертв. Не вытягивайте лица: нет никакого другого объяснения!

— Но, — воскликнула Бесси, — Я видела его своими глазами, когда мы нашли его у подножья стены... и не я одна. Все его видели. Он был мертв, в этом никаких сомнений!

— Можно притворяться мертвым, мисс, уж поверьте мне, — ответил Хёрст с преувеличенной любезностью. — Есть много примеров. Кроме того, можно быть мертвым несколько секунд, а затем прийти в себя, как тоже бывало. — Суперинтендант попытался возразить, но Хёрст остановил его жестом. — Ничего не говорите пока, Редферн, у меня свои соображения, и мы можем обсудить все это позже.

— Я начинаю думать, что вы можете быть правы, инспектор, — заявил Патрик. — Человек, которого я видел после похорон Сары, был действительно тем же самым, что на фотографии, которую мне показали, тут я уверен. Понятно, что тогда я начал сомневаться, но теперь... В любом случае, есть простой способ убедиться.

— Похоже, мы думаем об одном и том же, молодой человек, — согласился Хёрст с понимающим видом. — Действительно, очень простой способ.

Гектор Редферн, заинтригованный загадочным диалогом, ошеломленно сидел перед равнодушным доктором Твистом, который продолжил ковыряться в тарелке, словно ничего не слышал. Вытерев усы, детектив повернулся к суперинтенданту и спросил:

— Между прочим, у вас было время расспросить Хилтонов и доктора Мидоуса об их алиби на время, когда вспыхнула мастерская Бланта?

Суперинтендант удивленно посмотрел на улыбающегося доктора Твиста. Как такой выдающийся детектив мог напрасно тратить время на такие пустяки и в такой момент?

— Да. Все крепко спали, что совсем не удивительно в четыре часа утра.

Твист согласен кивнул и задал другой вопрос:

— Вы осмотрели то, что осталось от мастерской?

— Один из моих парней это сделал. За исключением горстки инструментов, остался только пепел. Мастерская старого плотника: можете представить, как быстро она загорелась.

— Да уж, — согласился Твист. — К тому времени, когда мы туда добрались, огонь почти погас.

— Просто чудо, что Брайан остался жив, — вздохнула Бесси. — Там внутри только опилки и древесина: старые доски, сундук, заполненный деревянной стружкой и даже две кипы соломы... просто чудо. Патрик...

— Да?

— Ты говорил о «простом способе». Что ты имел в виду?

— Да, — повторил Редферн. — Что вы имели в виду?

Молодой детектив осмотрелся и подался вперед. Когда он заговорил, цвет некоторых лиц изменился.

— Но у нас нет права, — замялся Редферн.

— Это крайняя мера, согласен, — объявил Хёрст. — Фактически, я собирался предложить то же самое. Что вы думаете, Твист?

— Это вполне логично. При имеющихся фактах мы едва ли можем сделать что-то иное. Между прочим, это не первый раз, когда мы пользуемся этим способом, и не последний. Не так ли, Арчибальд?

Редферн не дал Хёрсту возможности ответить:

— Когда вы думаете это сделать?

— Было бы лучше не откладывать на завтра, — сказал Патрик, — если вы понимаете, что я имею в виду.

— Сегодня вечером? — сказал Редферн, вздрагивая. — Как хотите, но мне там присутствовать не обязательно. Между прочим, что вы ожидаете там найти?

Лицо Хёрста осветила странная улыбка, когда он ответил с непривычной мягкостью:

— Ничего, Редферн. Абсолютно ничего.

* * *

В половине десятого в тот же вечер доктор Твист и инспектор вновь оказались в салоне Хаттон-Мэнор. Фрэнсис нервно вышагивал перед камином. В течение пяти минут он зажег и затушил три сигареты. Сидящий в одном из кресел Майк Мидоус, более спокойный, но не менее

задумчивый, поглаживал усы. Мистер и миссис Хилтон уже легли спать. Паула тоже, к немалому облегчению Патрика, потому что последнее, чего он хотел, это, чтобы его подруга сопровождала их, а это непременно произошло бы, узнай она об их планах. Он слишком хорошо ее знал.

— Я понимаю вас, дорогой Фрэнсис, — сказал Мидоус, — но в создавшейся ситуации, эти джентльмены правы. Лучше закончить проверку сейчас же.

Фрэнсис повернул к своим компаньонам обезумевшее лицо и сказал срывающимся голосом:

— Я не возражаю. Просто боюсь.

— Это понятно, — сказал Хёрст. — Но там будем мы, — хвастливо добавил он, — а мы привыкли к подобным вещам. Итак, что нам нужно? Ключ, конечно, мощная отвертка, несколько ломиков и два фонаря... или лучше электрические фонарики: вдруг там скопился газ.

* * *

Уверенность Хёрста начала постепенно испаряться, когда пятеро мужчин двинулись в направлении часовни, значительно уменьшилась, когда они увидели маленькое здание сквозь туман, и полностью исчезла, когда лучи фонариков сошлись на каменной плите, ведущей вниз к склепу. Когда-то Патрик испытал значительные затруднения, отодвигая ее, но на сей раз их было пятеро, и узкая лестница, ведущая к коричневой двери, появилась относительно быстро.

Фрэнсис вставил ключ в замок, повернул его, и дверь со зловещим скрипом открылась. Воздух внутри был типично спертый и болезненно-сладковатым. Лучи фонариков обежали стены и осветили центральный ребристый свод, поддерживаемый четырьмя колоннами. Стены, обложенные камнем, запотели от сырости. С каждой стороны имелись ниши, в большинстве которых стояли гробы. В угнетающем молчании лучи принялись искать гроб Харриса Торна. Они нашли его рядом с гробом Сары, легко узнаваемым по увядшим розам на нем: запах увядания цветов странным образом смешивался с всепроникающим запахом тления, который становился все заметнее.

Пятеро мужчин приблизилось к внутренней нише, которая, очевидно была, последним приютом Харриса Торна. На мраморной мемориальной доске виднелось его имя. Лицо Хёрста в ярком свете фонарика превратилось в гротескную маску.

— Не стойте просто так, — приказал он. — Хилтон, передайте доктору Мидоусу отвертку. В конце концов, тела — это его епархия.

— Тела? — ответил удивленный доктор. — Что вы ожидаете там найти? Или его там нет — как мы и предполагаем, — или он там, и тогда останки будет просто не узнать. В любом случае думаю, лучше перенести гроб на землю, чтобы удалить винты.

Хёрст и Патрик выполнили его просьбу.

— Довольно тяжелый, — пробормотал инспектор.

— Прочный дуб, — проворчал Патрик, постанывая от усилий.

Мидоус наклонился над гробом и один за другим выкрутил винты. Как только операция была закончена, он повернулся к компаньонам, пара из которых тут же сделала несколько шагов назад.

Повисла тишина. Лучи от фонариков сошлись на полированном дубе. «Что мы там найдем?» — вертелся вопрос в голове у каждого.

— Давайте, Мидоус! — проревел Хёрст. — Чего вы ждете?

Доктор кивнул и отодвинул крышку гроба в сторону.

Первым звуком был вздох облегчения, вырвавшийся у инспектора. Там действительно находилось тело Харриса Торна, лежащее в гробу на бархатной обивке, в синем пиджаке с рыжими волосами и бородой и даже шрамом на правом виске. Но именно тогда черты лица Хёрста застыли, и глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

Мидоус, удивленный и одновременно испуганный, нагнулся над телом и объявил:

— Что такое, черт возьми? Клянусь, этот человек мертв лишь несколько дней!

Гектор Редферн провел бессонную ночь и, встав рано, быстро позавтракал. Его настроение ничуть не улучшилось после того, как он выслушал отчет о событиях предыдущей ночи, пересказанный ему Хёрстом, Патриком Ноланом и доктором Твистом, которые навестили его в воскресенье утром в его бунгало в Витингтоне.

Некоторое время он сидел неподвижно, ничего не говоря, а затем посмотрел на Хёрста, помятое лицо которого свидетельствовало, что он спал даже меньше, чем суперинтендант, если спал вообще. Патрик казался напряженным, но владел собой, а Твист выглядел нервным и озабоченным.

— Это абсурдно, — сказал наконец суперинтендант. — Этот человек мертв уже год, и я присутствовал на его похоронах. Готов поклясться, что в гробу лежал он и никто другой. Если потребуется, всегда можете спросить служащих похоронной компании...

— Не потребуется, — вмешался Хёрст. — Мидоус и молодой Хилтон также все подтвердили. — Но ясно, что где-то тут дело нечисто. Увы, если я могу так сформулировать: это не вопрос.

— Вы, должно быть, шутите, — парировал Редферн. — Как раз в этом вопрос. И если говорить о Мидоусе, что он сказал о теле? Как врач, я имею в виду.

— Прежде всего, нет ни малейших сомнений, что это Харрис. Молодой Хилтон подтвердил.

— Мы доберемся до сути всего этого! — кипятился Редферн, обычно считающийся самым спокойным из мужчин. — От чего он умер? И когда точно?

— Без полной экспертизы он, кажется, считает, что от раны в висок.

— Что? — воскликнул Редферн на грани апоплексического удара. — Человек умирает дважды — вам этого недостаточно? Вы пытаетесь сказать мне, что во второй раз он умер от той же раны, что и в первый? Это полное безумие!

Хёрст печально скривился.

— Я пытаюсь придерживаться фактов. Мидоус мог ошибаться в причине. Мы были там недолго, как вы понимаете. Но он непреклонен относительно срока: утверждает, что речь идет о нескольких днях, максимум неделе. И я достаточно знаю о предмете, чтобы подтвердить: он прав. И доктор Твист согласен.

— Таким образом, он умер приблизительно в то же время, что и его жена: в прошлый понедельник, если быть точным?

— Более или менее. Но вы не знаете всего, Редферн... Его видели около кладбища в пятницу днем и вчера на пересечении главной дороги в Хаттон и ответвления в поместье. Да, понимаю, как это звучит: человек умирает в прошлом году, затем во второй раз приблизительно неделю назад, а затем оживает снова, четыре дня спустя и...

— Остановитесь! — простонал суперинтендант. — Вы сведете меня с ума.

— Но есть еще вопросы, — продолжал Хёрст, который, очевидно, получал значительное удовольствие, наблюдая за кем-то другим, кто столкнулся с вихрем невозможностей. — Например, почему он возвратился в свой гроб? И как ему удалось привернуть крышку? Если только ему кто-то не помог... Или, перед укладыванием в гроб кто-то убил его (вторично), ударив в голову в то же место, куда пришелся первый удар, когда он упал из окна... И если так, почему? И не забывают все остальное: пророчества Брайана (которого я начинаю считать невиновным) и комнату, которая заставляет людей чувствовать себя нехорошо, когда не убивает сразу, мокрый ковер, не говоря уже об ужасной смерти, от которой на волосок был Брайан и которая подтверждает предсказание бабушки Харви...

По мере того, как инспектор перечислял вопросы и гипотезы, его голос начал дрожать, и он даже не пытался убрать непослушную прядь со лба или вытереть пот. Он был похож на человека, потерпевшего поражение.

— Вот каково наше положение, Гектор. Вот ситуация, о которой я обязан доложить вышестоящему начальству.

В унылом небе, видимом из большого эркера, начали собираться облака и послышался звон колоколов деревенской церкви.

Редферн откашлялся:

— Прав ли я, что вы еще никому не сказали?

— Пока нет. И, откровенно говоря, мы не спешим. Если только вы не считаете...

Редферн быстро заверил их, что полностью с ними согласен.

— А как насчет вскрытия трупа?

— Я не думаю, что это скажет нам намного больше, чем мы уже знаем, — вмешался доктор Твист. — За исключением... а это мы можем проверить сами.

— О чем вы говорите?

— Вчера вечером Мидоус провел краткий осмотр. Но не раздевал тело. Таким образом, мы не знаем, есть ли на его животе шрам... от прошлогоднего вскрытия.

— Боже! — пробормотал Хёрст. — Об этом я даже не подумал. И если есть, мы не продвинемся вперед. Наоборот.

Твист не ответил, но вместо этого кивнул Патрику, который пристально смотрел на него.

— Я думаю, — сказал молодой человек, — есть нечто, объясняющее все... Доктор Твист, вы заметили что-нибудь на одежде трупа?

— Что именно? — вежливо спросил детектив с любезной улыбкой.

— Было кое-что в складке брюк. Я подобрал и неосмотрительно выбросил.

— Да? Это странно. Я не заметил, чтобы вы это сделали. Но неважно, пожалуйста, продолжайте.

— Уверяю вас...

— Неважно. Что это был за объект?

Патрик убедился, что все внимание приковано к нему. Спокойно он произнес:

— Деревяшка. Маленький кусочек дерева. Крохотный кусочек дерева!

Хёрст и Редферн закатили глаза, но Твист все еще улыбался. Через некоторое время он объявил:

— Что-то говорит мне, дорогой Нолан, что этот крохотный кусочек дерева включил у вас в голове некую лампочку, способную бросить свет на тайну, окружающую смерть Харриса Торна.

— Думаю, да. Да!

— Понимаете, — продолжал доктор Твист, пристально глядя на молодого детектива, — до сих пор у меня все еще были сомнения, но то, что вы только что мне сказали, отмечает их. И я поздравляю себя с тем, что упрямый Арчибалда не афишировать это дело, держать его между нами. Понимаете, что я имею в виду, Нолан? В какой-то степени я понимаю вас... даже восхищаюсь вами. В моей далекой юности я тоже... но здесь вы зашли слишком далеко!

Поскольку Патрик не поднимал глаз от пола, Хёрст и Редферн разрывались от желания услышать объяснения.

Лицо Твиста из любезного стало взволнованным:

— Друзья, я оказался перед необходимостью просить, чтобы вы проявили терпение. Я — мы с мистером Ноланом — дадим вам решение этого причудливого дела очень скоро. Все, что я могу сказать вам сейчас: смерть Сары Торн была убийством, преднамеренным и задуманным давно. Идеальное убийство, задуманное умом без совести, убийцей, который даже не заслуживает веревки, чтобы его повесить. Но самое худшее: нет ни крупицы доказательств, чтобы обвинить его. Отрицательное доказательство, да: под этим я подразумеваю, что преступление можно объяснить только одним способом, и он ведет нас к конкретному человеку. Но придется выставить напоказ всю правду, что не понравится многим среди нас. Фактически, правда не принесет хорошего никому. Именно поэтому я в нерешительности. Если бы только судьба смогла нам помочь!

* * *

Именно в эту минуту миссис Хилтон суетилась в своей комнате с редкой энергией. Если после смерти дочери она, казалось, была погружена в глубокую депрессию, экстраординарные новости, о которых объявил Фрэнсис за завтраком, очень взбодрили ее.

— Ни дня больше! Ты слышишь меня, Говард? Я не останусь здесь ни на день!

Мистер Хилтон нерешительно смотрел, как жена освободила два платяных шкафа в их комнате. Три чемодана, лежащие открытыми на кровати, заполнялись с поразительной скоростью. Он редко видел Дороти в таком состоянии, и чтобы она так неаккуратно обращалась с одеждой. Он хотел было что-то сказать, но инстинкт посоветовал ему промолчать.

— И когда я говорю «ни одного дня», это значит, что не позднее половины одиннадцатого мы должны быть в дороге.

Говард Хилтон хорошо знал жену. Впервые он видел, что глаза выдавали ее, вспыхивая гневом и открывшись шире, чем обычно.

— Конечно, дорогая, конечно. Но разве обязательно нужна такая спешка?

— Я знаю, что делаю, Говард. Через несколько часов мы будем далеко и больше не ступим сюда ни ногой. Никогда!

— Но мы не сможем взять все с собой прямо сегодня. Нам придется...

— Бесполезно спорить. Повторяю, я знаю, что делаю!

— Но имеем ли мы право? Разве полиция не захочет нас допросить?

— Пусть допрашивает. Но не здесь. И не стой столбом! Помоги мне!

— Это не слишком много, если я спрошу, куда мы едем?

— В любой отель, лишь бы подальше отсюда. У нас теперь есть средства, не так ли? Да, если подумать, у меня есть троюродная сестра, которая управляет превосходным отелем около Рочестера.

В тот момент в комнату вошел их сын с пепельно-бледным лицом.

— Фрэнсис, дорогой, ты выглядишь не очень. Как считаешь, сможешь отвезти нас в Рочестер в ближайшую пару часов?

Фрэнсис вяло кивнул и безучастно посмотрел на мать. Миссис Хилтон решила, что знает, что у него на уме.

— Ты тоже хотел бы уехать, но Паула не хочет, так?

— Нет, мама, совсем нет.

— Конечно же, вы не останетесь здесь? После всего, что произошло? Даже не говоря о прошлой ночи. Это было бы чистым безумием! Рано или поздно «тот, другой» выйдет из больницы и вернется сюда. Один Бог знает, что произойдет тогда. Прошу тебя, Фрэнсис, постарайся убедить Паулу.

Говард Хилтон сделал сыну осторожный знак не отвечать.

Миссис Дороти Хилтон интерпретировала молчание сына так, как ей было удобнее, и спросила его кислым тоном:

— Значит, Паула не поедет с нами?

— Нет... Она обещала Бесси поехать с ней днем и навестить Брайана.

Час спустя Фрэнсис загрузил багаж родителей в автомобиль и сел на сиденье водителя. Мать села рядом.

— Что ты там делаешь, Говард? — раздраженно спросила она. — Нам предстоит дальняя дорога.

Говард Хилтон стоял, положив руку на ручку дверцы и бросая последний взгляд на поместье. Несмотря на всё, что произошло, ему было грустно уезжать. В конце концов, были тут и хорошие времена. И кто позаботится о розах, которые он так холил и лелеял?

— Говард, мы ждем!

Мистер Хилтон постоял с комком в горле еще нескольких секунд, глядя на старый дом. Он был уверен, что видит его в последний раз.

И он был прав.

Около четырех часов Патрик, Паула и Бесси увидели, как доктор Твист вышел из комнаты Брайана. Криминолог кратко приветствовал их и сказал, что увидится с ними позже, вечером. Он казался озабоченным, но возбужденным и держал в руке сложенный лист бумаги, который Патрик принял за телеграмму.

Брайан лежал в кровати с головой, полностью обмотанной бинтами, кроме глаз, которые радостно вспыхнули при виде трех посетителей, и рта, который приветствовал их бодрой улыбкой.

— Друзья мои, — сказал он слабым голосом. — Я буду жалеть, когда встану. За всю жизнь ко мне не было столько внимания.

— О чем вы говорите, Брайан? — ответила Бесси с ласковым упреком. — Это же вы никогда не замечали нашего существования. Что говорит врач? Когда он позволит вам вернуться домой?

— Он сказал, что мне очень повезло, но я должен оставаться здесь еще два месяца.

Это было верно, поскольку визитеры поговорили с врачом перед встречей с доктором Твистом. К счастью, на лице жертвы были только легкие ожоги, но его руки и ноги сильно пострадали и заживление займет больше времени. Еще два месяца в больнице — это минимум. Однако, несмотря на внешность, у Брайана — крепкий организм, и он стоически переносил страдания, не дрогнув морально.

Патрик небрежно спросил Брайана, какова была цель посещения доктора Твиста.

Радостный свет в глазах больного тут же померк.

— Мы проговорили около двух часов. Он задавал мне определенные вопросы о... картах, но я предпочел бы об этом не говорить. Непосредственно перед тем, как вы прибыли, кто-то принес ему телеграмму. Он прочел ее и очень заволновался, но не сказал мне, о чем она.

Видя, что Брайан сам начинает волноваться, Бесси сменила тему, но успела бросить на Патрика осуждающий взгляд.

Немного позже Паула объявила, что хочет выйти наружу покурить и спросила Патрика, не будет ли он так любезен, чтобы составить ей компанию.

Они молча вышли в сад и сели на скамью. Паула нервно курила сигарету, а затем объявила угрожающе спокойным голосом:

— Тебе не кажется, что самое время сказать мне правду?

— Но... какую правду?

— Правду о ваших отношениях с Бесси. Поскольку ясно как день, что вы не любите друг друга.

— Что ты такое говоришь, Паула?

— Правду. Только правду. Она не любит тебя, а ты не любишь ее. Это не означает, что вы не нравитесь друг другу. Все было довольно убедительно... в начале, по крайней мере. Но сейчас нужно быть слепым, чтобы не видеть: она любит Брайана, любит сильнее, чем даже тогда, когда была с Мидоусом.

— Куда ты клонишь? — воскликнул Патрик, воздевая руки к небу. — Она жалеет беднягу в том состоянии, в котором он находится.

— Жалеет? Ты видел, как она смотрит на него? Или я идиотка, или эта женщина только что поняла, что встретила мужчину своей жизни... или, точнее, что Брайан — именно тот, кто ей нужен. Забудем о нюансах. Ты не мог этого не заметить, и все же ты не расстроился... напротив, кажется, ты даже рад. В последний раз, Патрик, что происходит?

Синий Тростник собрался возразить, но сдержался и откинулся на скамье, глядя на парк. Чуть подумав, он решил признаться. Глубоко вздохнув, как пловец, собирающийся нырнуть, он сказал:

— Я могу объяснить это в трех словах, Паула: я люблю тебя.

— Именно этого я и боялась.

Ее слова звучали не ласково, но и не убедительно. Розовые щеки (от холода?) контрастировали с бледностью кожи. Волосы, раздуваемые ветром, в беспорядке упали на воротник пальто, пока она также смотрела вдаль.

— Очень хорошо, — сказал Патрик. — Вижу, ты не собираешься облегчить мою задачу, но я хочу рассказать тебе все.

— Что ж, самое время.
— Помнишь прошлое лето и наше последнее свидание в ночь, когда умер Харрис Торн?
— Отлично. И ты обещал мне, что это в последний раз и ты не будешь пытаться увидеть меня снова.

— Ну, с того момента я никогда не прекращал думать о тебе. Я... что толку. Не уверен, что ты поймешь. Достаточно сказать, я не сдержал обещания и стал думать. Как быть рядом с тобой, чтобы это не казалось подстроеным? Я провел разведку и...

— Подстроил знакомство с Бесси. Очаровательно!

— Паула, прошу тебя. Мне не хотелось бы, чтобы ты подумала...

— Подумала что? Что ты использовал ее как пешку на шахматной доске? Это отвратительно! Легкая добыча, бедная девушка, расстроенная отменой помолвки.

— Знаю, это выглядит не очень красиво, но я не мог найти другого способа. И я скажу тебе кое-что: Бесси была очень рада встретить меня тогда. Ей нужен был кто-то. Она никогда не признавалась, но впоследствии я узнал, что разрыв оказался для нее очень болезненным. Больше всего пострадало ее самолюбие. И я уверен, именно Мидоус разорвал помолвку, чтобы приударить за одной из ее лучших подруг.

— Это не очень красиво, согласна. Но я замечая, что ты быстро задираешь нос, когда речь идет о других.

— Она приезжала, чтобы увидеться со мной в Лондоне раз или два в неделю, — продолжал Патрик, смущенно откашлявшись. — И мы действительно хорошо проводили время. Между нами не было ничего такого, если хочешь знать, просто дружба.

— Да уж, когда речь идет о дружбе, тебе нет равных.

— Паула, пожалуйста! Выслушай меня. Мы виделись друг с другом несколько раз, а затем она предложила, чтобы я провел несколько дней с ней, чтобы встретиться с ее семьей и друзьями.

— Если это просто дружба, то я не понимаю, почему...

— И ее *друзьями*, — подчеркнул Синий Тростник.

— Понимаю, она хотела выставить тебя напоказ перед бывшим женихом в качестве своего рода мести. Полагаю, ты ожидал подобной реакции?

— Более или менее, — признался Патрик, глядя в землю. — Но тогда у меня было много работы, и я не мог оставить все это на Л... моего партнера. Кроме того, я сказал Бесси, что по странному стечению обстоятельств я знаком с тобой... таким образом, мы отложили мой неожиданный приезд на потом. Должно быть, для тебя было шоком увидеть меня на прошлой неделе?

— Не то слово! Но я сразу заподозрила здесь что-то не то. У тебя всегда такой виноватый взгляд, когда ты готовишь розыгрыш...

— И признаю, что в тот момент я очень боялся, да и позже. Ты была там, рядом со мной, но Бесси и Фрэнсис тоже были там... ладно, мне не нужно рисовать всю картину?

— Таким образом, ты исполнен раскаяния. Значит, не все потеряно. И ты спокойно спишь по ночам?

— Не очень. Я всегда думаю о тебе и о том вечере в бухте, о нашем полуночном купании, о...

— Достаточно. — Она резко остановила его. — А потом?

— Меня чрезвычайно заинтриговали предсказания Брайана. Я не знал, что и думать, мозг буквально кипел. А затем была смерть Сары и исчезновение Брайана. Я понятия не имел, что Бесси прятала его в мастерской. Недавно я почувствовал, что ее отношение изменилось, но не знал почему. Да, Паула, она действительно почувствовала тягу к Брайану, но не знаю, понимает ли это сама. Что бы там ни было, это было бы очень хорошо для Бесси, а кроме того, это снимает груз с моей души.

Звук машущих крыльев и пронзительные крики нарушили покой парка. Стая птиц взлетела к облакам сначала в пугающем беспорядке, но, как в конечном счете поняли Белая Камелия и Синий Тростник, в упорядоченном построении с меняющейся геометрией.

— Большой отлет, — заметил Патрик с восхищением и тоской.

— Чего я не понимаю, это что ты хочешь от меня. Чтобы я ушла от Фрэнсиса к тебе?

— Поначалу мой план состоял в том, чтобы осторожно приблизиться к тебе, а затем попытаться убедить. Чистое безумие, признаю. Но я честен и признаюсь в этом.

Паула тяжело вздохнула.

— Ты кажется, начинаешь умнеть, Патрик. Но раз мы говорим начистоту, должна сказать, что мы прекрасно ладим с мужем и я вполне довольна им.

— Паула...

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Патрик? Испорченного маленького ребенка, который хочет только то, что ему запрещено. На самом деле...

— Только без лекций по этике, пожалуйста.

— Очень хорошо. Что ты планируешь делать теперь?

Патрик скорчил гримасу и достал портсигар.

— Продолжить свое расследование? — насмешливо продолжала Паула. — Ты же смертельно напуган, не так ли? Ты уже знаешь, кто тот, кто был похож на Харриса и кого вы обнаружили в гробу?

— Это и было тело Харриса...

— Вы что, все с ума сошли?! Ты, твои полицейские друзья, и даже Фрэнсис? Брайану простительно верить в призраков. Но остальные... и ты, прежде всего, Патрик! Ты всегда говорил мне, что для каждой тайны есть рациональное объяснение. Ты передумал?

Патрик покачал головой и раздавил ногой сигарету, которую только что зажег.

— Я — то есть мы — знаем почти все, Паула. Нет никакого призрака и ничего подобного. У доктора Твиста даже есть теория о пророчествах Брайана.

Ошеломленная Паула смотрела на него дикими глазами.

— Харрис умер в прошлом году. И тело, которое вы нашли, это его? — пробормотала она.

— Да. Но давай пока оставим это. Со своей стороны, я довольно много узнал с прошлого понедельника, начиная со смерти Сары, так как видел конкретного человека в процессе... тогда в голове у меня ничего не щелкнуло, но потом я понял. А затем я плохо вел себя с точки зрения закона. Я оказался в неловком положении, потому что, если бы я рассказал о том, что видел, ты... возможно, ты подумала бы, что... ну, так или иначе я молчал и действовал самостоятельно, что было не самым умным, как я понимаю теперь. Но этот блестящий дьявол Твист все узнал. Он даже предположил, что между нами что-то было.

Ситуация хуже, чем ты можешь себе вообразить, Паула, потому что мы знаем почти все, но нет ни крупицы доказательств. Но дело нельзя оставлять просто так. Я считал, что поступаю правильно, Паула, клянусь. Я не хотел, чтобы ты подумала, что... Наверное, был какой-то другой способ, но ты меня знаешь... мне всегда нравилось все драматизировать.

Их прервал звук тяжелых шагов по гравию.

К ним приближался Арчибальд Хёрст. Дойдя до них, он мрачно взглянул на обоих и резко опустил рядом на скамью.

— Вы видели доктора Твиста? — спросил Патрик. — Ему пришла телеграмма.

— Знаю. Редферн послал ее из Ньюбери. Я только что говорил с ним по телефону. Твист немедленно уехал туда после того, как прочитал.

Молчание. Инспектор тянул время, раскуривая сигару и, очевидно, откладывая то, что собирался сказать. Наконец, он решился:

— У меня очень дурные вести для вас, миссис Хилтон. Крепитесь. Ваш муж и его родители погибли в автокатастрофе по пути в Ньюбери. Очевидно, водитель не справился с управлением, и машина загорелась. Все погибли мгновенно.

Это было справедливо в отношении родителей, но не Фрэнсиса, который, по словам свидетелей, некоторое время тщетно пытался вылезти из автомобиля. Инспектор решил сказать ложь во спасение.

Паула, казалось, сначала не поняла, но затем забилась в рыданиях. Патрик хотел обнять ее, но сдержался.

— К сожалению, миссис Хилтон, это не все. Мы совершенно уверены, что ваш муж убил свою сестру.

На следующий день в восемь вечера несколько посетителей расселись в гостиной бунгало Гектора Редферна. Паула, мрачная и тихая, сидела на диване рядом с Бесси. Со вчерашнего дня Бланты приютили ее, и она, вероятно, останется там некоторое время. Бесси пыталась, как могла, отвлечь ее от трагического и жестокого эпилога ее брака с Фрэнсисом. Патрик составлял им компанию, но не вмешивался в разговоры. Он непрерывно смотрел на Белую Камелию, напрасно ожидая взгляда или хоть тени улыбки, и не в силах проникнуть в ее мысли. Голубые глаза ее были широко открыты, но там не было ни слезинки. Бесстрастное лицо, что было плохим предзнаменованием, насколько это касалось его. Сейчас он сидел в кресле, нянча в руке стакан виски и мучая себя вопросом: «Сможет ли она когда-нибудь полюбить меня снова?»

Арчибальд Хёрст, утвердившись в своем кресле, был гораздо раскованней, чем обычно в таких случаях: Твист уже доверил ему большую часть тайны. Что было не так в случае суперинтенданта, который шагал взад и вперед перед камином, руки за спиной, с регулярностью часового механизма.

Погасив трубку и поправив пенсне, доктор Твист заговорил.

— Прежде, чем начну, я хочу подчеркнуть: то, что я собираюсь сказать, будет строго конфиденциальным и не должно выйти за пределы этих стен. Сами можете представить, какой шум поднимет пресса, если узнает. Семьи Торнов и Хилтонов уже достаточно пострадали, даже не подвергаясь нездоровому любопытству желтой прессы. Все согласны? То же самое относится к некоему лондонскому детективному агентству.

Сказав все это, без дополнительных околичностей перейду к сути дела и попытаюсь объяснить каждый случай в этой запутанной ситуации в хронологическом порядке. Начнем с Харви Торна. Очень странный человек, детали жизни которого дошли до нас через несколько последовательных свидетельств, что не сильно помогает. Между прочим, должен вам сказать, что довольно часто, когда мы отправляемся от неясного факта, неизбежно приходим к другому неясному факту в результате невероятной последовательности совпадений. Это — единственное объяснение, которое я могу предложить, чтобы найти хоть крупицу логики в этой сверхъестественной истории о пророчествах дедушки Харви. Он объявляет семье и своим потомкам, что они погибнут в огне, и, по несчастливой случайности, некоторые из них действительно умирают именно так. Совпадение — единственное — превращает пророчество в проклятие, и в результате комнату писателя запечатывают. Действительно, можно интерпретировать слова умирающего человека: «Погибнет... согрешивший... погибнет в огне... погибнет от огня...», которые, вероятно, менялись со временем при передаче, но я убежден, что они были действительно предсказанием о смерти от огня. Так думало и большинство людей, что понятно.

Твист сделал короткую паузу, чтобы вновь зажечь трубку, и продолжал:

— Харви Торна нашли умирающим на пороге его комнаты, обезумевшего от гнева и боли. Жертва сердечного приступа, по мнению докторов. Я обращаю ваше внимание на то, что такую улику, как мокрый ковер, сообщила не семья, а прислуга.

Твист бросил на инспектора озорной взгляд.

— И здесь я должен признаться, Хёрст, что вы мне очень помогли. — Инспектор надул грудь, несмотря на то, что выглядел озадаченным. — Благодаря тому, что вы бросили один из моих конвертов в огонь, а затем пролили чай на скатерть, я нашел решение той загадки, которое оказалось потрясающе простым.

Давайте сформулируем проблему иначе: что могло взволновать мирного дедушку Харви так, что у него не выдержало сердце? Его угрозы смерти — также очень информативны... Все еще не понимаете? Ну-ну, друзья, есть только одна возможность: один из членов его семьи, устав от его эксцентричности, решает уничтожить все его рукописи, сложив из них огромный костер. Можете вообразить его шок? Многолетний труд, множество бессонных ночей, работа всей его жизни полыхает у него перед глазами! Попробуйте поставить себя на место бедняги!

Мы знаем от Брайана, что Харви держал в комнате емкости с водой, чтобы наполнять большой бокал, с помощью которого концентрировал свои мысли. Водой, которой он тщетно пытается загасить ревущее пламя. На решетке не остается ни листка. С другой стороны, ковер, на который он плеснул много воды в попытках бороться с огнем, остался мокрым. Наш бедняга убит горем, буквально сражен ударом, нанесенным одним, если не всеми родственниками.

Обезумевший от боли, бессильной ярости и жажды мести, он бежит к двери, где падает, а пришедшие люди видят его на полу. Он находит силы и проклинает их, угрожая, что они *погибнут* так же, как *согрешили*, то есть *от огня*. Я не думаю, что те, кто сжег рукописи, желали ему смерти, но произошло то, что произошло. Неловкая ситуация. Очень неприятная.

Они торопливо убирают с решетки весь пепел, который мог выдать, что они сделали, но не могут убрать мокрый участок на ковре. Позже его заметит горничная, но семья об этом не упоминает по очевидным причинам. Вот и все, что можно сказать о том деле.

Теперь давайте перейдем к предсказаниям Брайана. Нет сомнений, что этот человек обладает своего рода даром, который я не хочу принижать. Есть слишком много свидетельств. Из своего богатого опыта я считаю, что большинство ясновидцев — прекрасные психологи и замечательные наблюдатели, которые нашли способ применять эти качества ради денег. Случай Брайана несколько отличается. Здесь скорее инстинкт, то есть его чувства очень остры, но он не анализирует их, а просто хранит множество небольших деталей о каждом человеке, который советуется с ним. Например, женщины всегда...

— Ну вот. Почему бы просто не сказать, что все мы полные дуры? — выступила Бесси.

Доктор Твист улыбнулся и мягко сказал:

— Я назвал бы этот дар женской интуицией, дорогая мисс Бесси. Но вернемся к Брайану. Одна из вещей, которую очень легко заметить, ясновидец ты или нет, это расцветающая любовь. Двое могут даже сами не подозревать об этом. Но есть специфическая атмосфера вокруг них, которую любой проницательный человек способен почувствовать.

Поэтому, если кто-то объявляет, что два голубка вскоре испытают большую любовь, это само по себе дает им возможность признаться в любви, потому что так написано на звездах. Что вы думаете, мисс Блант?

Бесси ответила циничным пожатием плеч и небольшим согласным кивком.

— Вот и все для первого предсказания, — продолжал Твист, увидев ее реакцию. — Второе говорило о несчастье, нависшем над Харрисом Торном, и его также легко понять. Брайан убежден, что комната его двоюродного деда проклята и что ее повторное открытие вызовет ужасный катаклизм. Поэтому, когда его брат объявляет, что собирается превратить комнату в кабинет, едва ли удивительно, что Брайан предупреждает его. Не сделай он так, это вызвало бы гораздо большее удивление. В то время, как мы знаем, отношения между Харрисом и его женой уже были бурными, и у них часто случались сильные ссоры. В центре конфликта стоял доктор Мидоус, которого владелец дома подозревал в попытке обольстить Сару. Все это создавало значительную напряженность, и что неизбежно должно было произойти, произошло.

На днях мой друг Хёрст заметил: «Видеть или не видеть — вот в чем вопрос!» Разумные слова, потому что в то время, как все мы терялись в догадках о том, что могло до такой степени напугать Сару Торн, она фактически не видела ничего! Она устала сидеть на ковре, и *она не увидела ничего*. Было доказано, что в комнате в тот момент не было никого. Никого, абсолютно никого. Не буду обременять вас всеми теориями, которые пришли мне на ум, когда я пытался доказать обратное, объясняя, как злоумышленник мог исчезнуть. Я думал о дюжине вариантов, но ни один из них не подошел. Поэтому я начал исследовать единственную оставшуюся гипотезу: Сара ничего не видела. Но тогда почему же она упала в обморок? Я мог придумать только одно объяснение: она ожидала что-то увидеть в том месте, но этого там больше не было. Само собой разумеется, это должно быть чем-то первостепенной важности: вопросом жизни или смерти.

Твист остановился, чтобы взять с журнального столика папку и достать листок бумаги.

— Здесь записаны перемещения всех в тот трагический вечер. И имеется нечто, что так и не разъяснилось. В 9.05 Сара Торн и вы, мисс Блант, идете в сторону парадных ворот и видите незнакомца, который убегает. Есть здесь кто-нибудь, кто может пролить свет на это? — спросил Твист, пристально глядя на Патрика.

— Это был я, — признался Синий Тростник, становясь алым. — Но клянусь, это неважно, по крайней мере, для этого дела. Я... мы... неважно.

Доктор Твист подарил Патрику наполовину озорную, наполовину нежную улыбку и продолжал:

— Эти заметки были сделаны в прошлом году, и уже тогда кое-что меня удивило. Что-то щелкнуло в голове. Послушайте: *«8.00 ... Начинает слышаться шум ссоры наверху»*. Это были Харрис и Сара, находящиеся в кабинете. Все их слышали. Затем: *«8.30 ...громкий шум прекратился»*. Вскоре после этого: *«8.45 Выходят Торны. Едва они отошли, как ссора вспыхивает вновь. Миссис Торн возвращается и расстроенная идет в салон. Врывается ее муж и идет наверх»*.

Как ни старался, я не мог придумать никакого объяснения такому поведению. Они ссорятся в течение получаса, молчат следующие четверть часа, выходят, не говоря ни слова, а едва закрывают за собой дверь, как начинают снова. У них что, не было времени, чтобы обменяться парой слов до этого? Ссора вспыхивает вновь, еще хуже. Но ситуация не взрывается за одну секунду, разве что в театре, и даже тогда... Если откровенно, я решил, что такое поведение очень подозрительно и... театрально. Между прочим, позвольте мне напомнить вам, что из сценических реквизитов Сары исчезли парик и фальшивая борода, обе рыжие.

Но я не собираюсь скрывать от вас, что произошло в действительности. Ссора между Торнами окончилась внезапно в половине девятого. Трагически, как выяснилось. Харрис — жесткий человек, но и Сара не позволяет себя запугать. Он хватает ее за плечи и трясет, она отталкивает его. Он падает. Голова ударяется в основание камина. Он мертв. Доктора, которые осматривают тело позже, определяют время смерти почти точно перед девятью. Они ошибаются, конечно: на их диагноз повлиял тот факт, что Харриса Торна видели живым без десяти минут девять.

Во время несчастного случая Фрэнсис бродит наверху. Он входит в кабинет и сразу понимает, что произошло. Он также понимает, что положение его сестры намного хуже, чем кажется. Харрис — богатый человек, очень богатый. Сара, с другой стороны, намного более скромного происхождения, и благодаря своему браку она узнала о преимуществах большого состояния. Слишком недавний брак, чтобы все поверили в несчастный случай. А слухи о возможной связи между его сестрой и Мидоусом еще больше все осложняют. О постоянных ссорах пары было широко известно. Одним словом, невероятное наследство может вовсе не попасть в руки сестры. И в этом случае ему тоже ничего не перепадет.

Само собой разумеется, все эти мысли проносятся в его голове скорее, чем я рассказываю. И он находит решение: если у Сары будет алиби, то ее версия несчастного случая будет принята без возражений. Поэтому, у нее должно быть алиби. По общему признанию, то, которое он собирается устроить на пустом месте в считанные минуты, не выдержало бы проверки, но под нависшей угрозой он решил, что попробовать стоит. Он отправляет Сару принести рыжий парик, фальшивую бороду и один из синих пиджаков покойного. У иллюзии, которую он собирается создать, есть все шансы на успех. Необходимо, чтобы люди видели рыжую шевелюру и синий пиджак, который сразу заставит их подумать о Харрисе. План был предельно прост: доказать, что Харрис в тот момент был все еще жив. С этого момента и до обнаружения тела Сара должна находиться в компании одного или нескольких заслуживающих доверия свидетелей. И нужно найти тело как можно скорее. Поэтому Сара должна вернуться в кабинет, но под зорким присмотром нескольких свидетелей.

Без четверти девять Сара и ее «муж» покидают дом. Они держатся за руки и прижимаются друг к другу, чтобы наблюдатель мог бросить лишь беглый взгляд на ложного Харриса. Снаружи Сара имитирует новую ссору, полную громких криков, чтобы иметь причину вернуться одной в салон и присоединиться к другим, после чего «Харрис» быстро пересекает холл. Пока неплохо. Но затем происходят осложнения. Брайан решает последовать за братом — к счастью для Фрэнсиса, на некотором расстоянии. Брайан обращается к нему, и мы можем понять, почему Фрэнсис не отвечает. Когда он входит в кабинет, то знает, что в его распоряжении лишь несколько секунд, чтобы избавиться от тела. Единственное решение состоит в том, чтобы выбросить его из окна. Когда заходит Брайан, он видит, как фальшивый Харрис высовывается из окна, бурно дыша, как человек в гневе. Брайан, слишком расстроенный, чтобы заметить обман, уходит. И мы можем вообразить глубокий вздох облегчения у Фрэнсиса. Он чудом спасся и теперь должен подумать.

Тело сейчас под окном. Это не так уж плохо. Харрис, в одном из своих многочисленных приступов ревности совершил, наконец, самоубийство, выбросившись из окна. Это даже более правдоподобно, чем если бы его нашли перед камином, как первоначально планировалось. Камин... Катастрофа! Кровь на каменном основании! Он быстро приносит немного воды, чтобы смыть ее.

— Вода на ковре, — пробормотала Бесси.

— Правильно, — согласился доктор Твист. — Можете вообразить сцену. Нельзя терять времени. Вода расплескалась на этом месте, ее энергично пытаются убрать, вытирают первой тканью, подвернувшейся под руку... но ковер неизбежно остается мокрым.

После всех этих усилий наш импровизированный уборщик сбегает по винтовой лестнице и через черный ход, чтобы осмотреть тело и уложить его так, чтобы версия падения выглядела убедительно. К счастью, выручают камни из сада, так и называемого садом камней, и один из них используют, чтобы нанести вторую смертельную рану в висок Харриса. Фрэнсис не забыл о Саре, которая скоро найдет кабинет пустым, но это не должно стать слишком большой проблемой. Она, конечно, удивится, но это все. Он вспоминает также о Пауле, которая ушла уже довольно давно. Он идет вокруг дома, выкрикивая ее имя. По стечению обстоятельств он находит ее в тот момент, когда она перелезает через стальную изгородь и... — Твист кашлянул, а Патрик слабо улыбнулся. — Но это пустяк. Давайте вернемся к Саре, которая входит в кабинет в четверть десятого в компании доктора Мидоуса и мисс Блант, собираясь испустить отчаянные вопли, обнаружив мужа там, где он должен находиться. Саре, которая начала день с сердечного приступа, все еще возбуждена после ссоры с мужем (которого она только что случайно убила) и собирает все силы, чтобы разыграть трудную трагическую роль. Она открывает дверь и... вот ужас: *она не видит ничего!* Тело мужа, которое должно лежать перед камином, исчезло! Нужно ли еще что-то говорить?

— Нет, — пробормотал Редферн. — Если смотреть с этой точки зрения, все кажется ясным.

Хёрст удовлетворенно кивнул. На этот раз не он был наивным учеником, внимающим мудрому Твисту.

— Так закончился первый акт драмы, — продолжал доктор Твист. — Но при подготовке к похоронам Харриса серые клеточки Фрэнсиса все время работают. Его сестра теперь богата, но что готовит будущее ему? Такая красавица не долго останется вдовой. И когда она вступит в повторный брак, кто знает, что произойдет? Его изощренный ум вскоре составляет бессовестный план. Его сестра должна умереть до второй свадьбы, чтобы ее состояние перешло Фрэнсису и его родителям, — то есть, практически опять же ему. Я не стану прямо сейчас демонстрировать ключевой фактор для его зловещего плана (мистер Нолан просветит нас через несколько минут), все, что вы должны знать в настоящий момент: потребовалась небольшая предварительная подготовка в дни сразу после смерти его зятя и небольшие регулярные действия впоследствии.

Идеальное преступление, которое он подготовил, достойно такого эпитета по нескольким причинам. Смерть Сары не должна была пробудить подозрения — как мы уже в этом убедились. Он не слишком рисковал перед фатальным днем, даже если бы его поймали на месте преступления. Ни потом. У него могли возникнуть затруднения при попытке оправдать свои действия, но в глазах закона он не совершал уголовного преступления. Идеальное преступление, но любопытно, что ему и этого мало. Он хочет так запутать ситуацию, чтобы предстоящая смерть его сестры была объявлена заранее в одном из печально известных пророчеств Брайана. И пока он развлекается, укрепляя репутацию Брайана-пророка. Отдадим Фрэнсису должное: предсказания Брайана, следуя за пророчествами Харви, действительно запутали дело до такой степени, что мы не знали, куда смотреть под такой лавиной тайн. Само собой разумеется, он эксплуатировал и репутацию «комнаты безумца», не забывая подробности с мокрым ковром. По-своему, это шедевр ложного направления, а смерть Сары — естественная смерть, хотя и вызванная дьявольской махинацией — будет казаться совершенно понятной. Она будет деревом, скрытым в лесу. Теперь следует рассмотреть вопрос, как Фрэнсису удалось принудить Брайана делать такие пророчества.

И это приводит нас ко второму акту, который начинается, как только Фрэнсис узнает, что Сара и Мидоус влюбились друг в друга. Поскольку Фрэнсис и Сара связаны тайной смерти ее мужа, она ничего не скрывает от него, и, таким образом, он полностью осведомлен о ее чувствах. Короче

говоря, он начинает следующую фазу своего плана, а именно, выполнение двух пророчеств Брайана. Предсказатель объявляет, что Фрэнсис выиграет крупную сумму, а также станет жертвой небольшого инцидента, который, как окажется, станет прелюдией смерти Сары. Сейчас уже очевидно, что обморок Фрэнсиса на пороге проклятой комнаты был постановкой, и что он сознательно ударился головой о косяк, чтобы показалась кровь, внося в картину легкую нотку реализма. На каминной доске стоял ряд оловянных кружек, одну из которых он заранее заполнил водой. Он вылил ее на ковер как раз перед «обмороком». У меня нет никаких доказательств, но это — единственное время, когда можно было смочить ковер.

— Вполне ясно, — сказал суперинтендант. — Но что с его победой на скачках? Вы же не собираетесь сказать нам, что это чистая удача?

— Конечно, нет. Но задайте себе вопрос: есть ли какой-то способ сделать ставку так, чтобы абсолютно точно выиграть?

Повисла тишина, а затем Патрик поднял палец:

— Есть. Это очень просто, но очень дорого. Вы ставите на всех лошадей.

— Bravo, молодой человек, мои поздравления, — ответил доктор Твист. — Это обошлось ему в крупную сумму, но вы должны признать, дело того стоило. И он предусмотрел, чтобы были свидетели, когда он делал ставку, когда показал выигрышный билет и когда забирал выигрыш — на случай, если какой-либо скептик потребует доказательств. Он был настроен поддерживать репутацию Брайана как пророка первого класса.

Суперинтендант не был удовлетворен и смотрел на криминолога с подозрением:

— Вы ответили на много вопросов, но что относительно предсказаний Брайана? Как Фрэнсис управлял им, чтобы он говорил то, что тому нужно?

— Двойное предсказание, мой дорогой Редферн, стало результатом разговора с Брайаном в его комнате. Вчера днем я подробно расспросил его об этом и о том особом разговоре в другой вечер, и вообще о важности карт в его предсказаниях. Брайан, как большинство ясновидцев, часто использует для предсказания будущего карты таро, а иногда даже обычные карты. Даже при том, что он не интерпретирует отдельные карты таро буквально — как вы знаете, у каждой карты есть точное значение, — он действительно использует их в качестве направляющего фактора. И когда определенные карты появляются часто, он, вероятно, окажется под их влиянием. Именно это произошло во время визита Фрэнсиса. Если сказать прямо, все, что Фрэнсис должен был сделать, чтобы получить нужное предсказание, это использовать свой талант шулера.

И если вам нужны дополнительные подтверждения, вспомните: Фрэнсис почти никогда не проигрывал в бридж, чего не случается даже с величайшими мастерами игры. Есть только один способ достичь такого результата, и это подтасовка. И, если память мне не изменяет, Харрис Торн пару раз обвинял его в этом. Но, поскольку его никогда не ловили за руку, он, должно быть, был очень хорош в этом деле.

Доктор Твист попросил стакан воды. Бесси пошла принести его. Утолив жажду, криминолог продолжал:

— Нетрудно вообразить, как он обманывал Брайана. Он, вероятно, взял с собой две или три колоды, идентичные брайановским, заранее растасованные в особом порядке, и ждал секунды невнимания, чтобы поменять колоды. И когда он делал вид, что снимает колоду, он фактически оставлял все карты лежать в том же порядке.

Как я сказал, я расспросил Брайана, и он признал, что все это вполне возможно. Я также расспросил его о вечере, после которого он предсказал серьезные неприятности для Сары. Была партия в бридж с доктором Мидоусом, Сарой, Фрэнсисом, Брайаном и вами, миссис Хилтон, но вы фактически не принимали участие, помните?

Паула, которая рассеянно глядела на огонь, кивнула.

— Первое, на что стоит обратить внимание, состоит в том, что Фрэнсис тем вечером не выиграл, а это для него очень необычно... предполагалось, что его мысли были где-то в другом месте. Правда состоит в том, что он пытался перетасовать колоду так, чтобы в руки его сестры попадали две очень важные для него карты — всегда те же самые, что не могло не привлечь внимания Брайана. Две с виду совершенно обычные карты, которые не имели никакого значения для нормального игрока, но для Брайана они означали смерть. Фрэнсис играл с Мидоусом против Сары и Брайана. Он сидел справа от сестры и именно он собирал карты и вручал их ей прежде,

чем она раздавала. Небольшое ложное движение, и они упали на пол, что приписали нервозности Сары. Это произошло несколько раз в ходе вечера, и к концу Брайан был убежден, что дни его невестки сочтены. Он не хотел говорить ей это, но чувствовал, что не может молчать.

Как только фатальное пророчество было произнесено, все, что оставалось сделать Фрэнсису, это выполнить свою дьявольскую стратегию и убить Сару, не оставляя следов. Перед тем, как дать слово Патрику Нолану, я должен сообщить вам, что это идеальное преступление действительно потребовало некоторой подготовки, без которой убийца не добился бы успеха. Было жизненно важно, чтобы жертва была в особом настроении и упала замертво при виде того, что Фрэнсис ей покажет. И она действительно умерла от сердечного приступа, как и подтвердил судебно-медицинский эксперт. Фрэнсис знал, что у нее слабое сердце, и сделал расчет именно на эту слабость. Как только он убедился, что она действительно собирается выйти замуж за Мидоуса, он привел в движение механизм, суть которого состояла, как вы, вероятно, уже поняли, в вере Сары, что ее муж в действительности не мертв. Есть несколько случаев, о которых мы знаем: однажды вечером перегорели предохранители, и в темноте кто-то погладил волосы Сары. Конечно, это был Фрэнсис. В другой раз он заполнил кабинет дымом от сигары того сорта, который курил Харрис. Тонкий намек, но на Сару он подействовал деморализующе. И именно он прятался в лесу (само собой разумеется, загримированный под Харриса), стараясь попасть на глаза сестре, а не вам, миссис Хилтон, когда вы шли рядом с ней. Это те случаи, о которых мы знаем, но были, несомненно, и другие, намекающие на возвращение ее умершего мужа.

Всё было проведено мастерски, и Фрэнсис считал, что все тузы у него на руках. Сара не могла доверять никому, кроме него. Только он знал, что именно она убила своего мужа, и появления покойного были подстроены так, чтобы использовать этот факт. Призрак может быть мстительным, и я уверен, что Фрэнсис подчеркивал эту мысль, когда напоминал Саре о его ревности, — едва ли он одобрит ее нового жениха, особенно если тот окажется доктором Мидоусом. А это сделало невозможным для нее поделиться с доктором своими страхами. Разговор между Фрэнсисом и его сестрой, подслушанный мистером Ноланом, отлично иллюстрирует коварство, с которым наш убийца придает правдоподобность возвращению ее покойного мужа. Он использует свой собственный обморок (хоть и ложный и направленный, прежде всего, на упрочение славы Брайана), чтобы намекнуть Саре, что он видел перед камином именно ее покойного мужа. Позвольте напомнить: она не сознавала, что падение ее брата было чистым обманом, и, таким образом, разговор еще больше нервирует ее. Что видел ее брат? Почему он не хочет сказать ей? Фрэнсис знает, что у его сестры тысяча вопросов, но притворяется, что не может или, скорее, не хочет вспомнить. Его слова говорят, что он ничего не видел, но голос, выражение его лица и все поведение свидетельствуют об обратном: он видел что-то столь безумное и настолько ужасное, что не может заставить себя говорить об этом, чтобы не напугать Сару еще больше. После этого разве она не станет думать, что именно ее покойного мужа видели на том самом месте, где он встретил свою смерть?

Мистер Нолан, вы видели и слышали их в тот момент. Вы согласны с тем, что я только что сказал?

— Абсолютно.

Твист задумчиво соединил кончики пальцев, а затем повернулся к Хёрсту.

— Помните, мой друг, когда вы сказали ему, что кто-то подслушал их разговор, он страшно заволновался? Он был в сложном положении, потому что не знал в точности, что именно слышали, а что нет. Он был достаточно проницателен, чтобы не отрицать фактов и придерживаться правды в широком смысле. Он предпочел бы не обнародовать, чего именно боялась Сара, но был вынужден и вышел из затруднения довольно неплохо, воспользовавшись тем же приемом, который применил с сестрой: сыграл человека, который сам не верит в подобные вещи. И он подмешивал все это к зловещей атмосфере места и больному воображению Сары. Это было очень убедительно, и признаю, что верил ему тогда.

— Фактически, мне казалось, что было что-то подозрительное во всей ситуации, — сказал инспектор с уверенностью, которая никого не обманула.

— Есть одна вещь в этой мрачной и зловещей истории, которая заставила меня улыбнуться, — сказал Алан Твист. — Фрэнсис так блестяще вел свою линию, что сестра тайно изменила свое завещание в пользу Брайана, надеясь таким образом успокоить мстительного призрака. Мне

приятно представлять, что почувствовал Фрэнсис, когда объявили условия нового завещания. Но в принципе он действительно достиг почти всего, к чему стремился. Его сестра была полужива от страха, и оставалось нанести последний удар. В конце концов, это и было сделано. Вы можете, вероятно, предположить, чем именно была та «вещь», которая наконец убила ее. Мистер Нолан, ваша очередь говорить, потому что вы были первым, кто это понял.

28

Патрик откашлялся, осушил бокал и начал:

— Я действительно понял первым, но не могу принять похвалу. В тот понедельник вечером около половины десятого — другими словами, за полтора часа до смерти Сары — я возвращался из Лондона и увидел, как Фрэнсис выходит из сада Блантов. Он толкал тачку, в которой находился труп... довольно специфический. Кроме того, должен сообщить, что несколькими неделями раньше я видел, как он выходит из предприятия, специализирующегося на холодильном оборудовании, но он меня не видел.

— Он заморозил труп Харриса Торна! — воскликнул удивленный суперинтендант.

Присутствующие заерзали на стульях.

— Точно. И именно этот труп он перенес в бывший кабинет Харриса и положил перед камином. Можете представить себе шок, который испытала Сара, увидев покойного мужа на том же самом месте, где он умер годом раньше? Позвольте мне напомнить вам, что лампа на столе горела: Фрэнсис, должно быть, поставил ее так, чтобы подчеркнуть эффект. И труп оттаивал больше часа. Не было необходимости плескать воду на ковер. Теоретически, Фрэнсис не мог быть абсолютно уверен, что эта сцена вызовет у сестры сердечный приступ, но создал для этого все условия, и поэтому трудно вообразить любой другой результат.

— Это чудовищно, — объявил Редферн. — Абсолютно чудовищно!

— Ублюдок, — процедил Мидоус сквозь стиснутые зубы.

Остальные молчали. Испуганная Бесси держала Паулу за руку. Жену убийцы била дрожь, и казалось, что она сейчас упадет в обморок. Патрик смотрел на нее, бессильный что-либо сделать. Она поймала его взгляд и взяла себя в руки, готовая услышать остальную часть истории.

— Что бесспорно, однако, это то, что убийство, как сказал доктор Твист, планировалось в течение долгого времени. Поскольку нет сомнений, что Харриса Торна заморозили сразу после того, как его поместили в семейный склеп. Но как и где? Фрэнсис быстро понял, что заброшенная мастерская Блантов будет идеальным тайником. Кроме того, там имелся огромный сундук, заполненный опилками и деревянной стружкой — материал, которым часто обкладывают водопроводные трубы, чтобы они не замерзли, то есть превосходный теплоизолятор. Внутри этого сундука он соорудил из досок футляр меньшего размера, в который поместил труп. Пространство вокруг трупа он заполнил сухим льдом — замороженным углекислым газом — который остается в твердом состоянии при более низких температурах, чем обычный лед. При более высоких температурах он превращается в газ, который также хороший изолятор. Сухой лед изготавливает «Коуп Рефрежерейтинг Компани», где я расследовал случай супружеской измены и где увидел Фрэнсиса. Думаю, он ездил туда раз-два в неделю?

Вопрос был адресован Пауле, которая слегка кивнула.

— О! Я забыл: вы все знаете воздействие углекислого газа. Мастерскую необходимо было проветривать. Не случайно, что несколько стекол в окнах мастерской оказались разбиты. И даже в этом случае, Бесси, ваш дедушка перенес вредное воздействие этого газа, когда решил войти туда, помните?

— Да, и я помню...

— ...что Фрэнсис чуть не упал в обморок, когда услышал, что ваш дедушка ходил туда, — перебила Паула. Ее глаза наполнились слезами. Редферн вновь наполнил ее бокал портвейном и

предложил его остальным в попытке как-то успокоить всех. Набив трубку, доктор Твист подхватил рассказ:

— Остается еще тайна двойного появления Харриса Торна после похорон Сары, но сначала давайте закончим с событиями в ночь убийства. В половине девятого Фрэнсис, очевидно, не находился в кабинете, как он утверждал, потому что в ту самую минуту он перевозил труп из мастерской Блантов в дом, а затем несомненно поместил его в кладовку, соседнюю с кабинетом. В девять часов, миссис Хилтон, вы приносите ему чашку кофе, которую он, как я предполагаю, еще в начале вечера попросил принести в это конкретное время? — Паула молча кивнула. — Очень хорошо. Вы понимаете, было важно, чтобы кто-то подтвердил, что в тот момент в комнате не было ничего подозрительного... После этого вы оба спускаетесь в салон. Между девятью двадцатью и девятью тридцатью Сара остается в полном одиночестве: вы, миссис Хилтон, идете сварить еще немного кофе, а Фрэнсис якобы идет в игровую комнату. Но в действительности он выскакивает оттуда и использует эти десять минут — более, чем достаточно, — чтобы перенести труп Харриса из кладовки в кабинет перед камином. В десять часов Сара подходит к «проклятой комнате». Фрэнсис, конечно же, не оставшийся в игровой комнате, как он позже утверждал, прячется, ждет и тайно следует за сестрой на расстоянии: не только, чтобы посмотреть, идет ли «операция» согласно плану, но и чтобы избавиться от тела после фатального момента. Кэти Рестерик, наблюдавшая падение Сары, в план не входила, но и не нарушила его. Как Фрэнсис впоследствии избавился от трупа Харриса? Трудно сказать наверняка. Думаю, он, должно быть, выбросил его из окна после того, как горничная убежала, — так же, как сделал годом ранее — и помчался вниз по лестнице и из двери черного хода, чтобы спрятать труп за кустами, а затем поспешил назад в игровую комнату. Я также считаю, что он положил его в багажник автомобиля, когда поехал за доктором Мидоусом немного позже, таким образом, он мог временно перевезти его в более безопасное укрытие, прежде чем вернуть на законное место: в гроб.

В целом (за исключением изменения завещания сестры) можно сказать, что все прошло по его плану вплоть до дня похорон Сары в прошлую пятницу. Именно тогда он пережил самое большое потрясение в своей жизни: мертвеца, но уже ожившего, видел Патрик Нолан! Что почувствовал убийца в этот момент? Нетрудно вообразить. В его больном уме вспыхнула тысяча вопросов. Неужели кто-то забавляется, играя роль мертвеца, как ранее неоднократно это делал он сам? Нет, это смешно. Сверхъестественное совпадение? Трудно поверить. Больше всего он боится, что обыщут склеп. Если найдут «свежий» труп Харриса Торна, это может навести на его след. Между прочим, нет никакого способа сказать, было тело заморожено или нет. Возможно, он этого не знал. Но в любом случае, если полиция захочет обыскать склеп, тут уж ничего не поделаешь. С другой стороны, было жизненно важно уничтожить все следы операции по заморозке в мастерской Блантов, и самый простой и верный способ — это поджечь ее. Что он и продельывает в ту же ночь. — Твист бросил осторожный взгляд на Паулу. — Нет никаких свидетельств, что он знал о присутствии там Брайана, когда бросал спичку через окно.

Даже при том, что все молчали, было ясно: никто в комнате не считал, что перспектива еще одного убийства удержала бы Фрэнсиса. Твист продолжал:

— Не хотел бы я быть на месте Фрэнсиса на следующий день, в воскресенье, когда два туриста формально опознали водителя автомобиля, который врезался в них. Я уверен, вы можете вспомнить выражение его лица в вечер, когда мы объявили, что собираемся посетить часовню. Ладно, достаточно об этом. Но как объяснить это двойное новое появление Харриса Торна, который отказывается оставаться в гробу. И вновь мне придется предупредить любителей загадок, что объяснение разочаровывающе просто. Вновь слово вам, мистер Нолан.

Патрик нервно оторвал верхнюю пуговицу на рубашке. Когда он заговорил, его глаза продолжали упрямо смотреть на носки ботинок:

— Должен сразу сказать вам, — начал он почти неслышно, — что Терлоу не чужие мне люди. Близкие друзья, а Луис — мой партнер в детективном агентстве.

Редферн открыл рот от такого заявления, а Твист и Арчибалд Хёрст откашлялись.

— Как я уже говорил, — продолжал Патрик, и лицо его стало алым как мак, — я начал понимать ситуацию в общих чертах в понедельник вечером, когда увидел Фрэнсиса в процессе перевозки трупа в тачке, и затем, когда заглянул в мастерскую. Но лишь на следующий день, когда

узнал о смерти Сары, я начал понимать значение того, что увидел. Многие детали все еще оставались неясными, но я знал достаточно, чтобы не сомневаться: Фрэнсис убил свою сестру.

Почему я не обвинил его тогда? Ведь это было легко. Помимо моих слов была мастерская и, должно быть, другие улики. Я клянусь себя сейчас за то, что мне не хватило здравого смысла это сделать, потому что тогда Брайан сейчас не был бы в больнице... я не пытался покрыть содеянное Фрэнсисом — вовсе нет! — но я не хотел быть тем, кто обвинит его... или, скорее, я не хотел, чтобы один конкретный человек знал, что это я его обвинил. Поскольку тот человек мог подумать, что я действую из личных интересов... Она могла даже решить, что я специально оболгал его... и закончила бы тем, что посчитала бы его невиновным. Я знаю, что говорю непонятно, но человек, которого я имею в виду, понимает. — Патрик продолжал смотреть на собственную обувь. — Если коротко: Фрэнсис должен был заплатить за свое преступление, но обвинить его должен был не я!

Что я решил сделать, можно критиковать: существовали и более простые способы заставить следствие понять, что произошло. Но я хотел поддержать атмосферу этого дела, все сильнее пугая преступника, загоняя его в угол, и заставляя его потерять голову, когда он поймет, что конец неизбежен. И ночной визит в семейный склеп был неплохим финальным штрихом. Я не знал, вернул ли Фрэнсис труп в гроб, но пустой гроб будет выглядеть не менее подозрительно. Так или иначе, человек, которого я встретил после похорон и который напоминал Харриса Торна как две горошины в стручке, никогда не существовал. Я его придумал. Что касается лихача Харриса Торна, его также придумали. В прошлый четверг я связался с Луисом Терлоу и рассказал ему, где найти кабриолет. Именно он взял его и вернул после того, как повредил крыло о собственную машину с помощью жены. Не думаю, что нужны подробности.

Суперинтендант сидел с открытым ртом.

— Давайте посмотрим, — промурлыкал Хёрст с кошачьей улыбкой, — лжесвидетельство во время расследования убийства... Это может стоить трем из вас очень дорого, я уже не говорю о вашем детективном агентстве. Соккрытие улик, искажение фактов, манипуляция полицейскими при выполнении ими своих обязанностей... К счастью для вас, мы знаем, когда нужно молчать. Я хотел бы заметить, однако, что во время нашего посещения царства мертвых преступник не раскололся, как вы, очевидно, рассчитывали. — Лицо инспектора омрачилось. — И возможно, это было благословением свыше. Ужасная авария, которая унесла жизни Хилтонов — уже страдающих от потери дочери, — не дала им узнать страшную правду об их сыне.

Эпилог

В конце недели Паула вернулась в Пэдстоу к родителям. Она не возражала, когда Патрик предложил сопровождать ее, но и не выразила радости. Простит ли она ему хоть когда-нибудь? Она не упрекала его ни в чем. Зная его, она не удивилась, что он действовал так, а не иначе. Позволит ли она ему хоть изредка навещать ее? Она не возражала, но и не проявляла энтузиазма.

В течение последующих нескольких недель родители Патрика видели своего сына чаще, чем за предыдущие несколько лет, поскольку молодой детектив регулярно навещал их. Отношения между ним и Паулой вернулись к тем, какими были до известного купания при луне, но без подначиваний и радостного смеха. Только дружба, не больше.

Прошла зима, мрачная и гнетущая, и дни стали удлиняться. С первым весенним теплом вернулись перелетные птицы. Всякий раз, когда Патрик приезжал в Пэдстоу повидать подругу, он приглашал ее на ланч в какой-нибудь ресторан, известный прекрасной кухней, превосходным ассортиментом вин и хорошим обслуживанием, и тот майский день не был исключением. Разве что в этот день, когда они сидели на террасе, выходящей на залив, ему показалось, что он впервые заметил тень улыбки на ее лице. Он протянул руку через стол и коснулся ее ладони. Она не отняла руки...

В следующем месяце Белая Камелия и Синий Тростник уехали в свадебное путешествие.

* * *

Что произошло с доктором Мидоусом? Возможно, вы видите его обремененным богатой, строгой и авторитарной женой. Ничего подобного. Он женился на одной из самых красивых молодых женщин в графстве. И одной из самых богатых. Единственное облачко на горизонте: спустя два месяца после свадьбы она тайно сбежала со сладкоречивым коммивояжером. Доктор Мидоус все еще безутешен.

* * *

В день, когда его выписали из больницы, Брайан, попросил Бесси выйти за него замуж. Она ответила, что это очень достойное и привлекательное предложение, и ее удивляет лишь то, что он так долго ждал. Однако она приняла его при одном условии: больше никаких разговоров о пророчествах, предсказаниях и прочем. Брайан заверил, что ей не о чем волноваться: с тех пор, как доктор Твист объяснил ему, каким образом Фрэнсис управлял им, он полностью потерял веру в свой так называемый дар, а кроме того, не имеет никакого желания вновь чувствовать вину, когда одно из пророчеств сбудется.

Они поженились тем же летом и обосновались в Ковентри около завода по производству велосипедов, который Брайан унаследовал от Сары. Первоначально служащие и деловые партнеры сомневались, окажется ли новый директор достаточно хорошим руководителем, способным управлять компанией. Их сомнения исчезли, когда он продемонстрировал свой природный талант находить новые рынки и привлекать инвестиции.

Казалось, никакие тучи не омрачают их супружеское счастье, и Бесси родила ему дочерей-близнецов, а затем наследника. Брайан был счастливейшим человеком на земле и, вероятно, в этом качестве — одним из немногих Торнов. За исключением одного случая...

Примирившись, наконец, с продажей Хаттон-Мэнор, Брайан согласился продать также всю обстановку за исключением некоторых книг, которые он выберет лично. Сам он занимался главной библиотекой, предоставив Бесси разбирать кабинет, строго руководствуясь его указаниями.

После двух часов работы она почти достигла той части книжного шкафа, где, как ей говорили, находится секретная дверь в кладовку, и решила отдохнуть. Она перешла к окну, посмотреть, как падает снег, и, несмотря на ревущий огонь в очаге, поежилась от какого-то гнетущего чувства. Комната всегда действовала на нее так. Она вернулась к книжному шкафу и решила попробовать

найти секретную панель. Убрав дюжину книг, ни одной из которых не было в списке Брайана, она увидела одну, отличающуюся от остальных. Вставленная в обложку из телячьей кожи, она была покрыта пылью. На обложке золотыми буквами было вытеснено название: «Личные записки юного волокиты». Удивленная, она открыла книгу и нахмурилась. Это был не обычный текст, отпечатанный типографской машиной, а набор рукописных страниц, перевязанных красной лентой. И предмет не имел никакого отношения к названию...

Неприятное подозрение зародилось у нее в голове, и на последней странице она без удивления прочла имя автора: Харви Торн.

Холодный озноб пробежал по спине. Сильно расстроенная, она закрыла глаза и несколько минут напряженно размышляла. Затем, решившись, она встала и развязала ленту, связывающую страницы. Одну за другой она стала бросать их в огонь.

И в этот момент в комнату вошел Брайан.

* * *

В Лондоне тем же вечером инспектор Хёрст находился в квартире своего друга, и оба наслаждались превосходным коньяком у камина, не обращая внимания на снег, падающий снаружи.

— ...и особенно дело Торна, которое вы раскрыли так мастерски вплоть до мельчайших деталей.

— Мельчайших деталей? Конечно же, нет, мой друг.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хёрст, глаза которого готовы были выскочить из орбит.

— Только то, что сказал. Дело далеко от того, чтобы считаться раскрытым.

— Вы шутите?

— Отнюдь. Не поймите меня превратно: объяснения, которые дал Патрик Нолан и я, были правильными. Проблема не в этом.

— Тогда в чем, черт побери?

— Лучший способ, которым я могу ее описать, — это накопление событий, каждое из которых может быть объяснено простым совпадением. А как вы знаете, я не очень люблю совпадения. Возьмем, например, предупреждение, которое Брайан дал Харрису, когда тот решил вновь открыть запечатанную комнату. Я объяснил, что именно побудило Брайана сделать это, но не почему такое событие фактически произошло. В конце концов, спустя две недели после пророчества Харрис действительно мертв. И это не все. Просто подумайте об этом: как только ту проклятую комнату открыли, последовала цепь событий, каждое из которых мы объяснили. Но факт остается фактом: *все они произошли*. Ссоры между Торнами увеличились, Сара случайно убила мужа, а Фрэнсис превратился в истинного монстра. Согласно всем свидетелям, ничто не предсказывало, что он сделает нечто подобное. Даже Нолан сказал, что тот всегда был приличным парнем.

— Но большинство убийц...

— Возможно, — перебил Твист инспектора. — Но только подумайте обо всех его махинациях. Они были скорее работой сумасшедшего, чем хладнокровного убийцы. Я могу придумать десятки способов избавиться от кого-то, и все они намного менее опасные, чем то, что он сделал.

И это не все. Что скажете о предсказаниях дедушки Харви? Почти вся семья действительно погибла от огня, как он и предсказал. А Брайан только чудом избежал подобной судьбы. Можете сказать, что Хилтоны не были прямыми потомками, но и они сгорели заживо. Нет, эта последовательность совпадений действительно меня беспокоит.

А затем есть и общая схема событий. Это последовательность тайн, каждая из которых более странная, чем предыдущая, а кульминация — обнаружение почти не изменившегося Харриса Торна в его собственном гробу. Мы объяснили каждое событие и их связи. Но каждый раз все висело на нити, идущей от роли, играемой Патриком Ноланом. Если бы он не знал Паулу, она никогда не вышла бы замуж за Фрэнсиса. И если бы у них не было небольшого приключения и если бы оно не приняло ту форму, которую приняло (по крайней мере, для Нолана), он никогда не сделал бы того, что сделал. Прежде всего, если бы он не решил тогда пройти через лес, то никогда не увидел бы Фрэнсиса с тачкой. Что касается самого Фрэнсиса, я все еще не могу понять его

незаметное превращение в особо изощренного преступника. Доктор Мидоус тоже сыграл важную роль: во первых, разорвал помолвку (что позволило Нолану выйти на сцену), а во-вторых, вызвал, преднамеренно или нет, чувство ревности у Харриса Торна, ревности, которая стала причиной его гибели. Вдобавок ко всему был Брайан со своими пророчествами, от которых все пошло...

И это — только грубый перечень. Если мы коснемся более мелких деталей, то просидим здесь всю ночь.

— Что ж, с этим все ясно, Твист, но что вы пытаетесь доказать?

— Ничего, — вздохнул Твист, поигрывая коньяком в бокале. — Возможно, я теряю хватку.

— Вы это сами сказали, не я, — вздохнул Арчибальд Хёрст. — Что касается меня, самое большое разочарование: хоть на этот раз мы нашли секретный проход на месте преступления, он оказался практически ни при чем.

* * *

— Бесси! — воскликнул Брайан, с удивлением и мукой глядя на страницы, горящие на каминной решетке. — Что ты делаешь? Что за книгу ты сжигаешь?

Бесси не отвечала. Он взял обложку, чуть улыбнулся названию, а затем выхватил из огня последнюю оставшуюся страницу. Загасив пламя, он исследовал оставшийся фрагмент. Некоторое время он рассматривал его, а затем вернул жене:

— Одна из рукописей дедушки Харви?

— Кажется. На последней странице стояло его имя.

— Почему ты сожгла ее? — спросил он, содрогаясь от эмоций.

— Я должна была это сделать, Брайан! — ответила Бесси, глядя ему прямо в глаза.

Брайан молча кивнул.

— Да, — медленно произнес он, как будто с сожалением, — думаю, ты поступила правильно. Лучше забыть обо всем этом.

Внезапно глаза его загорелись странным огнем.

— Ты... ты что-нибудь прочла?

— Нет.

Вновь Брайан рассмотрел то, что осталось от листка бумаги. Это была первая страница рукописи. Сохранилось лишь несколько строк:

Что ожидаешь найти в гробу?

Иногда оказывается необходимо потревожить землю на кладбище, чтобы выкопать тело. Это случается довольно редко, и должно иметься серьезное основание.

Когда гроб появляется при свете дня под неподвижными взглядами...